

МЮРИЭЛ
СПАРК

УТЕШИТЕЛИ

РОМАН

ТЕКСТ

Утешители
Мюриэл Спарк

Аннотация
Мюриэл Спарк. Утешители
Информация от издательства
От переводчика
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть вторая
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
Над книгой работали

Аннотация

Впервые на русском первый роман классика современной шотландской литературы Мюриэл Спарк (1918—2006). Авантюристка семидесяти восьми лет занимается контрабандой бриллиантов, ее внук пытается распутать преступление бабушки, потусторонние голоса диктуют его любовнице роман о ней самой, а Тартюф в юбке, шантажистка с необъятным бюстом, тщится наставить на путь истинный всех окружающих – эти гротескные образы и фантастические ситуации составляют содержание романа, о котором Ивлин Во написал: «Блистательно, оригинально и захватывающе!»

Мюриэл Спарк
Утешители

Информация от издательства

Publishing
Scotland
Foillseachadh Alba

The translation of this book has been made possible with the help of the Publishing Scotland translation fund

16+

Спарк М.

Утешители: Роман / Мюриэл Спарк; пер. с англ. В. Скороденко. — Москва: Текст, 2017.

ISBN 978-5-7516-1472-0

Впервые на русском первый роман классика современной шотландской литературы Мюриэл Спарк (1918–2006). Авантюристка семидесяти восьми лет занимается контрабандой бриллиантов, ее внук пытается распутать преступление бабушки, потусторонние голоса диктуют его любовнице роман о ней самой, а Тартюф в юбке, шантажистка с необъятным бюстом, тщится наставить на путь истинный всех окружающих

— эти гротескные образы и фантастические ситуации составляют содержание романа, о котором Ивлин Во написал: «Блистательно, оригинально и захватывающе!»

© Copyright Administration Ltd., 1957
© Владимир Скороденко, перевод, 2017
© «Текст», издание на русском языке, 2017

От переводчика

Интересно отметить, что слово «утешители» (*comforters*), которым автор назвал свое произведение, ни разу не встречается на страницах романа. Однако смысл заголовка становится ясным, если иметь в виду, что так католики называют фигурки и изображения святых, медальки, открытки и тому подобные предметы, способные, по представлению верующих этой конфессии, оказать человеку нравственную поддержку.

Часть первая

Глава 1

В первый день отпуска Лоуренса Мандерса разбудил донесшийся снизу голос бабушки:

— Дайте-ка из непросеянной. Ко мне на неделю приехал внук, он работает на Би-би-си. Сын моей дочки, леди Мандерс. Он белого хлеба не ест, это один из его бзиков.

Лоуренс крикнул из окна:

— Бабушка, я обожаю белый хлеб, а бзиков у меня вообще нет.

Сквозь разбегающиеся морщинки она послала ему лучезарную улыбку.

— Кричит из окна, — объяснила она булочнику.

— Ты меня разбудила, — сказал Лоуренс.

— Мой внук, — сообщила она булочнику. — Большой каравай непросеянного, и не забудьте прийти в среду.

Лоуренс посмотрелся в зеркало, произнес «Нужно вставать» и снова забрался в постель. Он дал себе еще семь минут.

По звукам, отчетливо проникавшим снизу сквозь потертые половицы, он представлял себе каждое бабушкино движение. В свои семьдесят

восемь Луиза Джепп все делала очень медленно, но с величайшей сосредоточенностью, как порой бывает с людьми, знающими, что они подшофе. Звон стекла — пауза, звяканье — пауза: стол накрывался к завтраку. Она ходила между буфетной и жаркой кухонькой, и каблучки ее постукивали, как часы, у которых кончается завод. Шаркать она себе не позволяла.

Еще не кончив одеваться, Лоуренс вытянул из верхнего яруса высокого старомодного комода ящичек. В нем оказались разные бабушкины мелочи — она отвела Лоуренсу собственную спальню. Он насчитал три шпильки и восемь нафталиновых шариков, а еще нашел лоскуток черного бархата, расшитого гагатовым бисером. Теперь бисеринки свободно болтались на нитке. Лоуренс прикинул на глаз размер лоскутка — примерно два с половиной дюйма на полтора. В другом ящичке он обнаружил гребень с застрявшими бабушкиными волосами и отметил, что данный предмет туалета пребывает не в самом чистом виде. Находки доставили ему своеобразное удовольствие: три шпильки, восемь нафталиновых шариков, не самый чистый гребень — вещи его бабушки, здесь, сейчас, в ее суссекском доме. Такой уж он был, Лоуренс.

— Это ненормально, — как-то сказала ему мать. — В остальном с тобой все в порядке, но ты замечаешь глупые мелочи, а это глупо.

— Такой уж я есть, — парировал Лоуренс.

Она знала, что спорить с ним бесполезно, но по привычке продолжила:

— И это неестественно. Иной раз ты видишь то, чего видеть не следует.

— Например?

Она не ответила, хотя знала, что он забирался в ее будуар и рылся в переполненном шкафчике с косметикой, перебирал и осторожно, как кошка лапкой, поглаживал крохотные флакончики, вслух называя содержимое каждого. Ей так и не удалось убедить его, что так делать нехорошо. В конце концов, он вторгается в чужую личную жизнь.

— Для тебя нехорошо, а для меня — нет, — часто говорил Лоуренс.

И его мать Хелена Мандерс неизменно возражала «Не вижу, почему» или «Не согласна», хотя по-своему и была согласна.

Ребенком он терроризировал всех домашних, в прямом смысле глаголя истины.

«Дядя Эрнест мажется дамским питательным кремом, каждый вечер втирает в локти, чтоб бы-

ли мягкие…» «Айлин наказали…» «У Джорджины Хогг на подбородке три волоска, когда она забывает их вырвать…»

Такие его выступления западали в память. Другие тирады, произнесенные на том же дыхании, слушатели встречали с радостным оживлением или с полным безразличием и тут же забывали. Например: «На площадке третьего этажа паук сплел паутину, так она провисела две недели, четыре дня и пятнадцать часов».

Его мать не уставала ему повторять: «Я не устаю тебе повторять, не входи в комнаты горничных. В конце концов, они имеют право на личную жизнь».

С возрастом он научился скрывать свои скандальные открытия, сообщая лишь о тех, что помогали упрочить его славу выдающегося наблюдателя. В те дни отец способен был заявить, просмотрев его школьный табель:

— Я всегда знал, что со временем Лоуренс избавится от этой нездоровой привычки.

— Будем надеяться, — замечала Хелена Мандерс.

Родители меняются. В те дни Лоуренс ощущал, что мать чуть ли не подозревает его в каком-то непонятном половом извращении, которого не

могла ни назвать, ни представить и которым он в любом случае не страдал. Так что он успокоил ее и укрепил в мысли, что ее сын остался прежним Лоуренсом, объявив:

— Айлин ждет ребенка.

— Она добрая католичка, — возразила Хелена.

Сама она обратилась в католичество после замужества. Тем не менее, когда Айлин приперли к стене, та призналась, что это правда. Хуже того, она решительно отказалась назвать будущего отца, необходимые сведения смог предоставить Лоуренс.

— Я всегда читаю письма к Айлин, — объяснил он. — Это разнообразит каникулы.

— Ты забрался в комнату несчастной девушки и без ее ведома прочел адресованные ей письма, вот бедняжка!

— Рассказать, что пишет ее дружок? — поддразнил Лоуренс.

— Ты прекрасно знаешь, я шокирована, — произнесла Хелена, понимая, что ее слова на него не подействуют. — Как ты, добрый католик… — да и вообще, по-моему, читать чужие письма незаконно, — сказала она, смиряясь со своим поражением.

Только затем, чтоб последнее слово осталось за

ней, Лоуренс напомнил:

— Но ты же, голубушка, заставила их обвенчаться, как положено добрым католикам. Таков счастливый конец возмутительного чтения чужих писем.

— Цель не оправдывает средства.

В точку, как он и ожидал. Готовый ответ на все случаи жизни. Однако же подобные случаи помогли смягчить удар, когда мать осознала, что Лоуренс отходит — и отошел — от религии.

В ожидании Лоуренса Луиза Джепп присела за стол и стала заполнять купон футбольной лотереи.

— Спускайся, милый, — сказала она в потолок, — хватит совать нос в чужие дела.

Не успел он появиться, как она сообщила:

— Если б «Манчестер Сити» выиграл на прошлой неделе, я бы получила тридцать тысяч.

Луиза сложила лотерейный купон, засунула его под часы и все свое внимание отдала Лоуренсу с его завтраком.

Она была наполовину цыганка, младший и единственный черноволосый ребенок в семействе рыжеволосых, которое к моменту ее появления на свет жило в достатке благодаря успехам его главы на поприще торговли зерном.

Начало успеху положила удача — отец сбежал из тюрьмы, где дожидался суда, да так и не вернулся в родное племя. Через сто тридцать лет после этого события Луиза села завтракать вместе с Лоуренсом.

Волосы у Луизы по-прежнему черные, хотя изрядно поредели. Она невысокая и, особенно если смотреть на нее сбоку, напоминает только что выкопанную сдвоенную картофелину: маленькая круглая голова — малый клубень, дородное тело — главный клубень, из-под коричневой юбки колоколом две тонкие ноги кажутся висящими корнями. Лицо анфас имеет форму квадрата и сужается по краям наподобие призмы. Складки лица глубокие, они, верно, делались все заметнее, после того как бабушке исполнилось тридцать лет, и кажется, будто они прорезают кожу до самых костей. А вот морщинки, наоборот, неглубокие, собираются на поверхности кожи, набегают и разбегаются как бесчисленные звездочки, когда она улыбается или удивляется. У нее глубоко посаженные черные глаза, очень маленькие руки и ноги. Она носит очки без оправы. Она все еще жива и почти не изменилась с того дня, когда Лоуренс спустился к завтраку. Тогда на ней было коричневое платье, коричневый

шерстяной жакет с золочеными пуговицами, а в ушах бриллиантовые сережки.

Лоуренс оглядел ее с головы до ног — он поступал так со всеми без исключения, — потом запустил вилку в баночку и извлек нечто длинное, белое и замаринованное.

— Это что за диво?

— Рубцы, — ответила она, — пальчики оближешь.

Он привык к Луизиной стряпне — к рубцам, моллюскам, молокам и икре, к требухе, зобным и поджелудочным железам, птичьим потрошкам, к мозгам и желудкам жвачных животных. Луиза готовила их неспешно, долго и разнообразно: шпарила, шинковала, томила и варила на медленном огне; все это требовало множества кастрюлек с рассолами, бесконечных выварок, маринадов, чисток и добавлений сахарного песка. Она редко покупала нормальную вырезку или мясо на косточке и считала, что те, кто пренебрегает внутренними органами животных и моллюсками, сами не знают, что им на пользу.

— Если б ты выиграла тридцать тысяч в лотерею, что бы ты сделала? — спросил Лоуренс.

— Купила бы лодку.

— А я катал бы тебя вверх и вниз по реке, — ска-

зал Лоуренс. — Нам подошел бы плавучий домик. Помнишь, мы провели в таком две недели, я тогда первый год учился в приготовительной школе?

— Я говорила о парусной лодке, в какой можно по морю плавать. А домик и вправду был милый.

— Так ты яхту имела в виду? Потрясающе.

— Скорее большую лодку, вот ее бы я купила. Такую, на какой можно переплыть Ла-Манш.

— Комфортабельный катер, — подсказал Лоуренс.

— Вот-вот, — согласилась она.

— Потрясающе.

Она промолчала, потому что его «потрясающе» было уж слишком, и Лоуренс сказал:

— Мы могли бы поплавать по Средиземному морю.

— Потрясающе.

— Может, интереснее купить дом? — спросил Лоуренс, неожиданно вспомнив просьбу матери: «Если подвернется возможность, ты уж уговори ее принять от нас немного денег, чтоб она могла зажить со всеми удобствами».

— Нет. Но если б выигрыш был меньше, я бы купила этот коттедж. Мистер Уэбстер точно бы продал.

— Получи ты коттедж в свою полную собствен-

ность, я был бы в восторге. «Логово контрабандистов» просто премиленький домик.

Уже договаривая, Лоуренс спохватился, что выражения вроде «в свою полную собственность» и «премиленький домик» выдавали, к чему он клонит, настолько не вписывались они в бабушкин стиль.

— Знаю, к чему ты клонишь, — сказала Луиза. — Угостись сигаретой.

— У меня свои. Почему ты не позволишь отцу купить тебе коттедж? У него есть деньги.

— У меня и так все прекрасно. Закури мою, болгарскую.

— Потрясающе! — произнес он, но добавил: — Просто великолепно. Откуда они у тебя?

— Из Болгарии. По-моему, контрабанда через Танжер.

Лоуренс изучил сигарету. Бабушка не устает удивлять. Снимает коттедж, а жизнь ведет старой пенсионерки.

Ее дочь Хелена часто говорила: «Одному Богу ведомо, на что она живет. Но у нее, похоже, всегда всего вдоволь».

Хелена жаловалась знакомым: «Мать ни от кого не примет и пенса. Такая независимая. Протестантские добродетели, сами понимаете.

Одному Богу ведомо, на что она живет. Правда, она наполовину цыганка, так что без денег никогда не сидит».

— Вот как! Значит, у вас, Хелена, в жилах цыганская кровь? Надо же, а вы такая белокурая, такая романтичная. Кто бы подумал…

— Ну, время от времени кровь дает о себе знать, — обычно замечала Хелена.

Муж Луизы умер, оставив ее без гроша, и за четыре года, что прошли с его смерти, она постепенно и в мелочах проявила непостижимую способность разживаться роскошными иноземными штучками.

«Фиги Мандерса в сиропе», уже семьдесят лет известные своей торговой маркой (восточная дама, чьи формы скрыты под свободными одеждами, вожделенно устремляется к объекту своего поклонения, фиговому дереву), были единственным продуктом, который Луиза соглашалась принимать от семейства зятя. Она раздавала знакомым коричневые запечатанные баночки этого лакомства, тем самым напоминая им о грубой действительности, лежащей в основе этой показной традиции. «Дочка миссис Джепп была настоящей красавицей и вышла замуж за “Фиги Мандерса в сиропе”».

— Передай отцу, — сказала Луиза, — что я не написала ему и не поблагодарила, потому что он весь в делах и писем не читает. Ему понравятся болгарские сигареты, у них пьянящий аромат. А *мои* фиги ему понравились?

— О да, он был приятно удивлен.

— Твоя мать так и написала мне в последнем письме. Но они ему *понравились*?

— Уверен, что он пришел в полный восторг. Они всех нас очень развеселили.

Луиза одержима страстью мариновать и консервировать и всегда в курсе новейших методов. Одни свои деликатесы она раскладывает по баночкам, другие закатывает в жестянки с помощью кухонной машинки для консервирования. Когда на адрес сэра Эдвина Мандерса прибыли две банки Луизиных фиг в сиропе, снабженные аккуратно надписанными карандашом ярлычками, Хелена поначалу встревожилась.

«Она что, решила пошутить, Эдвин?»

«Конечно, решила».

Хелена не могла раскусить эту шутку и написала Луизе, что фиги их всех очень развеселили.

— Они получили удовольствие? — выпытывала Луиза у Лоуренса.

— Да, чудесные были фиги.

— Не хуже Мандерсовых, мой милый, но не говори отцу, что я так сказала.

— Лучше Мандерсовых, — заметил Лоуренс.

— Значит, ты их попробовал, да?

— Вообще-то нет. Но знаю — они прямо тают во рту, так сказала мама. (Ничего подобного Хелена не говорила.)

— Поэтому я им и послала. Чтоб у них во рту таяли. Тебя угощу потом. Не представляю, что они имеют в виду — «очень развеселили». Передай отцу, что посылаю сигареты, чтоб его развеселить. Так и скажи ему, мой милый.

Лоуренс затянулся болгарской сигаретой.

— Очень крепкие, — сказал он. — Но мама всякий раз падает в обморок, стоит тебе отправить им что-нибудь дорогое. Она знает, что ты должна себе отказывать и…

У него едва не вырвались жалостливые слова матери «И у тебя каждый грош на счету», но он вовремя себя одернул: эти слова рассердили бы старую даму. К тому же они явно не отвечали действительности — бабушку окружала атмосфера достатка, в которой неизменно ощущался намек на умеренную роскошь. Даже ее странные кулинарные пристрастия, казалось, продиктованы инстинктивной тягой к экономии, а не желанием

сберечь деньги.

— Хелена милая девочка, но сама себя обманывает. Я ни в чем не нуждаюсь, она и сама могла бы это заметить, если бы захотела. Ей вовсе не нужно из-за меня переживать.

Лоуренс целый день провел в своем маленьком быстроходном автомобиле, затолкав длинные ноги под панель управления. Нужно было объехать и осмотреть знакомые места и побережье, нужно было повидаться с приятелями таких же «корней» и воспитания, что и он, из тех, кого он иной раз привозил с собой, чтобы похвастаться своей забавной очаровательной бабушкой. В этот день Луиза Джепп переделала много дел. Покормила голубей и отдохнула. С довольно сосредоточенным видом она извлекла на свет буханку белого хлеба, срезала корку с одного конца, осмотрела срез, отрезала ломтик, опять осмотрела. После второго ломтя взялась за другой конец буханки — срезала корку и принялась нарезать ломти, каждый раз внимательно изучая срез. На третьем ломте она улыбнулась тому, что увидела, и, приложив отрезанные ломти к буханке, вернула ее, откуда взяла — в жестянку с надписью «ХЛЕБ».

В девять вечера вернулся Лоуренс. Гостиная в доме выходила окнами на деревню и имела

форму вытянутого прямоугольника. Там он и застал бабушку и ее гостей — троих мужчин. После партии в рамми все подкреплялись Луизиными закусками, устроившись по одному у каждой стены. Один гость был в инвалидном кресле — молодой человек, на вид не старше двадцати четырех.

— Мистер Хогарт — мой внук; мой внук — мистер Уэбстер; а это мистер Хогарт-*младший*. Внук работает на Би-би-си, он сын моей дочери, леди Мандерс. Вы слышали его репортажи с футбола и скачек. «Репортаж вел Лоуренс Мандерс».

— Слыхал вас в прошлую субботу, — подал голос самый старый из гостей, мистер Уэбстер, почти ровесник Луизы.

— Я видел вас нынче утром, — сказал Лоуренс. Мистер Уэбстер удивленно поднял брови. — С хлебным фургончиком, — добавил Лоуренс.

— Лоуренс очень наблюдательный, у него работа такая, — сказала Луиза.

Лоуренс, слегка захмелевший после нескольких порций спиртного, выдал положенную банальность:

— Я сразу запоминаю лица, — и обратился к Хогарту старшему: — Я, например, уверен, что где-то уже видел ваше лицо. — Но тут уверенность его

покинула: — Вы, по крайней мере, напоминаете кого-то, с кем я встречался, только вот не вспомню, кого именно.

Хогарт-старший бросил на Луизу беспомощный взгляд, а его сын, парень в инвалидном кресле, произнес:

— Он напоминает меня. Вы со мной раньше встречались?

Лоуренс пригляделся к нему и ответил:

— Нет, не встречался. Ни с вами, ни с кем на вас похожим.

Тут до Лоуренса дошло, что он ляпнул не то, — ведь молодой человек был инвалидом, — и его понесло:

— Может, я скоро подамся в сыск. Для меня это будет в самый раз.

— Ну нет, Лоуренс, сыщика из тебя никогда не выйдет, — серьезным тоном возразила Луиза.

— Почему это?

— Чтобы стать сыщиком, нужно коварство. Все следователи жутко хитрые, частные сыщики ни перед чем не остановятся. А в тебе нет ни капли хитрости и коварства.

— Я подмечаю невероятные вещи, — похвастался Лоуренс, откинув голову с каштановой шевелюрой на спинку дивана. — Те, что считают-

ся надежно скрытыми. Страшная штука, верно?

Лоуренс чувствовал, что он им не нравится, вызывает у них подозрения. Он занервничал и теперь, похоже, все время говорил невпопад. Он продолжал распространяться, какая прекрасная получится из него ищейка, и, похоже, не нравился им все больше. Но пока его несло, он внимательно наблюдал за ними — как и положено сыщику.

Их присутствие у бабушки было странным и удивительным и уже по этой причине не удивило его. Луиза разливает чай. Молодого Хогарта она называет Эндрю, его отца — Мервином, а Уэбстера — мистером Уэбстером.

В мистере Уэбстере с его сединой, седыми усами и темной морской курткой трудно опознать утреннего посетителя — торговца хлебом в песочного цвета комбинезоне. Лоуренс был доволен собой: он установил личность мистера Уэбстера, чей возраст приближался к семидесяти пяти и который, судя по произношению, был родом из Суссекса. На нем были коричневые замшевые туфли десятого, по оценке Лоуренса, размера.

Мервин Хогарт был тощий и низкорослый. Кожа и волосы у него были песочно-линялого цвета. Луиза намазала ему маслом кусочек черного хлеба.

— Мервину нужно есть часто и понемногу, у него болезнь желудка, — объяснила Луиза.

Речь Хогарта-старшего выдает в нем искушенного столичного жителя, одному Богу ведомо, что он делает у Луизы и откуда знает ее настолько хорошо, что она обращается к нему по имени и в курсе его желудочных недомоганий. Но Лоуренс не стал ломать голову над этими вопросами. Он отметил, что Хогарт-старший носит мешковатые фланелевые брюки и старый пиджак из рыжего твида и производит впечатление человека, который может себе позволить небрежность в одежде. Его сын Эндрю с пухлыми алыми губами имел коренастую фигуру и крупное лицо и носил очки. У него были парализованы ноги.

— Хорошо поездил, милый? — спросила Луиза Лоуренса, и Эндрю ему подмигнул.

Лоуренс обиделся — это было несправедливо по отношению к бабушке. Ему бы претило вступать с Эндрю в сговор против старой дамы; он взял отпуск для того, чтобы разобраться с собственными любовными делами, ему хотелось отдохнуть от сложностей, какими чревата принадлежность к особой, избранной, касте. С бабушкой ему хорошо, и нечего перемигиваться у нее за спиной. Поэтому Лоуренс улыбнулся Эндрю, словно хотел

сказать: «Я видел, что вы мне подмигнули. Решительно вас не понял. Думаю, вы имели в виду нечто приятное».

Эндрю принялся оглядывать комнату, словно не видел чего-то, что должно было в ней находиться. Наконец он уперся глазами в коробку с болгарскими сигаретами на серванте, дотянулся до нее, открыл и взял сигарету. Мистер Уэбстер попытался перехватить взгляд Луизы, чтобы выразить недовольство манерами ее гостя, но она не желала играть в эти игры, встала и передала Лоуренсу открытую коробку.

— Болгарские, — сообщил ему Эндрю.

— Да, знаю. Странный вкус, правда?

— К ним привыкаешь, — заметил Эндрю.

— Болгарские! — воскликнул его отец. — Надо непременно попробовать.

Луиза молча передала коробку и едва заметно кивнула Лоуренсу, давая понять, что знает непреложную правду — в пепельнице у кресла Мервина Хогарта уже лежали три толстых раздавленных болгарских окурка.

Луиза безмолвно наблюдала спектакль, что устроил Хогарт, делая вид, будто впервые пробует эту марку и она ему очень нравится.

— Дорогая Луиза, какой экзотический вкус! Не

думаю, чтобы я смог выкурить несколько штук. Очень крепкие и очень… как бы лучше сказать?

— Едкие, — устало подсказала Луиза, словно уже слышала те же самые слова из уст того же самого человека, сидящего на том же самом месте.

— Едкие! — повторил Мервин, будто она нашла единственно точное слово. — Запах… запах Балкан, — продолжал он, — а привкус… привкус…

— Козьего молока, — снова пришла ему на помощь Луиза.

— Вот именно! Козьего молока.

Луиза, уже на таясь, воззрилась на Лоуренса, глаза ее блестели, как черные бусинки. Лоуренс наблюдал за лицом Мервина, затем поглядел на пепельницу с доказательствами его притворства и снова на Мервина. Луиза принялась неслышно хихикать, словно осторожно встряхивала внутри себя бутылочку микстуры от кашля. Мистер Уэбстер краем глаза уловил эту дрожь. Он сидел далеко, да и голова у него плохо поворачивалась, поэтому, чтобы лучше видеть Луизу, ему пришлось повернуться к ней верхней частью корпуса. При этом его движении лицо Луизы пошло морщинками, но она тут же одернула себя, как примерная школьница.

— Вы живете в здешних краях? — спросил Ло-

уренс Эндрю.

Отец и сын ответили одновременно:

— О, нет, — сказал Мервин.

— О, да, — сказал Эндрю.

Луиза не выдержала и, хотя губы у нее оставались плотно сжатыми, испустила носом легкое ржание, будто пони. Мистер Уэбстер вздрогнул, словно это стены заговорили, и со звоном поставил чашку на блюдечко.

Хогарты поспешили исправить свой грубый промах и опять заговорили хором. Мервин:

— Ну, большей частью мы живем в Лондоне.

Эндрю:

— Я хотел сказать, что больше времени мы проводим здесь.

Отец решил поддержать версию Эндрю и вяло закончил:

— А иногда ездим за границу.

Лоуренс поглядел на часы и поспешно сказал Эндрю:

— Пойдемте выпьем. До закрытия еще минут пятнадцать.

Он сразу понял, что ляпнул совсем не то, но в ту минуту парень выглядел вполне здоровым, вовсе не инвалидом.

— Спасибо, но не сегодня. Как-нибудь в другой

раз, если вы еще здесь будете, — ничуть не удивившись, ответил Эндрю.

— Лоуренс останется до конца недели, — сказала Луиза.

Лоуренс поспешил уйти. Они слышали, как он перешел дорогу и направился по деревенской улице в «Розу и корону».

— Приятный парень, — произнес мистер Уэбстер.

— Да, — согласилась Луиза, — и такой умница.

— Занимательный малый, — сказал Мервин.

— Я подумал… — начал Эндрю.

— О чем, мой милый? — спросила Луиза.

— Может, нам лучше не появляться до следующей недели?

Мистер Уэбстер повернулся лицом к старой даме и произнес:

— Не думал, что вы позволите вашему внуку с нами встретиться. Насколько я понял, нынче вечером он должен был находиться в другом месте. Надеюсь, он не утратил из-за нас душевного равновесия.

— Что вы! — любезно возразила Луиза. — Он душевного равновесия не утратит, мистер Уэбстер. Нынешняя молодежь лишена предрассудков.

На самом деле имелось в виду другое. Следую-

щим высказался Мервин, закуривая болгарскую сигарету:

— Думаю, он начнет задавать вопросы. В конце-то концов, Луиза, это вполне естественно, чего еще ожидать?

— И какие же вопросы он начнет задавать?

— Он непременно… — начал Эндрю.

— Он непременно спросит, кто мы такие и что мы тут делаем, — сказал Мервин.

Мистер Уэбстер с грустью воззрился на Мервина, уязвленный грубой прямотой его слов.

— Еще бы! — сказала Луиза. — Лоуренс наверняка станет обо всех вас расспрашивать. Не сыграть ли нам еще партию, господа?

Мервин поглядел на стенные часы.

— Он ведь вернется после закрытия паба? — спросил Эндрю.

Мистер Уэбстер улыбнулся Луизе отеческой улыбкой.

— Время нас не торопит, — сказал он, — мы можем отложить наше дело до конца недели, если вы скажете, в какой вечер вашего внука не будет дома.

— Дело можно обсуждать и при Лоуренсе, — заметила она. — Лоуренс — милый мальчик.

— Ну еще бы, — произнес Мервин.

— Именно это мы и хотим сказать, — добавил Эндрю. — Не следует заставлять милого мальчика задаваться вопросами…

Луиза казалась слегка раздраженной — ее что-то расстраивало.

— Я-то надеялась, — сказала она, — что мы примем Лоуренса как своего. Уверяю вас — проявив осмотрительность, мы сможем обсуждать при Лоуренсе все, что нужно. Он по натуре совсем не подозрителен.

— Вот именно, осмотрительность, — произнес мистер Уэбстер. — Осмотрительность, дорогая моя миссис Джепп, никогда не помешает.

Луиза наградила его теплой улыбкой, словно он понял ее если и не до конца, то лучше всех остальных.

— Я тебя понимаю, Луиза, — сказал Мервин. — Ты неспособна жить в раздельных мирах. У тебя врожденная тяга к единству, к согласованию несовместимых элементов жизненного опыта. У тебя страсть отбирать случайные жизненные явления и соединять их в единое целое. Это твой идеал, когда-то он был и моим идеалом. Реальность, однако, не желает идти навстречу идеалистам. В твои годы трудно постичь факт, который ты не имела возможности осознать, но…

— Не понимаю, о чем ты говоришь, и никогда не пойму, — заявила Луиза.

— Разумеется.

— Далеко же тебя занесло, — сказала она, но затем оживилась: — Послушай, Мервин, если ты сочтешь, что я такая уж старомодная, я пойму. Ты всегда можешь выйти из нашей компании.

Мервин успел встать, но теперь снова сел. Эндрю невесело рассмеялся, и Луиза наградила его удивленным взглядом.

В ответ Эндрю сказал:

— Он говорил о сыске. По этой части котелок у него, похоже, отлично варит.

— Лоуренс прекрасно ведет передачи на радио, но сыщика из него не выйдет, до такого он не опустится.

— Из него получится хороший осведомитель, — сказал Эндрю и, пользуясь своим положением инвалида, с вызовом поднял глаза на Луизу.

— Ты не обязан и дальше участвовать в нашем деле, Эндрю, голубчик, раз тебя что-то гложет. В таком случае, нам, разумеется, тоже следует выйти из дела. Правда?

Она посмотрела на Мервина и мистера Уэбстера, но они промолчали. Затем они поднялись. Мистер Уэбстер взял ее за руку и произнес:

— Понимаете, миссис Джепп, ваш милый внучек и вправду чрезвычайно наблюдателен. Только по этой причине я и воззвал к здравому смыслу.

— Ну, от него ничего не ускользнет, — рассмеялась Луиза, — я в жизни не встречала человека, столь внимательного к мелочам. Но, видите ли, милый мальчик неспособен сообразить, что к чему.

— Вы хотите сказать, он неспособен к аналитическому мышлению? — спросил Мервин.

— Я хочу сказать, — сказала бабушка Лоуренса, — что в некоторых делах он мог бы проявлять больше сообразительности. Но у него хватает ума преуспевать в жизни и у него чудесный характер, а это главное.

— Но если он станет задавать вопросы… — начал Эндрю.

— Станет, обязательно, — ответила Луиза.

С ней решительно не было сладу.

— Но, миссис Джепп, вы будете осмотрительны, не правда ли? — спросил мистер Уэбстер.

— Мой внук неспособен сообразить, что к чему, у него даже два и два не всегда четыре, — изрекла она с довольным видом, так что им стало немного не по себе.

— Он уезжает в пятницу? — спросил Мервин.

— К сожалению, да.

— Тогда до вечера пятницы? — спросил Мервин.

— Да, — печально согласилась она.

— До пятницы, — попрощался Эндрю.

— Благодарю за в высшей степени приятный вечер, миссис Джепп, — произнес мистер Уэбстер.

Лоуренс начал писать письмо, положив на колени книгу, а на нее — лист бумаги, поэтому Луиза принялась расчищать для него стол, приговаривая:

— Ну же, золотко, садись за стол, так будет удобней.

— Нет, я всегда пишу таким манером.

Луиза накинула белую скатерть на угол стола, расчищенный для Лоуренса.

— Когда пишешь письмо, всегда клади бумагу на белую скатерть. Так полезней для глаз — белое отражает свет. Ну же, милый, садись за стол.

Лоуренс пододвинулся к столу, не переставая писать. Минуты через две он заметил:

— Белая скатерть и вправду помогает. С ней лучше.

Луиза растянулась на кушетке у заднего окончца, где обычно отдыхала перед чаепитием.

— Когда я рассказала Мервину Хогарту про эту маленькую хитрость, — протянула она сонным голосом, — он стал про себя рассчитывать, будет ли от этого толк или нет, со всякими там световыми лучами да оптикой. «Ты попробуй, Мервин, — сказала, — просто попробуй — и убедишься, что я права».

— Конечно, — рассеянно протянул Лоуренс, — это может быть вызвано психологическими причинами.

— Еще бы не психологическими, — совершенно неожиданно отозвалась Луиза и закрыла глаза. Через несколько секунд она их открыла и сказала: — Если пишешь матери, передай ей привет.

— Вообще-то я пишу Каролине.

— Ну так передай привет Каролине и сообщи, что я надеюсь, ей сейчас лучше, чем было на Пасху. Как она там?

— Хандрит. Поехала отдохнуть в какое-то религиозное заведение на севере.

— Тоже мне отдых — в религиозном заведении.

— Ты права. Но это одна из маминых затей, она договаривается со своими священниками, и они организуют строительство зданий. Построив, посвящают их святым. Потом мать отправляет

знакомых там пожить.

— Но ведь Каролина не католичка.

— Только что обратилась.

— То-то мне показалось, что она похудела. На тебе ее обращение отразилось?

— Ну, Каролина в известном смысле все-таки ушла от меня. По крайней мере, решила пожить в другом месте.

— Это хорошо, — заметила старая дама.

— Мы, может, еще и поженимся.

— А если нет? — Она посмотрела на него со сдержанным удивлением и добавила: — Каролина хоть понимает, что делает? Для женщины единственный верный способ удержать мужчину — уйти от него в религию. Такое случалось у меня на глазах. Мужчина может завести другую женщину, но никогда не будет с ней счастлив, после того как первая бросила его на религиозной почве. Она навечно привязывает его к себе.

— В самом деле? Как восхитительно. Нужно будет рассказать Каролине.

— Ну что ж, золотко, все к лучшему. Надеюсь, ты сможешь на ней жениться, и скоро. Тебя не станут делать католиком, только возьмут обещание, что детей воспитаешь в католической вере. В конце концов, нынешние дети, когда

вырастут, сами решают, кем быть. И нет ничего плохого в том, что ты католик, если только сам этого захотел.

— Тут все несколько осложнилось, — сказал Лоуренс. — Бедняжке Каролине нездоровится.

— Бедняжка Каролина. Вот до чего доводит религия. Передай ей от меня сердечный привет и скажи, чтоб приезжала ко мне. Я ее тут откормлю, и, думаю, все у нее будет в порядке.

> Бабушка только что опять задремала, после того как открыла глаза и спросила про тебя, – писал Лоуренс. – При известии о твоем обращении глубокомысленно нахмурилась и стала похожа на старуху с картины Рембрандта, но быстро вернула себе прежний вид. Хочет заполучить тебя к себе и откармливать разными разностями.
>
> Когда твой поезд отошел от перрона Юстонского вокзала, у меня защемило сердце, а потом стали одолевать мысли, не отправиться ли следом, вечерним поездом. Но на станции метро «Пиккадилли-серкус» я повстречал Барона, вернулся с ним в его книжную лавку, и он по дороге

отговорил меня. «Присутствие неверующего в католическом заведении выводит тамошних обитателей из равновесия, если только неверующий не собирается принимать их веру. В таких местах заверяют, что охотно принимают неверующих, но, если вы туда отправитесь только затем, чтоб повидать Каролину, это их расстроит и вам там не обрадуются. Хуже того, еще и Каролину невзлюбят – за то, что вы явно предпочитаете ее, а не веру». Вот я и решил – глупо являться в дом непрошеным гостем, как получилось, так получилось, и жалеть об этом не стоит.

Я не мог заставить себя вернуться в нашу квартиру и отправился в Хемпстед. Мамы не застал, отец был дома. Он обронил фразу, которая меня не на шутку встревожила. Видимо, в заведении, где ты гостишь, проживает женщина по фамилии Хогг. Она там вроде как управительница. На это место ее устроила мама. Непонятно зачем. Мы все ее не выносим. Поэтому каждый раз лезем вон из кожи, лишь бы ей угодить. Это та самая Джорджина Хогг, про которую я

тебе, кажется, рассказывал. Она была у нас вроде бонны до того, как мы пошли в школу. Она вышла замуж, но муж сбежал от нее, бедолага. И неудивительно. Мы его жалели. Она страдает хронической правотой и подвергает окружающих моральному шантажу. Маму заедает совесть – из-за нее, вернее, из-за того, что она люто ее ненавидит и страшно боится, но не желает это признать. Отец называет ее Мандерсовой Мучительницей. На самом-то деле она, конечно, безобидна, если не подпускать ее слишком близко. По-моему, я могу управляться с этой женщиной, по крайней мере, мог в свое время. Но лучше всего, милая, ее избегать. Надеюсь, ты с ней не встретишься. Я поругался с мамой, это ведь она сдуру отправила тебя туда, где служит Джорджина, да еще когда ты себя неважно чувствуешь. Вид у мамы был немного виноватый, но она заявила: «Ну, Каролина поставит Джорджину на место». От всей души надеюсь, что поставишь. Если она начнет действовать тебе на нервы, немедленно уезжай и направляйся сюда, тут тебя раскормят.

Тут у нас такое творится!

Я приехал вечером в воскресенье. Моя крошка-бабушка – великая женщина, я всегда это знал. Я такое обнаружил! Она возглавляет *шайку*. Чем они занимаются – решительно не представляю, можно подумать, это коммунистические шпионы. Трое мужчин. Отец и сын. Сын – калека, бедный парнишка. У отца вид явно manqué[1]. Третий – довольно милый, смахивает на моряка торгового флота далеко не первой молодости. Питает к бабушке нежные чувства. Он хозяин местной пекарни и сам развозит клиентам хлеб.

Не знаю, насколько основательно замешана бабушка в дела шайки, но она у них точно главная. У нее водятся немалые деньги, по-моему, она забирает пенсию лишь для того, чтобы не вызывать подозрений. Представляешь, где она хранит капитал? В хлебе. Засовывает бриллианты в хлеб. Я не преувеличиваю. Я обнаружил буханку, непонятно зачем нарезанную с обоих концов, и с одно-

[1] Примечания: 1

Здесь: неудачник (*фр.*). (*Здесь и далее — примеч. переводчика.*)

го конца в ней были спрятаны алмазы. Самые настоящие. Я сперва не понял, что это такое, и осторожненько выковырял один из камушков. Без драгоценной оправы бриллианты смотрятся совсем по-другому. Когда я увидел, что это такое, я засунул камень на прежнее место. Бабушка, конечно, не знает, что я в курсе. Правда, она прелесть? Интересно, что у них за дельце? На самом-то деле я, конечно, не считаю их шпионами, но они занимаются чем-то подозрительным. Соль в том, что не они используют бабушку, а она у них верховодит. Главное, чтобы это не дошло до мамы, так что, любовь моя, следи за каждым своим словом.

Я собираюсь все выяснить, даже если для этого придется задержаться еще на неделю и испортить себе Рождество. Я начал составлять досье.

Если у тебя появятся какие-то мысли, сообщи. Лично я считаю, что бабушка переживает свой звездный час, но у нее могут возникнуть проблемы, если мужчин поймают. Я даже отдаленно не представляю, на чем именно. Возможно,

они крадут драгоценности, но это плохо вяжется с образом старого морского волка. С бабушкой-то вяжется все, что угодно.

Она на людях называет их, как могла бы называть ветреная красотка из Сохо, – «моя шайка». Говорит, что они приходят играть в карты. Я на днях познакомился с ними здесь, у бабушки, и с той поры начал шпионить. Мечтаю, чтобы ты приехала на несколько дней и помогла мне «сообразить, что к чему», как выражается бабушка. Надеюсь, в Святой Филомене ты не заработала нервный срыв. Уж поверь мне, в Англии к католикам нужно подходить с большой разборчивостью, ошибешься – недолго и чокнуться. Мама знает, что напрасно тебя туда отправила. А все ее неодолимая страсть основывать «центры» и заселять их постояльцами. Отец готов ручаться, что она положит начало новой секте.

Завтра жду от тебя письма. Мне не терпится прочесть, что миссис Хогг у тебя под контролем. В определенном смысле было бы забавно, если б вы с ней схлест-

нулись. Хотел бы я на это посмотреть. Но так, чтобы меня не увидели.

Луиза открыла глаза и сказала:

— Миленький, поставь чайник.

Лоуренс положил ручку и спросил:

— Как ты думаешь, кто заправляет в религиозном заведении, куда отправилась Каролина?

— Кто, милый?

— Миссис Хогг.

— Она?! Я думала, там монастырь.

— Нет, всего только центр. Джорджина у них экономка или вроде того.

— Твоя мать знает?

— Да, она ее туда и устроила.

— По-моему, у Хелены с головой не в порядке, — сказала Луиза.

— Миссис Хогг! Ты только представь, бабушка, как она подбирается к Каролине.

— Миссис Хогг, — повторила Луиза, словно никогда не слышала этого имени. — Миссис Хогг. Что ж, Каролина задаст ей перца.

Лоуренс пошел в буфетную налить в чайник воды и прокричал оттуда:

— Ты давно ее не встречала?

Бабушка не ответила, но, когда он вернулся и поставил чайник на почерневшую угольную

плиту, заявила:

— Я не встречала ее очень давно. Несколько месяцев назад твоя мать мне написала и предложила пригласить Джорджину Хогг в компаньонки.

Лоуренс хихикнул.

— Полагаю, ты ответила решительным «нет».

— Я ответила, что не желаю пускать в свой дом эту гадюку даже на пять секунд. Из-за таких, как она, и не любят католиков.

Лоуренс снова взял ручку.

— Мне отвратительна эта женщина, — сказала Луиза.

> Теперь бабушка не спит, – писал Лоуренс, – и излагает свое мнение о матушке Хогг. Назвала ее гадюкой. Мне даже жалко старуху Хогг – она всем неприятна. По правде сказать, чтобы ее оценить, нужно ее основательно распробовать.

— Предупреди Каролину, — подала голос Луиза, — чтобы она была поосторожнее с миссис Хогг. Предупреди, что та опасна.

— Уже предупредил, — ответил Лоуренс.

Он закончил письмо и перечитал написанное.

После чая он приписал:

P.S. Забыл сообщить о бабушкиной чековой книжке. Судя по корешкам, она еженедельно переводит одну и ту же сумму из пенсии на счет Общества помощи заключенным.

Глава 2

Шторм, достаточно сильный, чтобы запереть суда в устье Мерси, настолько продвинулся в глубь острова, что не дал Каролине Роуз выйти на улицу. Она мерила шагами бледно-зеленые коридоры. Не для моциона, а чтобы поразмышлять. Зеленые коридоры как площадка для размышлений. Паломнический центр Святой Филомены.

— Совершаете моцион.

К ней прилепилась несносная миссис Хогг. Совершаете моцион. Не вопрос — утверждение.

— И вам одиноко, — сказала миссис Хогг со своей особой улыбочкой.

Моцион. Одиноко. Каролина не стала отвечать. Безупречная маленькая мысль, что начала было оформляться у нее в голове, превратилась в туман. Ладно, отдаю себя на съедение. Смирись с судьбой. Рим сказал[2].

— В другой раз вам не стоит искать здесь затворничества, — сказала миссис Хогг. — Нужно приехать сюда летом вместе с большой группой

---

[2] Примечания: 2

«Рим сказал — и дело кончено» — знаменитая формула разделения христианской церкви на католическую и православную.

паломников на один из больших праздников.

— Правда? — спросила Каролина.

— Да, — сказала миссис Хогг. — Именно так. Кстати, называйте меня, пожалуйста, Джорджиной. А я буду звать вас Каролиной. Иногда нам приходится принимать в этих стенах до ста тридцати паломников. А таких, кто приезжает без ночевки, — так целые тысячи. Сэр Эдвин, леди Мандерс и отец Ингрид сами не понимали, что затеяли, когда брались за Святую Филомену. Вы должны познакомиться с Мандерсами.

— Я с ними знакома, — сказала Каролина.

— О, вот как. Это не они вас обратили? Они постоянно кого-то обращают.

— Куда обращают? — спросила Каролина, на которую нашло непреодолимое упрямство. Она произнесла про себя свое тайное заклинание: «Будь ты проклята. Приговариваю тебя гореть в вечном огне. Тебе капут, считай, что конец. Ты, милочка, получила свое». Выразительней, а, стало быть, больше тешит душу, чем простое «Пошла к черту», и срабатывает почти так же, как «Пиф-паф, ты убит!» в устах малыша.

— В веру, куда еще, — ответила миссис Хогг.

За три дня в Святой Филомене Каролина успела наглядеться на миссис Хогг. В первый же вечер

она невольно подслушала ее слова:

— Здесь чего дают, то и ешьте. Иногда нам приходится принимать до ста тридцати паломников. Если все они разом потребуют чаю без молока…

Ее жертва — выздоравливающий от алкоголизма молодой адвокат — возразил:

— Но я всего лишь попросил не наливать мне в чай молока.

— Не важно, чего вы просите, важно, чего вам дают.

Потом все сидели в трапезной за натертым дубовым столом и в молчании поглощали жирный ужин, воплощающий монастырский уклад Святой Филомены. Челюсти едоков бесшумно работали в четком ритме: жуй-пауза-жуй-пауза-глотай-пауза-жуй. Сестра из соседнего монастыря читала вслух «святой текст», предписанный для трапез. Каролина узнала Послание апостола Иоанна. Она слушала, уперев взгляд в белую блузу сидящей напротив миссис Хогг. Вскоре ее мысли переключились на миссис Хогг и недавние пререкания о чае. Она начала внимательно ее разглядывать: костлявое лицо, коротко подстриженные седые волосы, ресницы отсутствуют, очки без оправы, маленький жирный нос, кончик которого дергался при жевании, неимоверно

тонкая шея и чудовищный бюст. Каролина осознала, что уже какое-то время не сводит глаз с грудей миссис Хогг, и в тот же миг поняла, что под хлопковой блузой их соски выпирают темными пятнами. Судя по всему, на женщине не было лифчика. Каролина поспешно отвела взгляд — ее затошнило от этого зрелища, поскольку сама она была чопорной и ее плотские грехи отличались неизменной утонченностью.

То был первый вечер.

Теперь же шел третий день. В конце длинного коридора они свернули. Каролина глянула на часики. Миссис Хогг не отставала.

— Вас обратили Мандерсы. Они вечно кого-нибудь обращают.

— Нет. Меня, по крайней мере, они не обратили.

— Мандерсы — очень хорошие люди, — заявила, словно защищая их, миссис Хогг.

— Милейшие.

— Очень хорошие, — стояла на своем миссис Хогг.

— Не спорю, — согласилась Каролина.

— Тут и спорить не о чем. Почему же вы стали католичкой?

— По многим причинам, — ответила Кароли-

на. — Их не так-то легко назвать, так что не будем это обсуждать.

— М-м… ваш тип мне знаком, — заявила миссис Хогг, — я распознала его в первый же вечер. Во многом вы все еще протестантка. Придется вам от этого избавляться. Вы относитесь к необщительной породе людей, а католики — люди очень общительные. Почему вы не хотите говорить о своем обращении? Обращение — это замечательно. Не говорить о нем — это не по-католически.

Старушенция была в своем роде занятным созданием. У Каролины словно камень свалился с души. Она хихикнула и снова глянула на часики.

— Мне пора.

— Благодарение начнется только в три часа.

— Но я приехала сюда за отдыхом и покоем.

— Но вы же не на реколлекции.

— Напротив, представьте, именно что на реколлекции. — Тут Каролина вспомнила, что в религиозных кругах под «реколлекцией» обычно понимают организованное мероприятие, а не удаление от привычных мирских забот ради обретения душевного покоя, и добавила: — То есть я уехала сюда из Лондона за отдыхом и покоем.

— Нынче утром вы долго разговаривали с тем молодым адвокатом.

Каролина ощущала нервное напряжение пополам с тайным удовольствием и решила уступить. Уделить миссис Хогг еще десять минут. Дождь внезапно забарабанил по окнам в полную силу. Каролина со снисходительным терпением обратилась к своей собеседнице:

— Расскажите о себе, миссис Хогг.

Миссис Хогг недавно назначили администратором по обслуживанию.

— Когда б не Вера, мне бы с работой не справиться. С шести утра до двух часов на ногах, потом в три, потом два часа перерыва до ужина, а там уже надо думать о завтраке. А сколько испытаний выпадают на мою долю! Тот молодой адвокат, с каким вы подружились, мне недавно сказал: «Я не пью чай с молоком». Вы его слышали? Иногда нам приходится принимать до ста тридцати человек. И если эти сто тридцать потребуют чаю без молока…

— Ну это же довольно просто устроить.

— А если каждый паломник потребует чего-то другого?

— Все разом? — спросила Каролина.

На лице миссис Хогг появилось такое выражение, что Каролина подумала: «Ее осенило, что я враг Веры».

Однако миссис Хогг взяла себя в руки: ее внутренний механизм был настроен на разговор.

— Расскажу вам, как я здесь оказалась, — это чудо.

Но у Каролины снова переменилось настроение. Утонченная выдержка уступила место стеснению в груди — щемящей боли от близости чего-то гнусного и непереносимого. Ее внезапно охватило острое желание почистить зубы.

— Так расскажите мне про это чудо, — произнесла Каролина с угрожающими нотками в голосе. — Расскажите со всеми подробностями.

«Ох уж эти чокнутые с их чудесами, — подумала она. — Ненавижу женщин, но из них больше всех — миссис Хогг. Опять у меня нервы на взводе. Очень важно выдержать несколько следующих бесконечных минут. Нужно следить за своими словами. Оставаться безучастной. Ни в коем случае не позволить себе сорваться».

— Значит, так, — приступила миссис Хогг. — Я никак не могла решить, ехать или нет в Бристоль к одной женщине, которая собралась рожать дома, — я ведь, знаете ли, дипломированная акушерка, хотя большей частью мне доводится служить гувернанткой. В свое время я два года проработала экономкой у одного священника в

Бирмингеме. В тысяча девятьсот тридцать пятом его направили в Канаду, и на прощанье он мне сказал: «Что ж, миссис Хогг…»

— Ближе к чуду, — прервала ее Каролина и, чтобы загладить резкость, усугубила ее, добавив: — Наслушаться не могу про чудеса.

Про себя же она произнесла в утешение: «Малышка, завтра утром тебе придут письма из цивилизованного мира». «Малышка» — именно так она обращалась к себе в подобных случаях.

— Для меня, скажу я вам, — распространялась миссис Хогг, — это и было чудо. Я все колебалась, то ли подрядиться на это дело в Бристоле, то ли занять постоянное место на севере у одной глухой леди. А тут утром во вторник приходит письмо, что у дамы из Бристоля начались осложнения и ей пришлось лечь в больницу, там и будет рожать. Ее муж прислал мне недельное жалованье. А после обеда приходит другое письмо из другого места. Нет, ошибаюсь, оно пришло утром на другой день. Глухая леди скончалась. И осталась я без работы. Тогда я обратилась к Деве Марии: «Что мне теперь делать?» А Дева Мария ответила: «Возвращайся в Святую Филомену и подумай над этим». Я уже была в Святой Филомене на одной из больших реколлекций…

— Вы действительно слышали голос? — осведомилась Каролина.

— Голос?

— Ну, когда вы сказали «Дева Мария ответила», вы имели в виду, что она обратилась к вам вслух?

— Нет, конечно. Но Дева Мария всегда ко мне так обращается. Я спрашиваю — она отвечает.

— Как же вы тогда слышите ее ответы?

— Ко мне приходят слова, но вы, понятно, об этом мало что знаете. Тут нужен опыт духовной жизни.

— Откуда вы знаете, что слова исходят от Богородицы? — упорно добивалась ответа Каролина. Миссис Хогг вздернула верхнюю губу в непристойной улыбке. Каролина подумала: «Ей хотелось бы исступленно убивать меня в какой-нибудь долгой ритуальной оргии; она видит, что я худая, костлявая, острая на язык и люблю задавать вопросы; она видит, что я отъявленная правдолюбка; она видит, что я красива и хорошо одеваюсь. Возможно, она улавливает мою слабость, мое отвращение к человеческой плоти, когда тело берет верх над разумом».

— Я знаю, что это были слова Девы Марии, потому как они потом подтвердились, — продолжала

миссис Хогг. — Я приехала в Святую Филомену и встретила леди Мандерс, она как раз была здесь в это время. Я объяснила ей мое положение, и она сказала: «А ведь здесь для вас и впрямь найдется работа, если захотите попробовать. Мы собираемся распроститься с администратором по обслуживанию, ей не хватает сил справляться с работой. Работа тяжелая, но Пресвятая Дева вам поможет». Меня взяли с испытательным сроком на месяц. Это было осенью, и уж как мне работа нравится — сказать не могу.

— Это было чудо, — заметила Каролина.

— Чудо, и самое настоящее. Что я приехала в то самое время, когда леди Мандерс захотела обновить персонал. На самом-то деле я приехала только затем, чтоб подумать над своим положением. Но могу вам сказать, что рассиживаться и думать у меня почти не бывает времени. Много работы. А я на первое место всегда ставлю свой долг. И работа мне не в тягость — помогает Дева Мария. Когда кухонная прислуга начинает ворчать, я им говорю: «За вас поработает Дева Мария». И она работает.

— В таком случае им и не нужно работать, — произнесла Каролина.

— Послушайте меня, Каролина, — сказала

миссис Хогг. — Вам нужно поговорить со священником. Вы не понимаете толком католической веры. Вам нужно поговорить с отцом Ингридом.

— Тут вы ошибаетесь, — возразила Каролина. — Я как-то слышала его проповедь. Мне хватило и одного раза. А теперь мне пора.

Колокол созывал на Благодарение.

— К часовне в другую сторону, — крикнула вслед Каролине миссис Хогг, но та не ответила и поспешила прочь по коридорам с зелеными стенами.

Она пришла к себе в комнату и принялась методично и не спеша упаковывать вещи. Святая Филомена — чистый убыток, говорила себе Каролина. «Тем, кто многого требует от жизни, непременно приходится отметать какую-то часть жизненного опыта, как только они обнаруживают ее бесплодность».

Чемодан она уложила на «отлично».

«Я прекрасно укладываю чемоданы», — сказала она себе, мысленно составив эту фразу, чтобы закрыть доступ другим словам, другим мыслям, что так и лезли в голову. Три дня в Святой Филомене прямо-таки взывали об описании, но она не давала себе воли, забивала мысли бормотанием: «Туфли туда. Книги сюда. Футляр с гребенками в

тот угол. Блузки кладем на постель. Рукава складываем. Вот так. Еще раз складываем. Это туда, это сюда. Грелка. Ничто не стучит. Распятие обернуто в вату. Памфлет Общества католической истины для чтения в поезде. Я делаю то, что делаю».

Таким путем она полчаса удерживала Святую Филомену под контролем. Этот способ она около года тому назад разработала в читальном зале библиотеки Британского музея, когда ее разум напоминал ночь Гая Фокса[3]: мысли петардами разлетались во все стороны, а в центре черные фигурки ряженых скакали вокруг пылающей груды хлама.

Каролина вошла в купе и села, забросив чемодан на полку. Он лег косо, выступая углом. Каролина встала и задвинула его на место. В купе она была одна. Немного посидев, она снова поднялась и расположила чемодан строго посередине полки, сверяясь с зеркалом, так чтобы с каждого края было одинаковое расстояние. Затем уселась в углу лицом к полке. Она застыла в неподвижности, отключив мысли. Время от времени какой-то частью ее сознания овладевала жестокая ясность,

[3] Примечания: 3

Традиционное для Великобритании празднование провала Порохового заговора в ночь на 5 ноября. В эту ночь зажигают фейерверки и сжигают на костре чучело главы заговора Гая Фокса.

заставляя увидеть ярость, бушевавшую в другой части сознания. Это причиняло ей боль. «Насмешница побеждает», — заметила она про себя.

— Очень странно, очень странно, — сказала она. Проходившая в эту минуту по коридору женщина заметила, как она разговаривает сама с собой. «Господи Всемогущий, мое состояние становится заметным», — подумала Каролина.

Шок от того, что за ней наблюдают, принес некоторое облегчение. Боль в голове утихала, и Каролина принялась размышлять. «Есть ли у меня оправдания? Есть, черт возьми, и немалые». Тщательно и целенаправленно она начала вспоминать Святую Филомену.

На второй вечер она присоединилась к другим постояльцам в комнате отдыха и подумала: «Не забыть бы, здесь их нужно именовать паломниками». Она уже один раз попала впросак, назвав их постояльцами.

Так или иначе, их было восемь, не считая Каролины. Она сидела как вкопанная в поезде, который вез ее в Лондон, и по одному вызывала их перед своим мысленным взором.

В тот вечер она лишь урывками поглядывала на своих товарищей, но теперь, вспоминая о них, заглядывала им в глаза, рассматривала одежду,

изучала даже кожу на лицах.

В ее памяти они возникали сначала поодиночке, затем сидящими полукругом перед камином; среди них она видела и саму себя.

Поезд с пыхтением спешил на юг, ее память не отпускала группу перед камином, а сама она повторяла про себя слова молитв, незаметно перебирая в кармане бусины четок, что благотворно влияло на ее манеру держаться, поскольку машинальное это действие удерживало Каролину от нервического подергивания. Она переставала говорить сама с собой и привлекать внимание окружающих. Группа перед камином в Святой Филомене возбуждала ее: в конце концов, она и в лучшие времена отличалась повышенной нервозностью.

В тот вечер в группе обсуждали, как в Англии третируют католиков. Это было излюбленной темой разговоров.

— Вы только представьте, в местечке, где живет моя мать, католиков не берут на работу в общественном транспорте.

— Ни одному ребенку из католиков не дали стипендии…

— Там сорок процентов католиков, но ни один…

Общеизвестно, поведала полная цветущая дама из Западной Ирландии, что католиков не принимают в Кембриджский университет.

— О нет, неправда, — мгновенно возразила Каролина.

— Там делают все возможное, чтобы изолировать католиков, — продолжала дама из Западной Ирландии.

— Не замечала, — сказала Каролина.

Молодой адвокат с ней согласился, но его свидетельство не вызвало доверия. Ирландская дама шепнула соседке:

— Бедный парень лечится от алкоголизма.

— Разумеется, — добавил адвокат, — в определенных кругах всегда имеется предубеждение.

Это восстановило его репутацию в глазах собравшихся.

— Взять хоть моего брата, когда в публичной библиотеке выяснили, что он католик…

По мере того как множился список злодеяний, дама из Западной Ирландии безостановочно приставала к Каролине. «Что вы об этом скажете?.. Вот ужас-то… Как вы это находите?»

— Я нахожу это странным, — ответила Каролина, вставая наконец, чтоб уйти.

Все это время миссис Хогг было и видно, и

слышно. Она в свою очередь вставляла острые замечания, знала, что такое преследования, и часто награждала Каролину подозрительным взглядом.

Вспоминая эту сцену, Каролина возвратилась памятью к другому похожему сборищу у камина — ее еврейской родни и их знакомых, все они давно стали достоянием ее прошлого. Они вновь возникли перед мысленным взором Каролины. Устроившись полукругом, они предавались разнузданному смакованию выдуманных страданий: «Предрассудки!», «Оскорбление чистейшей воды!». Католики и евреи, подумалось Каролине, богоизбранные, влюбленные в трагический образ самих себя. А трагический лишь потому, что вызывает смех. Однако эти собравшиеся у камина мученики, евреи и католики, предстали в ее мыслях во всей их смехотворности. Каролина подумала, что неплохо бы дернуть стоп-кран и остановить поезд, чтобы стереть эти воспоминания. Но стоило ей подумать об этом, как она поняла, что определенно не сделает ничего подобного.

Однако в собственной жажде страдания Каролина намертво вцепилась в образы двух миров — того, что оставила много лет тому назад, и того,

в который вошла совсем недавно. Она дергала и перебирала в кармане четки, пережевывая в острых, как зубы, мыслях воспоминание о рассевшихся перед камином лжемучениках, об их чудовищной несообразности по сравнению с мучениками истинными… оскорбительной несообразности.

Только в вагоне-ресторане Каролина снова вернулась мыслями к Джорджине Хогг. Эта женщина застряла у нее в голове, как комок в пищеводе, который не срыгнуть и не проглотить. До Каролины внезапно дошло, что она поедает свой ланч и одновременно вспоминает о трапезах в Святой Филомене, о том, как миссис Хогг жует в одном ритме с хорошо поставленными модуляциями голоса сестры-монахини, читающей Святое Писание: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога… Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец… И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего»[4].

Каролина подумала: «Требования христианской религии чудовищно непомерны. Христиане, которые не понимают этого с самого начала,

---

[4] Примечания: 4
Первое послание Иоанна Богослова, 4:7, 20, 21.

лишены истинной веры. Они нечестны, их наставники говорят как во сне. “Будем любить друг друга… возлюбленные, братия мои… брат ваш, ближние, любовь, любить, любви”, — они хоть понимают смысл собственных слов?»

Покончив с ланчем, Каролина осознала, что у нее раскалывается голова и перед глазами стоит миссис Хогг. Этим мечтательным трепачам на тему любви приходилось хоть раз сталкиваться лицом к лицу с миссис Хогг? Возвращаясь в свое купе, Каролина разминулась с супружеской парой, которая гостила в Святой Филомене, а сейчас направлялась в вагон-ресторан. Они входили в компанию собравшихся перед камином. Она вспомнила, что они собирались отбыть в этот день.

— Ой, мисс Роуз! Не думала, что вы так скоро уедете.

Сзади напирали пассажиры, так что Каролине удалось удрать.

— Меня срочно вызвали, — сказала она и поспешила прочь.

Супруги сообщили компании у камина, что обратились в католичество два месяца тому назад.

Их новообретенная вера находила выражение в грубых нападках на англиканскую церковь,

служителем которой являлся отец женщины. «Когда мы отправились в Рим, папа был в ярости. Он, понятное дело, англокатолик. У них тоже святая вода, святые и все прочее, кроме Веры. Жуть!» Эта широкая в кости мускулистая спортивная женщина лет тридцати пяти остановилась в своем развитии на стадии школьной старосты-старшеклассницы. Ни лице ее были заметны волоски, нижняя губа изгибалась в слегка воинственной гримасе. Она была громогласнее мужа, но тот, мужчина с гладким худым лицом и младенчески розовой кожей, которая, казалось, еще незнакома с бритвой, тогда вечером у камина в Святой Филомене полностью поддержал жену. «Быть католиком замечательно в том смысле, что жить становится легко, — сказал он. — Спасение так просто, и можно вести счастливую жизнь. Все эти мелочи, ненавистные протестантам, вроде фигурок и медалек — все они помогают нам жить счастливо». Здесь он закончил, словно отбарабанил задание из школьного сборника упражнений, и поставил на этом точку. Он откинулся на спинку стула, протер очки и закинул ногу на ногу.

Эстафету подхватила дама из Западной Ирландии, выступив с предостережением: «Новооб-

ращенным еще многому предстоит поучиться. Обращенного легко отличить от того, кто в католичестве с колыбели. Разница дает о себе знать».

Адвокат-алкоголик в потертом синем костюме слабо улыбнулся Каролине и произнес: «Мне нравятся обращенные». Но его улыбка пропала, когда миссис Хогг улыбнулась другой улыбкой.

В Кру Каролина снова стала хозяйкой купе. Она начала размышлять о том, что миссис Хогг может легко превратиться в наваждение, в демона плотского ханжества, которое овладевало ею всякий раз, как она оказывалась в компании католиков или евреев, предающихся своим извращенным общинным утехам. Она стала думать о своей лондонской жизни, о работе, о Лоуренсе, которому должна отправить телеграмму. Его позабавит ее рассказ о Святой Филомене. Она похихикала, ее потянуло в сон, и, угнездившись в своем уголке, она заснула.

Глава 3

Отправив письмо, Лоуренс возвратился в коттедж, и бабушка вручила ему телеграмму.

Он прочитал и сказал:

— От Каролины. Она вернулась в Лондон.

— Странно, но я как чувствовала, что телеграмма от Каролины. — Луиза частенько, хотя и в слабой форме, демонстрировала цыганские парапсихологические способности. — Жалко, что ты успел отправить письмо в Ливерпуль.

Снова собравшись на почту звонить Каролине, Лоуренс спросил в дверях:

— Не пригласить ли ее погостить?

— Да, разумеется, — ответила Луиза с легким кивком — смягченной имитацией царственного жеста.

В детстве Лоуренс часто от нее слышал: «Не отвечай просто “Да”, говори “Да, разумеется”, так всегда отвечала королева Мария». — «Откуда ты знаешь, бабушка?» — «Мне рассказывал один человек». — «И ты ему поверила?» — «О да, разумеется».

— Передай Каролине, — крикнула Луиза ему вдогонку, — что у меня для нее черносмородино-

вое варенье. — Этим она давала Лоуренсу понять, что и вправду желает приезда Каролины.

— Хорошо, передам.

— И попроси на почте вернуть тебе письмо. Теперь бессмысленно засылать его в Ливерпуль.

— Его не станут искать просто так, — объяснил Лоуренс. — Если успели отправить, то ни за что не вернут, разве что подняв суматоху.

— Вот жалость-то!

— Это не имеет значения. Мы с Каролиной увидимся. Интересно, почему она так скоро вернулась?

— Вот и мне интересно.

Номер Каролины был занят. Небо очистилось, и лучи низкого осеннего солнца оживили сельский пейзаж. Лоуренс решил пройтись до Лэдл-Сэндса — полчаса ходу — и оттуда опять позвонить, к тому времени и пабы откроются. Ему не терпелось поговорить с Каролиной. Его желание заинтересовать ее и вовлечь в разгадку бабушкиной тайны само по себе было почти исполнением другого, более острого желания — не дать прерваться их с Каролиной близости.

Но в тот вечер Лоуренсу не суждено было с нею поговорить. Он все настойчивее втолковывал телефонисткам, что ему надо срочно дозвонить-

ся; телефонистки, в свою очередь, продолжали обреченно и тупо твердить в ответ, что телефон не в порядке, о чем уже доложено на линию.

Незадолго до полуночи телефон подозвал Каролину необычным дребезжанием.

— У вас снята трубка. Мы пытались соединить вас с Суссексом, — произнес весьма раздраженный голос.

— Трубка на месте, — возразила Каролина.

— Значит, ее неправильно положили. Положите, пожалуйста, правильно.

— А вызов? Вы меня соедините?

— Нет. Звонивший уже ушел.

«Ничего, утром перезвонит», — подумала Каролина. Она лежала на диване и смотрела в ночное небо за балконом — задернуть занавески у нее не было сил. Ее согревала мысль о том, что Лоуренс недалеко и хочет с нею поговорить. Она могла на него положиться — он будет на ее стороне, если ее поспешный отъезд из Святой Филомены вызовет у Хелены неудовольствие. Но вообще-то она не думала, что Хелена обидится.

В этот миг она услышала треск пишущей машинки. Он, казалось, шел из-за стены слева. Машинка смолкла, и тут же некий голос повторил собственные мысли Каролины: *Но вообще-то*

она не думала, что Хелена обидится.

Возникло впечатление, что голосов было несколько: это был речитатив, пение в унисон. Голоса эхом накладывались один на другой. Каролина вскочила и бросилась к двери. Ни на площадке, ни на лестнице никого не было. Она вернулась в комнату и закрыла дверь. Было тихо. Стена, за которой раздавался треск машинки, отделяла комнату от площадки второго этажа. Дом, бывший особняк, был разделен на квартиры. Квартира Каролины занимала весь второй этаж. Она не сомневалась, что звуки доносились со стороны лестничной площадки. Каролина исследовала свое крохотное жилище. Стена напротив отделяла комнату от ванной и кухни. Там все было тихо. Она вышла на балкон, с которого открывался панорамный вид на Куинз-Гейт. По улице прошли, громко стуча каблуками, два гвардейца и свернули на Кромвель-роуд. На соседних балконах было темно и пусто. Каролина вернулась в комнату, закрыла окна и задернула занавески.

Она сняла квартирку четыре недели тому назад. В доме было шесть квартир, где жили в основном супружеские пары и молодые люди, ходившие ежедневно на службу. Каролина зна-

ла их только в лицо, потому что здоровалась с ними на лестнице. Иногда выдавались шумные вечера, когда кто-нибудь принимал гостей, но обычно в доме было тихо. Каролина попыталась припомнить, кто живет прямо над ней, но так и не смогла: верхние жильцы, минуя ее площадку, поднимались дальше, она же не забиралась выше своего этажа.

Каролина ломала голову: пишущая машинка и хор голосов в столь поздний час — что бы это значило? Но по-настоящему ее волновало другое: прозвучавшие слова в точности повторили ее собственные мысли.

Тут все началось заново. Тюк-тюкити-тюк — машинка. И те же голоса. Каролина выскочила на площадку, потому что почти не сомневалась — голоса доносились оттуда. На площадке никого не было. Пение настигло ее уже в комнате — в точности ее же словами:

Каролина ломала голову: пишущая машинка и хор голосов в столь поздний час — что бы это значило? Но по-настоящему ее волновало другое: прозвучавшие слова в точности повторили ее собственные мысли.

И снова машинка: тюк-тюк-тюк. Каролина застыла как вкопанная.

— Господи! — вырвалось у нее. — Я схожу с ума?

Не успела она это произнести, как слова и звук собственного голоса включили в ее сознании твердое желание сохранить рассудок. Ее приковала фраза «Каролина ломала голову». И Каролина мгновенно, при том что испытала страшное потрясение, начала обдумывать две возможности: чем было услышанное — реальностью или обманом чувств? Ее приводила в ужас мысль о том, что ее преследуют люди — духи или живые существа, — создания, которые читают ее мысли и, чего доброго, могут проникнуть в святая святых ее сердца; но другая возможность была еще чудовищней, не оставляла надежд и внушала еще больший страх. Она боялась, что эти звуки, такие реальные, словно раздавались за стеной, были наваждением, порожденным ее собственным разумом. Следующие полчаса Каролина просидела в страхе и оцепенении, не зная, что делать. Она боялась повторения пережитого и в то же время просила послать ей знак, что находится в здравом рассудке. Начинало казаться, что она сама может справиться с этой проблемой, — перед ней словно стоял выбор между нормой и безумием.

Она уже пришла к выводу, что слышанные ею

звуки не могли исходить ни от кого из жильцов. То, что ее чувства и мысли точно фиксировались, указывало на некий невидимый источник, поэтому вопрос стоял так: существуют ли звуки в объективной реальности или в ее воображении? Каролина чувствовала: если звуки производили какие-то невидимые машинка и голоса, ей что-то грозит, она может сойти с ума, однако само по себе происшедшее не является симптомом безумия. Теперь она полностью уверилась в том, что слышанное не было продуктом ее собственного воображения. «Я не сумасшедшая. Я не сумасшедшая. Видишь — я способна размышлять об этом. Меня преследуют, сама же я никого не преследую». Между тем ее била дрожь, она была смертельно напугана, правда, не до слепого ужаса.

Тюк-клик-тюк. Опять голоса: *Между тем ее била дрожь, она была смертельно напугана, правда, не до слепого ужаса.*

— Господи! Да кто же там?

Хотя она вполне резонно решила, что эти звуки никак не могли принадлежать кому-нибудь из обитателей дома, стоило ей опять услышать голоса так ясно, прямо за стеной, она все же вскочила и принялась искать по всей квартире, даже под

низеньким диваном, где человеку не спрятаться, даже в стенном шкафчике, где был газовый счетчик. Эти действия несколько притупили панику. Каролина, конечно, понимала, что так ей не обнаружить своих мучителей, но все же отдавалась поискам с лихорадочным рвением — передвигала мебель, хлопала дверями и дверцами. Она допускала все, даже самое невероятное, например, что звуки мог издавать какой-нибудь крохотный предмет вроде коробочки с упрятанным в ней механизмом, который управляется на расстоянии. Исходя из таких предположений, она тщательно разглядывала каждый предмет, чтобы не пропустить что-нибудь необычное.

Внезапно в потолок застучали. Каролина вылетела из квартиры и включила свет на площадке.

— Кто там? — крикнула она в пролет лестницы, задрав голову. — Кто это?

Над головой у нее за лестничным поворотом послышалось какое-то движение. Зашаркали ноги, дверь на верхней площадке открылась, и женский голос злобно прошептал:

— Тише!

Поглядев вверх, Каролина увидала наклонившуюся через перила женщину; на лицо ей падали длинные пряди седых волос, свободная белая

одежда проглядывала между балясин. Каролина завизжала, прежде чем узнала обитательницу верхней квартиры.

— Вы пьяны? — вполголоса спросила сердитая жиличка. — С чего это вам пришло в голову будить ночью весь дом? Времени двадцать две минуты второго, а вы уже целый час грохочете, двигаете мебель, хлопаете дверями. Я глаз не могла сомкнуть, а утром мне идти на службу.

На третьем этаже открылась еще одна дверь, и мужской голос спросил:

— Что случилось? Я слышал женский крик.

Жилица — она была в ночной рубашке — мигом нырнула в свою квартиру и закончила тираду, выставив голову в приоткрытую дверь:

— Это все молодая женщина этажом ниже. Она уже целый час как шумит. Вы слышали шум?

— Что я несомненно слышал, так это крик, — ответил мужской голос.

Каролина взбежала на несколько ступенек, чтобы увидеть жилицу за лестничным изгибом.

— Я жутко испугалась, увидев вас, — объяснила она. — Это вы стучали?

— Конечно, я, — ответила женщина. — Утром я на вас пожалуюсь.

— Это вы печатали на машинке? — продолжала

Каролина. Она чувствовала себя беспомощной и слабой: — Я слышала стук машинки и голоса.

— Вы сумасшедшая! — заявила женщина, втянула голову и захлопнула дверь. Молодой человек тоже удалился в свою квартиру.

Каролина вернулась к себе и, спеша и оглядываясь, принялась собирать чемоданчик. Она задавалась вопросом, где провести остаток ночи. Гостиничный номер на одного решительно исключался, нужно было искать приют в знакомом доме у знакомых людей. Она суетилась, лихорадочно хватая нужные вещи, словно ждала, что в любую секунду спрятанная в каждом предмете невидимая рука сомкнется у нее на запястье и не даст забрать вещь. Она старалась по возможности не шуметь, однако из-за нервного возбуждения налетала на мебель и перевернула стеклянное блюдо. Для защиты от шума, который сама же производила, она напрягла носоглотку, так что в ушах словно зазвучал шелест ветра, он перекрывал звук шагов и приглушал все остальные шумы.

Каролина нажала на крышку чемоданчика. Она решила, где будет ночевать. У Барона. Он не спит или хотя бы доступен в любой час суток. Она снова открыла чемоданчик, вспомнив, что поло-

жила в него деньги, а они ей понадобятся на такси — добраться до квартиры Барона в Хемпстеде. Думать она могла лишь о том, чтобы, не теряя ни единой секунды, убраться из собственной квартиры. Роясь в одежде, она даже не заметила, что кое-как побросала в чемоданчик свои спальные принадлежности, а ведь обычно она привыкла следить за собой. Она не ощущала разницы между теперешними лихорадочными сборами и тем, как неторопливо, вопреки обуревавшей ее ярости, она основательно разглаживала каждую вещь и укладывала ее на положенное место меньше суток тому назад в Святой Филомене.

Тюк-клик-тюк. Тюк. Она даже не заметила — клик-дринь-тюк, — что кое-как побросала в чемоданчик свои спальные принадлежности, а ведь обычно она привыкла следить за собой. Она не ощущала разницы между теперешними лихорадочными сборами и тем, как неторопливо, вопреки обуревавшей ее ярости, она основательно разглаживала каждую вещь и укладывала ее на положенное место меньше суток тому назад в Святой Филомене. Тюк.

Пальто — шляпа — сумочка — чемоданчик. Подхватив их, Каролина вылетела на площадку, громко хлопнув за собой дверью. Она сбежала

по лестнице, стуча каблуками, и выскочила на улицу, захлопнув парадную дверь. В конце Куинз-Гейт поймала такси, свернувшее с Олд-Бромптон-роуд, и отгородила себя от мира, вновь хлопнув дверцей.

— Это часто бывает, — произнес Уилли Сток. — У вас перенапряжение мозга.

Так изрек Барон. Он стоял у электрического камина, мерцающего искусственными угольками, и потягивал «Кюрасао».

Каролина отпила из своей рюмки. Она свернулась на диване и плакала. Впитывая тепло искусственного огня и ликера, она испытывала к Барону глубокую благодарность. Он уже целый час объяснял ей ее психическое состояние. Каролину утешали не его объяснения, но знакомое лицо, ограниченность его мыслей и сама реальность этой теплой квартиры и бутылки «Кюрасао».

Впервые в жизни она почувствовала, что Уилли Сток — ее старый друг. Отнеся его к категории старых друзей, она могла с чистой совестью искать у него защиты. Ибо Барон принадлежал к одному из полусветских кругов в прошлом Каролины. К тому, с которым она постепенно прощалась. К обществу, которое она полузабыла и теперь

решительно порицала. Она уже больше года не встречалась с Бароном, но Лоуренс поддерживал с ним отношения и порой упоминал его в разговоре, и сейчас это укрепляло Каролину в убеждении, что она находится в обществе старого друга. А до утра старый друг с его защитой был ей ох как нужен.

— Элеонора сейчас на гастролях, — заметил он.

— Знаю, Лоуренс получил от нее открытку.

Элеонора Хогарт была любовницей Барона.

— Вот как? — сказал Барон. — Когда именно?

— Еще на прошлой неделе. Он просто упомянул про это.

Его называли Бароном, потому что он сам называл себя Барон Сток. Каролина не знала, где именно получил он свой аристократический титул, да никто этого и не выяснял. Однако она, в отличие от некоторых, была уверена, что он не самозванец. Родом он был из Бельгийского Конго, много поездил по Ближнему Востоку, пожил в Европе и, наконец, осел в Англии и принял британское подданство. Это произошло пятнадцать лет тому назад, и теперь ему было под пятьдесят. Каролина всегда считала, что в жилах Барона течет африканская кровь, но так и не смогла распознать ее в его внешности. А

ведь она пожила в Африке и разбиралась в таких вещах. Для нее это было предметом праздного любопытства, но несколько лет тому назад она заметила: когда при Бароне начинают обсуждать расовые проблемы Африки, он начинает обличать чернокожих с совершенно необъяснимой и неуместной, исполненной горечи яростью. Что подтверждало правоту Каролины. К тому же на лице Барона временами проступало страстное возбуждение, какое она уже видела на лицах скрывавших свое происхождение полукровок. Да и в белках его глаз было нечто такое, чего она не могла определить. Впрочем, все эти наблюдения не очень ее волновали.

Барон открыл на Чаринг-Кросс-роуд книжную лавку, из тех, что ориентируются исключительно на интеллектуального покупателя. «Интеллек-ту-ального», — произносил Барон. «Разумеется, в Англии нет интеллек-ту-алов», — любил повторять он.

Каролина и Лоуренс с наслаждением вспоминали о том дне, когда, заглянув к Барону на Чаринг-Кросс-роуд, обнаружили там крохотную женщину, которая спрашивала:

— У вас есть детские книжки про железные дороги?

Высокий и худой, Барон застыл посреди широкого серого ковра и воззрился на женщину.

— Детские книжки про железные дороги, — повторила та. — Книжки, где на картинках поезда и железная дорога.

— Детские книжки про железные дороги, мадам? — повторил он. — Не думаю, мадам. — И он медленно повел рукой, указуя на полки. — У нас тут представлены истори-я, биографи-я, теологи-я, теософи-я, психологи-я, религи-я, поэзи-я, но детские книжки про железные дороги… Спросите через дорогу в «Фойлзе», мадам.

Он пожал плечами, поднял брови и обратился к Лоуренсу и Каролине.

— Мой отец, — сказал он, — был знаком с одним бельгийским дипломатом, который написал детскую книжку про железные дороги. Она имела широкий успех и хорошо продавалась. Один экземпляр был отправлен в Югославию. Разумеется, книга содержала зашифрованное сообщение. Автор готовил книжку для второго издания, когда его арестовали. Так я единственный раз в жизни имел дело с детской книжкой про железные дороги. Вы читали вот эту работу о Кафке? Я только что ее получил, дорогие мои Лоуренс и Каролина.

Так что Барон Сток был их старым другом.

Каролина лежала в темной комнате на застеленном диване-кровати. Барон удалился, как только часы пробили четыре. Плакать она перестала. На всякий случай Барон оставил на стуле у дивана пузырек с таблетками аспирина. Каролина потянулась за пузырьком, отвинтила пробку и извлекла, как рассчитывала, скрученную полоску ваты. Разорвав ее надвое, она заткнула уши. Теперь, оставшись одна, она подумала, что с самого начала взяла в обращении с Бароном неверную ноту. А все оттого, что заявилась к нему в поздний час, потеряв голову. «Уилли! Откройте, я слышу голоса!»

После этого ей не оставалось ничего другого, как принять его защиту, его дружескую манеру. Он устроил ее у камина:

— Каролина, дорогая моя, вы совсем ослабели, вас бьет озноб! Что за голоса? В высшей степени интересно. Это как-то связано с религи-озными переживаниями?

Она расплакалась и начала извиняться.

— Каролина, дорогая моя, вы же знаете, я никогда не сплю. Я и вправду ложусь спать, если только мне больше решительно нечем заняться. Нет слов, как я счастлив, — Каролина, дорогая

моя, вы оказали мне большую честь — вы в беде, дорогая моя, — вы даже не представляете, что я чувствую.

Так что пришлось ей играть отведенную роль. Теперь же, оставшись в темноте, она подумала: «Нужно было справиться с этим дома. Я не должна была сбегать».

Барон, разумеется, был уверен, что у нее галлюцинации.

— Такое случается с очень многими, дорогая моя. И совсем незачем из-за этого переживать. Если это явление повторится, то курс психоанализа или какие-нибудь таблетки прогонят голоса. Но я сомневаюсь, чтобы оно повторилось. Вы испытываете нервное перенапряжение, до меня дошло, что вы порвали с Лоуренсом.

— Вообще-то, знаете, мы с ним не расставались.

— Но вы же разъехались?

— Да. Я снимаю жилье в Кенсингтоне, а квартира пока что остается за Лоуренсом. Он сейчас за городом. Завтра первым делом нужно с ним связаться.

Всем своим видом она дала понять, что хочет прекратить разговор.

— В Суссексе? У миссис Джепп? — В его голосе

прозвучал неподдельный интерес.

— Да.

— Я познакомился с ней около трех лет назад. Меня представил ей Лоуренс. Замечательная старая дама. Прекрасно выглядит для своих лет. Просто отлично. Вы с ней часто встречаетесь?

— Мы виделись на прошлую Пасху, — ответила Каролина. — Она была великолепна.

— Да, она великолепна. В Лондон она, конечно, не заглядывает?

— Нет. Вы, должно быть, познакомились в ее самый последний приезд. С тех пор она в Лондоне не бывала.

— Жить в Хемпстеде ее не очень-то тянет?

— Ну, она ведь сама себе хозяйка, — рассеянно ответила Каролина.

Она вполуха прислушивалась к болтовне Барона, а тот продолжал говорить о Луизе.

— Завтра первым делом нужно будет связаться с Лоуренсом, — повторила Каролина. — У миссис Джепп нет телефона, я отправлю телеграмму. Ох, Уилли! От этих голосов было так жутко!

Теперь, бодрствуя в темноте, Каролина вспоминала их разговор и жалела о том, что попала в полную зависимость от Барона. «Нужно было остаться дома и справиться с тем, с чем пришлось

бы справляться», — она снова и снова возвращалась к этой мысли. Она знала, что у нее достало бы сил. Растравляя душу признанием в собственной слабости, она с болью вспоминала последний час, и ей приходили на память обрывки разговора, который она дремотно воспринимала какой-то частью сознания. Ее на мгновение удивило, что Барон, видимо, проявляет к бабушке Лоуренса необычайный интерес. Запомнить, да еще по имени, непримечательную старую даму, с которой случайно познакомился три года тому назад, — это было решительно на него непохоже. Миссис Джепп была не из тех женщин, что производят на незнакомых людей мгновенное впечатление, и уж подавно не принадлежала к тому типу, который мог поразить Барона.

В темноте со стороны камина до Каролины донесся звук. Тюк.

Пишущая машинка. Она села, и тут последовали голоса:

Барон, видимо, проявляет к бабушке Лоуренса необычайный интерес. Запомнить, да еще по имени, непримечательную старую даму, с которой случайно познакомился три года тому назад, — это было решительно на него непохоже. Миссис Джепп была не из тех женщин, что производят

на незнакомых людей мгновенное впечатление.

Каролина завопила:

— Уилли! Господи Боже ты мой, голоса… Уилли!

Она услышала, как он завозился за стеной.

— Вы звали, Каролина?

В конце концов он пришлепал и включил свет.

Каролина укутала плечи халатом, который был ей велик, в ее голубых глазах застыл испуг. Она сжимала четки, которые раньше засунула под диванную подушку в изголовье, и дрожащими пальцами вцепилась в бусины, как ребенок — в бессмысленную игрушку.

— Каролина, дорогая моя, какое дивное зрелище вы собой являете! Замрите на секунду, не двигайтесь: я пытаюсь вспомнить — некий момент, некую картину из прошлого или забытый холст — быть может, подругу моей сестры — или мою нянюшку. Каролина, дорогая моя, нет на свете зрелища более изысканного, чем напуганная женщина с четками.

Каролина повесила четки на спинку стула. У нее мелькнула мысль: «Он вульгарен», — она бросила на него внимательный взгляд и застигла его врасплох — рот и веки Барона выдавали смертельную усталость, он с трудом подавлял

зевоту. «В конце-то концов, он добрый, а это все поза», — подумалось ей.

— Расскажите о голосах, — сказал он. — Сам я ничего не слышал. Откуда они раздавались?

— Вон оттуда, со стороны камина.

— Не хотите чая? По-моему, у меня где-то был чай.

— Нет, кофе. Можно кофе? Не думаю, что мне удастся заснуть.

— Мы с вами выпьем кофе. Не вставайте.

«Он хочет сказать, что тоже едва ли заснет», — подумала Каролина и сказала:

— Мне так стыдно, Уилли, простите меня. Выглядит нелепо, но на самом деле ужасно. А вы, должно быть, страшно устали.

— Кофе с аспирином. Дражайшая Каролина, вам не нужно ни за что извиняться. Мне так приятно…

Но он только что не спал на ногах. Вернувшись с кофе и бутылкой бренди на подносе, он сказал с таким видом, словно поддерживал разговор, несмотря на угрозу для жизни:

— Вы должны все рассказать мне о голосах. — Он увидел, как она извлекла из ушей ватные тампоны, но притворился, что ничего не заметил, и продолжил: — Я всегда предполагал, что в этой

комнате водятся бестелесные существа, а теперь знаю наверняка. Без шуток, я уверен — безоговорочно убежден, Каролина, что вы вступили в контакт с неким явлением. Как жаль, что я не могу предложить вам фенобарбитона, это отличное успокаивающее, или какого-нибудь снотворного. Но я конечно же с вами побуду, сейчас почти пять утра…

О галлюцинациях он уже не заикался, из чего Каролина заключила, что теперь он и вправду считает ее сумасшедшей. Не переставая плакать, она послушно пила кофе судорожными глотками. Она попросила его уйти.

— Разумеется, нет. Я хочу послушать про голоса. Это и в самом деле крайне загадочно.

Попытка описать случившееся принесла облегчение, хотя ей не давал покоя тот факт, что для Барона весь эпизод был утомительным и досадным. Но ради собственного блага она безжалостно говорила и говорила. И пока говорила, до нее дошло, что Барон примирился с неизбежным, уступил обстоятельствам и внимательно ее слушает, но слушает как человек, который ищет в словах собеседника не смысл, а симптомы.

Он выяснил у нее, что стук пишущей машинки неизменно предваряет появление голосов, а

иногда и сопровождает их. Сколько было голосов, она не знает. Мужские или женские? И те и другие, ответила она. Было невозможно вычленить отдельные голоса, потому что все они сливались в едином хоре. Отличить хор от одного голоса можно было только по изменению тембра.

— На самом деле, — продолжала она, подхлестывая себя и переходя на скороговорку, — такое впечатление, будто один человек разом говорит разным тоном.

— И всегда в прошедшем времени?

— Да. Голоса издеваются.

— Значит, вы говорите, что этот хор высказывается о ваших мыслях и действиях?

— Не всегда, — ответила Каролина. — и это непонятно. Он сообщает «Каролина думала или поступала так-то и так-то», а потом, случается, добавляет кое-что от себя.

— Приведите мне пример, дорогая моя. Я такой тупой — никогда не могу ухватить…

— Хорошо, — согласилась Каролина, поддавшись внезапному приступу уверенности в бескорыстии Барона, — взять хотя бы эту ночь. Я засыпала и думала о нашем разговоре — как оно обычно бывает, — добавила она, — и мне пришло на ум, что вы запомнили встречу с бабушкой Ло-

уренса, я еще подумала — странно, с чего бы это? И тут же услышала машинку и голоса. Они повторили мои мысли примерно так: «Ей пришло в голову, что Барон — вы знаете, мы всегда называем вас Бароном — проявляет к бабушке Лоуренса необычайный интерес». Вот что сказали голоса, а затем добавили в том духе, что запомнить, да еще по имени, пожилую женщину по одному лишь случайному знакомству за три года до этого было решительно на Барона непохоже. Понимаете, Уилли, слова тут не имеют значения…

— Вы помешались, — заявил Барон резким тоном.

Эти слова принесли Каролине облегчение, несмотря на то, а отчасти из-за того, что они подтвердили ее недуг. Было облегчением услышать от Барона, что он думает на самом деле, ничего другого она и не ожидала, это была нормальная человеческая реакция на ее рассказ. Опасаясь этой реакции, она поначалу нарочно избегала определенности, говоря о своей беде: «Стук машинки, затем голоса. Говорят в прошедшем времени. Они надо мной издеваются».

После того как ее рассказ оброс подробностями и ей заявили, что она сумасшедшая, она испытала извращенное удовлетворение и одновременно

с ним удушье при мысли, что ей, может быть, так и не удастся передать другим всю реальность услышанных звуков.

Барон быстро взял себя в руки.

— Я, конечно, употребил слово «помешались» в разговорном значении. В том смысле, что все мы, знаете ли, помешаны каждый на свой лад. С легким, понимаете, сдвигом. Между нами, я имею в виду, что все интеллигенты немного тронутые, и, Каролина, дорогая моя, именно это нас так красит. Нормальные люди не заслуживают внимания.

— Разумеется, — произнесла Каролина. — Я понимаю, *что* вы хотите сказать.

Но теперь она задавалась вопросом, откуда взялось в его тоне столько злобы: «Вы помешались!» — так пес мог огрызнуться на муху. Она поняла, что допустила бестактность. Надо было привести другой пример.

— Меня кто-то преследует, в этом все дело, — произнесла Каролина, рассчитывая загладить оскорбившие Барона слова.

Тот, казалось, забыл, что выступает в роли заинтригованного дознавателя, проявляющего бескорыстное любопытство. Он подробно рассказал Каролине, почему и как миссис Джепп

произвела на него впечатление.

— Видите ли, она своеобразная личность. Такая миниатюрная и однако же столько силы. Лицо старое, но такое живое. Миниатюрная смуглянка. Это лицо мне никогда не забыть.

«Он оправдывается», — удивилась про себя Каролина.

— В темно-синей бархатной шляпе, дорогая моя, она была такой изящной. И эти темные морщинки. Незабываемая картина.

— Три года тому назад, Уилли?

— Почти. Я хорошо это помню. Лоуренс привел ее в мою лавку, и она заметила: «Сколько тут книг!»

Барон ласково рассмеялся, но Каролина не присоединилась к нему. Она прикидывала — когда Луиза Джепп последний раз приезжала в Лондон три году тому назад, синей шляпы у нее точно не было. Каролина наперечет знала все ее шляпы. Все они покупались от случая к случаю и через большие промежутки времени. Не далее как на Пасху прошлого года она сопровождала старую даму в Хейуордс-Хит, где они полдня ходили по магазинам и в конечном счете остановили свой выбор на синей бархатной шляпе, которая так понравилась Луизе, что с того времени она всякий

раз ее надевала.

— В синей шляпе?

— Вы не поверите, дорогая моя, но в синей. Я хорошо эту шляпу запомнил. Из синего бархата, плотно прилегает к вискам, и пышное черное перо сбоку. Никогда не забуду ни этой шляпы, ни лица под нею.

Точно, та самая шляпа.

Явная ложь Барона — с какой целью? — и тот очевидный факт, что рассказ о голосах каким-то образом ее спровоцировал, подействовали на Каролину: к ней начали возвращаться силы. Намек на тайну, не связанную с ее собственной проблемой, стал благодатным противоядием от ее замешательства. Она хранила спокойствие и прихлебывала кофе, зная, что избавлена хотя бы от этого второго издевательства — притворства Барона, выдающего себя за легковерного слушателя, и его сводящей с ума болтовни про оккультные явления, тогда как в действительности он только дожидался утра, чтобы сплавить ее Лоуренсу или кому-то другому. Барон мог считать, что она помешалась, однако милосердное провидение позволило ей выяснить, пусть совершенно непреднамеренно, что ее состояние представляет для него опасность. Она и в самом

деле заставила его с собою считаться — вплоть до самооправданий и вранья.

Об этом она размышляла, но когда подняла на него глаза и увидела, что, несмотря на крайнюю усталость, он по-прежнему сохраняет учтивость, то снова заплакала.

— Ох, Уилли! Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас? Вы так добры. Так добры, — повторила она, словно усталый ребенок, который застрял на одной фразе. — Так добры, так добры…

Она из благодарности отказалась от приобретенного преимущества и опять превратилась в обезумевшую женщину, которая ищет защиты у старого друга.

Барон, как будто сделав шаг ей навстречу и желая представить ее не в столь жалком виде, спросил:

— Что вы сейчас пишете?

— Все ту же книгу, но за последнее время не очень продвинулась.

— Работу о романе двадцатого века?

— Да. «Форма в современном романе».

— И как пишется?

— Пока что неплохо. Трудно дается глава о реализме.

Внезапно ее охватила злость: голоса нарушили

ее планы. Она собиралась выкинуть из головы все личные неурядицы и возобновить работу на этой неделе, так нет же — эта мерзкая, унизительная история! Она снова потеряла контроль над собой.

— Не должно было со мной такое случиться! Такое не должно случаться с разумными женщинами!

— Как раз с разумными такое и случается, — заметил Барон. И он, и Каролина пили бренди неразбавленным.

Через какое-то время Барон сварил еще кофе, а там, слава Богу, пришел рассвет.

Барон возражал, однако в конце концов позволил ей уйти. При дневном свете она ожила, в ней пробудилась энергия, которую неизвестно откуда черпают нервные люди, причем не только вопреки бессонной мучительной ночи, но едва ли не благодаря ей. Барон возражал, однако позволил ей уйти, после того как она пообещала дать днем о себе знать. Ей не терпелось покинуть его квартиру. Ей хотелось вернуться в Кенсингтон. И связаться с Лоуренсом — он возвращается в Лондон. Дома предстоял разговор с управляющим: Каролина не сомневалась, что другие жильцы уже пожаловались на ночной тарарам.

— Домом управляет форменная скотина, — пожаловалась она Барону, собирая вещи.

— Выдайте ей десять шиллингов, — посоветовал он.

— Это мужчина.

— Ну, так выдайте два фунта.

— Может, один, — сказала Каролина. — Что ж, Уилли, огромное вам спасибо.

— Дайте два, не ошибетесь, — настаивал Барон.

— Дам тридцать шиллингов, — серьезным голосом ответила Каролина.

Барон тихо захихикал. Каролина подумала и тоже рассмеялась.

— Люблю пререкаться.

— Все женщины любят.

По дороге к метро «Хемпстед» она отправила телеграмму Лоуренсу: «Немедленно приезжай, происходит нечто загадочное».

«Голоса могут и не повториться», — подумалось ей. В некотором смысле она надеялась, что повторятся. Лоуренс вполне мог стать орудием их разоблачения, всего лишь отпустив какое-нибудь невинное замечание. На такое он был способен. Она не думала, что голоса заговорят с ней в чьем-то присутствии. Но Лоуренс предпримет

расследование. Она испытывала неестественное возбуждение и чувствовала себя чуть ли не авантюристкой. Утро было ясное, солнечное. В метро она открыла сумочку, переложила фунт с десятью шиллингам в отдельный кармашек и улыбнулась: деньги для управляющего. В целом она надеялась, что голоса вернутся, дадут ей шанс установить их существование и обнаружить источник.

До Куинз-Гейт она добралась в половине десятого. Удобное время. Жильцы разошлись на службу, а управляющий еще не появился. Она тихо прикрыла дверь и на цыпочках поднялась на второй этаж.

Лоуренс не стал закрывать дверь телефонной будки, чтобы не мешать доступу воздуха и утреннего осеннего солнца.

— По-прежнему не отвечают?

— К сожалению, нет.

— Вы уверены, что правильно набрали?..

Но телефонистка уже повесила трубку. Он был уверен, что она неверно набрала номер — или, по крайней мере, Каролина отправилась ночевать в другое место. А может, пошла на утреннюю мессу.

Он позвонил родителям. Мисс Роуз не давала о

себе знать. Мать была на мессе. Отец только что уехал. Он послал Каролине телеграмму с местной почты, она же сельская лавка, и, раздраженный, решил прогуляться, но пришел в хорошее настроение в предвкушении приезда Каролины в гости к бабушке. Он решил продлить свое пребывание еще на неделю. Через полчаса он дошел до коттеджа, где его ждала телеграмма от Каролины.

— На почте все перепутали, — сказал он Луизе.

— Что перепутали, милый?

— Я послал Каролине телеграмму, а Каролина, судя по всему, послала мне. Но на почте непонятно как перепутали содержание. Это — то, что я посылал Каролине, даже слова те же самые.

— Какие, милый? Прочти вслух, а то я не понимаю.

— Пойду объясняться на почту, — выпалил Лоуренс и сразу вышел. Ему не хотелось создавать впечатление, будто он скрывает от бабушки содержание телеграммы, составленной, по его признанию, из его же слов. Он перечитал текст: «Немедленно приезжай происходит нечто загадочное». Подпись — «Люблю Каролина».

На почте, где несколько соседок Луизы покупали чай и прочий товар, Лоуренс вызвал легкое оживление. Текст его телеграммы сравнили с

текстом полученной. Он четко расслышал, как почтмейстер в своем закутке обратился к дочери: «Они написали одни и те же слова. Это шифр или какое-то дельце, о котором они сговорились».

Он вышел и сказал Лоуренсу:

— Обе телеграммы, сэр, полностью совпадают.

— Однако странно, — заметил Лоуренс и повторил: — «происходит нечто загадочное».

— Да, по-видимому, — согласился почтмейстер.

Лоуренс поспешил удалиться, пока история не запуталась окончательно и не стала предметом общего разговора. Он вошел в телефонную будку и попросил набрать номер Каролины. После первого же звонка она подняла трубку.

— Каролина?

— Лоуренс, ты? Я сию минуту вернулась и нашла телеграмму. Это твоя?

— Да, а ты отправляла?

— Да. Как прикажешь ее понимать? Мне так страшно.

В комнатке Бенедиктинского монастыря стоял резкий запах политуры. Четыре стула, стол, половицы, оконные рамы отдыхали в сиянии полировки, словно деревянные эти изделия только перед рассветом завершили тяжкий труд, натирая самих себя. Снаружи позднее солнце

конца октября светило на узкую полоску садика перед зданием, и до Каролины, ожидающей в монастырской приемной, доносились знакомые звуки пригорода — птичья возня и шаги прохожих. Эту приемную с ее запахом лака она знала как свои пять пальцев — ходила сюда раз в неделю три месяца за наставлением в католической вере. Каролина увидела, как на столешницу села муха, и ей на миг показалось, что муху подстерегает смертельная опасность — вдруг ее затянет гладкая поверхность, по которой она скользит. Но муха легко взлетела. Каролина вздрогнула и нервно обернулась на звук открываемой двери. И поднялась: вошел священник — ее добрый друг, стареющий отец Джером. Она столько лет его знала, что уже и не помнила, когда они познакомились. Они то поддерживали связь, то на какой-то период теряли друг друга из виду. Когда она решила принять католичество и стала еженедельно ездить в эту обитель, знакомые удивлялись: «Зачем ты ездишь за наставлениями так далеко от Лондона? Ходила бы лучше на Фарм-стрит»[5]. — «Я знаю тамошнего священника», — отвечала Каролина.

---

[5] Примечания: 5

Церковь Непорочного Зачатия на улице Фарм-стрит в иезуитском приходе лондонского района Мэйфер.

Если знакомые были католиками, они замечали: «Ну, тут ведь дело не в личности священника. В ближнем храме священник всегда самый лучший». И Каролина отвечала: «Я знаю тамошнего священника».

Сейчас она задавалась вопросом, так ли уж хорошо его знает. Он, как всегда, улыбался всем своим красноватым лицом и прихрамывал на больную ногу. В руке у него была выцветшая папка, из которой, как всегда, торчала беспорядочная пачка помятых бумаг.

— На прошлой неделе я взял два дня, чтобы переписать в Британском музее отрывки из «Жизнеописания Богоматери» Лидгейта[6]. Они у меня тут. Вы знакомы с этим сочинением? Я вам сейчас почитаю. Восхитительно. А вы что пишете? У вас усталый вид, вы хорошо спите? Едите здоровую пищу? Что у вас было на завтрак?

— Вот уже неделю как я не сплю по-настоящему, — ответила Каролина. Затем рассказала ему про голоса.

— Это началось с вами после возвращения из Святой Филомены?

— Да. Ровно неделю тому назад. И с тех пор

---

[6] Примечания: 6

Джон Лидгейт (ок.1370 — ок.1451) — английский поэт и автор богословских сочинений, последователь Чосера.

продолжается. Происходит это днем, когда я одна. Лоуренс вернулся из-за города и перебрался ко мне. Мне страшно оставаться ночью одной.

— Он спит у вас?

— В другой комнате. Это можно?

— Пока что, — рассеянно ответил священник.

Он внезапно поднялся и вышел из комнаты. В голове у Каролины замелькали предположения: «Может, он отправился за другим священником? Решил, что я опасная. Или пошел вызвать врача? Думает, меня надо признать невменяемой и увезти». При этом она понимала, что все это глупости: отец Джером имел привычку неожиданно выходить, когда вспоминал о том, что следовало сделать в другом месте. Он скоро вернется.

Он очень скоро вернулся и сел, ничего не объяснив. Через несколько секунд вошел послушник и поставил перед Каролиной поднос со стаканом молока и тарелкой крекеров. Это вернуло монаху и монастырской приемной привычный вид. Не далее как зимой, когда вечерами рано темнело, они завершали занятия по катехизису и отец Джером брал для Каролины из монастырской библиотеки толстые тома Отцов Церкви — она любила рыться в этих изданиях. Он оставлял ее в теплой комнатке листать страницы и делать

выписки и обычно отправлял к ней послушника со стаканом молока и крекерами.

И вот она сидела, прихлебывая молоко, а отец Джером читал ей вслух отрывок из «Жизнеописания Богородицы». Он уже приступил к переводу сочинения на современный английский язык и пару раз спросил ее совета. Каролина вновь почувствовала себя в обществе священника легко и непринужденно. Он никогда не относился к ней не как к ней, а как к другому человеку. Он обращался с ней не только как с чадом, не только как с интеллектуалкой, не только как с неврастеничкой, не только как с чудачкой. Он, видимо, просто считал ее такой, какова она есть. Он стал расспрашивать, и она уже более внятно рассказала про голоса.

— По-моему, — заметила она, — на самом деле это — разные тональности одного и того же голоса.

Еще она сказала:

— По-моему, я одержима дьяволом.

— Нет, — возразил он, — не дьяволом. Может быть, идеей, но я в этом сомневаюсь.

— По-вашему, это галлюцинации? — спросила она.

— Откуда мне знать?

— По-вашему, я безумна?

— Нет. Но вы больны.

— Правда. По-вашему, я неврастеничка?

— Конечно. Это понятно само собой.

Каролина рассмеялась. Когда-то она могла называть себя неврастеничной, не испытывая при этом дурных предчувствий. Когда-то это слово было всего лишь паролем в ее кругу.

— Если я еще не сошла с ума, то скоро сойду. Если это не прекратится, — сказала она.

— Неврастеники не сходят с ума, — заметил он.

— Но это невыносимо.

— Разве это не зависит от вашего восприятия?

— Отец, — сказала она, словно обращаясь к себе самой, чтобы привести мысли в порядок, — если б я только знала, откуда берутся голоса. По-моему, это одно и то же лицо. Оно пользуется пишущей машинкой. Оно использует прошедшее время. Ну в точности как если бы кто-то пристально за мной наблюдал и мог читать мои мысли; как если бы он дожидался случая вцепиться в какую-нибудь незначительную мысль или поступок, чтобы извратить их и тем самым придать им значение. Откуда оно знает про Лоуренса и моих знакомых? А еще на днях случилось странное совпадение.

Мы с Лоуренсом послали друг другу по телеграмме в одно и то же время и с одними и теми же словами. Ужасно. Голос судьбы, да и только.

— Такое случается, — сказал отец Джером. — Совпадение или что-то вроде телепатии.

— А пишущая машинка и голоса? Словно автор из другого измерения пишет о нас роман.

Произнеся это, Каролина поняла, что попала в самую точку. Больше она на эту тему ничего ему не сказала.

Когда она уходила, отец Джером спросил, как ей понравилось в Святой Филомене.

— Отвратительно. Я выдержала всего три дня.

— Что ж, я и не думал, что тамошняя обстановка вам подойдет. Вам надо было отправиться к бенедиктинцам, они вам ближе по духу.

— Но вы же сами рекомендовали мне Святую Филомену! Помните, тогда у леди Мандерс вы в два голоса уговаривали меня туда поехать?

— Ох, прошу прощения. Да, так оно, вероятно, и было. Что вам там не понравилось?

— Люди.

— Ну да, люди, — усмехнулся он. — Все дело в том, как вы их воспринимаете.

— Именно в этом, — сказала Каролина таким тоном, словно ей в голову внезапно пришла

некая мысль.

— Что ж, Господь да благословит вас. Спите спокойно и не пропадайте.

Вернувшись на Куинз-Гейт, она застала Лоуренса в квартире. Он возился с какой-то черной коробкой, которую она поначалу приняла за большую пишущую машинку.

— Что это? — спросила она, рассмотрев коробку получше.

— Послушай, — ответил Лоуренс.

Он нажал на клавишу. Раздалось жужжание, и коробка заговорила натужливо хриплым неестественным мужским голосом. «Дорогая Каролина, — произнес голос, — я хочу кое-что предложить». Затем последовала смешная, но совершенно непечатная фраза.

Каролина облегченно расхохоталась и повалилась на диван.

Лоуренс что-то сделал, и машинка снова прохрипела те же слова.

— Я сразу узнала твой голос, — сказала Каролина.

— Готов поспорить, что не узнала. Я его потрясающе изменил. Послушай еще раз.

— Ни за что! Нас могут подслушать. Скотина ты грязная.

Он опять проиграл запись, и они не смогли удержаться от смеха.

— Зачем ты притащил сюда эту штуку? — спросила Каролина. — Она могла меня до смерти испугать.

— Чтоб записать твои призрачные голоса. Теперь посмотри. Я закладываю сюда этот диск. Услышишь их снова — нажми на это. Он запишет любой голос в пределах слышимости.

Он поставил магнитофон у стены, от которой исходили голоса.

— Потом, — объяснил он, — можно будет вытащить диск и проиграть.

— Может, эти голоса не запишутся, — сказала она.

— Запишутся, если звучат в воздухе. Любой звук порождает волны. Если звук существует в настоящем мире, он непременно запишется.

— Звук может существовать в другой реальности и все равно быть настоящим.

— Ладно, давай-ка сперва проверим возможности естественного порядка…

— Но мы не знаем всех возможностей естественного порядка.

— Если звук не запишется, мы можем считать доказанным, что либо его вообще не существует,

либо он существует в рамках сверхъестественного порядка, — объяснил Лоуренс.

— Он существует, — настаивала она. — Я считаю его естественным. И считаю, что эта машинка его не запишет.

— Ты даже не хочешь попробовать? — чуть ли не разочарованно спросил он.

— Напротив, прекрасная мысль.

— И лучше всех остальных, что приходили тебе в голову.

— Сейчас у меня появилась новая мысль, — сказала Каролина, — и я уверена, что она правильная. Меня осенило в разговоре с отцом Джеромом.

— Ну так поделись.

— Не сейчас. Я хочу собрать доказательства.

Каролина была счастлива. Лоуренс погляделся в зеркало, улыбнулся и сказал своему отражению:

— Она называет меня грязной скотиной.

В квартирке царил беспорядок. Каролина любила наблюдать, как Лоуренс расправляется с наведенным ею порядком. Теперь они жили в квартире вдвоем. Управляющему было сказано, что они поженились. Объяснение устроило его только наполовину, но другую половину, как предсказал Лоуренс, он не преминет вставить в

счет. Она уже привыкла к обращению «Миссис Мандерс» — это было нетрудно, они словно и не расставались, хотя знали, что их заставили съехаться чрезвычайные обстоятельства. Пройдет не больше недели, и придется им что-то предпринимать. Каролина жалела о том, что посвятила Барона в эти обстоятельства: тот начал уговаривать Лоуренса определить ее в частную лечебницу. Не то чтоб ей не нравилось само предложение — не нравился вложенный в него смысл. «Частная лечебница». Барон имел в виду психушку высшего класса. Лоуренс не соглашался — он хотел вернуться с ней к бабушке. Барон рассказал обо всем Хелене. Та предложила оплатить пребывание Каролины в частной лечебнице для католиков. При этом она не имела в виду психушки.

— Я бы не против отдохнуть две-три недели в частной лечебнице, — заявила она Лоуренсу. — Не думаю, что там меня смогут избавить от голосов, но на какое-то время сделают к ним невосприимчивой. Я бы тогда отдохнула.

Лоуренс был в принципе не согласен. К тому же ему нужно было раскрыть другую тайну.

— Я тебе все о ней рассказал в письме. Не успел я отправить письмо в Святую Филомену, как от

тебя пришла первая телеграмма — что ты уже в Лондоне. Думаю, письмо тебе перешлют.

— Ну так расскажи. — Каролина была наполовину готова услышать «тайну» наподобие собственной.

— Дело в том, что бабушка связалась с весьма подозрительными типами. Я было решил, что она возглавляет банду, но теперь, с учетом всех обстоятельств, думаю, что она их марионетка.

— Нет, — возразила Каролина, — твоя бабушка решительно неспособна быть чьей-то марионеткой.

— Ты и вправду так думаешь? Честно говоря, я и сам так считаю. Тебе нужно приехать и самой посмотреть.

— Я подумаю, — ответила Каролина.

Четыре раза на предшествующей неделе она в отсутствие Лоуренса слышала стук машинки и голоса.

Тогда она сказала Лоуренсу:

— Повидаю отца Джерома. Если он посоветует частную лечебницу — пусть будет лечебница. Если отправит к твоей бабушке — к ней и поеду. В частную клинику я могу лечь и позже.

Но спросить совета у отца Джерома она забыла, и теперь чувствовала, что это уже не важно.

— Я отправлюсь в Суссекс, — сказала она.

— Вот как, правда? Тебе посоветовал святой папаша?

— Нет. Я забыла у него спросить. Он посоветовал лучше есть и больше спать.

Лоуренс знал, что и в благополучные времена у Каролины были проблемы с едой и сном. Он рассмеялся, но Каролина его не поддержала и сказала:

— Мне стало лучше. По-моему, худшее уже позади. Я начинаю кое-что понимать.

Ему было не привыкать к скоропалительным выздоровлениям Каролины — но только от физических недугов. За прошедшие годы грудные болезни, которым она была подвержена — бронхит, плеврит, пневмония, — не раз укладывали ее в постель у него на глазах. Пару раз она несколько дней пролежала с высокой температурой, горя от жара. Затем всего за одну ночь, или за один послеполуденный час, или за одно утро, когда она поздно просыпалась после ночной лихорадки, вдруг наступала перемена состояния, мгновенное восстановление сил, и Каролина заявляла: «Мне стало лучше. Я чувствую себя совсем хорошо». Она садилась и говорила. Температура у нее падала до нормальной. Походило на то, будто она

принимала решение, будто ее тело в эти минуты только и ждало от нее слова, сама же она покорно ожидала тайного разрешения изнутри, которое наконец позволило бы ей произнести: «Мне лучше. Я чувствую себя хорошо». После таких ускоренных выздоровлений Каролина пребывала в подавленном настроении и требовала к себе положенного больному внимания, которое мало ее заботило, когда болезнь принимала угрожающий характер. В эти дни она часто повторяла: «Пока что я не чувствую себя лучше. Я все еще слаба». Но в ее словах не было уверенности. В конце концов все это превратилось в шутку, когда спустя месяцы после выздоровления Лоуренс говорил: «Ты все еще больна. Тебе не становится лучше». Она, со своей стороны, подыгрывала ему, заявляя: «Сегодня, милый, ты готовишь завтрак. Я еще больна, и мне очень нехорошо».

Все это пришло Лоуренсу в голову, когда Каролина по возвращении из обители сказала ему: «Мне стало лучше… Я начинаю кое-что понимать». Он узнал этот знак — за последние шесть лет он самолично выхаживал Каролину, когда та болела. То были в основном времена бедности — еще до того, как его родители смирились с их внебрачной связью, как он получил работу на

Би-би-си, как Каролина приобрела имя в литературе.

Каролина знала, о чем он думает. Он не ожидал, что она столь внезапно излечится от болезни такого рода. Последние полгода он следил за ее развитием.

Теперь же он думал: «Итак, ей стало лучше. Она кое-что понимает. Но так ли это? Неужели она права? С меланхолией покончено. С паническим страхом перед незнакомцами тоже покончено. Никакой тревоги, никаких голосов? Формальное выздоровление, период “болезненной слабости” — и перед нами прежняя Каролина. Разве такое возможно?»

Каролина увидела у него на лице выражение, которое, как ей помнилось, уже видела раньше. Смесь удивления и растерянности, какие испытывает человек, сталкиваясь с абсолютно новым для него и не поддающимся объяснению явлением. Выражение отчасти боязливости, отчасти возмущения, отчасти любопытства, но в основном радости. Это выражение появилось на лице Лоуренса во время спора, когда она заявила ему о своем решении принять католичество, из-за чего им предстояло расстаться. И он, и она были в расстроенных чувствах и едва ли понимали, что

говорят. В ответ на какое-то замечание Лоуренса она со злостью бросила: «Я Бога люблю сильней, чем тебя». Тогда-то она и увидела у него на лице смесь удивления и растерянности, непонятным образом выдающую неосознанное и чуждое его натуре удовольствие, — то же самое выражение, которое появилось снова при ее словах: «Худшее уже позади. Я начинаю кое-что понимать».

— Но помни, я все еще болею, — добавила она. Он долго смеялся. Она пожалела, что ей пришлось его разочаровать, — она знала, что ее «выздоровление», по его расчетам, должно было быть другим и что он задавался вопросом: «С чего она взяла, будто больше никогда не услышит эти голоса?»

— Ты и вправду считаешь, милая, что теперь все будет хорошо? — спросил он.

— Да. Я в полном порядке. Только немного устала, но теперь, видишь ли, я знаю, что это за голоса. Жуткое испытание, но я сумею с ним справиться. Не сомневаюсь, что мне удалось установить настоящую причину. У меня есть план, и я постепенно тебя в него посвящу.

Она прилегла и закрыла глаза.

— Мне за тебя боязно, — заметил он.

— Из-за голосов. Ты хочешь сказать, мне не

будет хорошо, если я все так же буду их слышать.

Он подумал и произнес:

— Посмотрим, запишет ли что-нибудь эта машинка.

— Хорошо, — согласилась Каролина. — Но если, допустим, она ничего не запишет, то что из этого следует?

— Ну, в таком случае, по-моему, тебе следует попытаться осмыслить это в символическом плане.

— Но голоса — они и есть голоса. Конечно, они что-то символизируют, но все же они — голоса. А еще пишущая машинка — тоже символ, но это настоящая пишущая машинка. Я ее слышу.

— Каролина, дорогая моя, я надеюсь, ты больше ее не услышишь.

— А я не надеюсь.

— Нет? Но почему, скажи на милость?

— Потому что теперь я знаю, что они такое. Теперь я настороже. Понимаешь, мне и в самом деле много лучше. Вот только усталость. — Она чуть повысила голос и заявила: — Если кто-то слушает, то пусть запишет.

Вот те раз!

— Бьюсь об заклад, ты их напугала, — весело сказал Лоуренс.

Она стянула юбку и скользнула под одеяло.

«При всем том, — подумал он, — она и вправду лучше выглядит. Почти совсем поправилась, только усталая».

Она засыпала, когда он ушел. Он спешил в Хемпстед повидаться с матерью — та позвонила ему и попросила срочно прийти. Он пообещал Каролине вернуться ближе к вечеру и сводить ее куда-нибудь поужинать. Перед уходом он напомнил ей про магнитофон:

— Не забудь нажать на клавишу, если что-то произойдет. Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

— В полном порядке, — сонно ответила Каролина. — Я могла бы проспать целый месяц.

— Вот и хорошо. Крепкого сна. Если что-нибудь понадобится, позвони моей матери. Я там буду минут через двадцать.

Каролина очень быстро уснула. Но даже во сне она оценивала свой сон. Говорила себе, что за последние полгода ей не спалось лучше. Приказывала себе спать дальше, потому что скоро она проснется и займется делом.

В этом месте повествования вполне уместно было бы заявить, что все действующие лица настоящего романа придуманы автором и всякое их

сходство с реальными людьми чисто случайно.

Тюк-тюкити-тюк. В этом месте повествования… Каролина вскочила и нажала на клавишу магнитофона. Затем схватила заранее выложенные блокнотик и карандаш и застенографировала вышеприведенный абзац. И лишь после того, как умолк хор голосов, ее охватила дрожь. Она лежала в темнеющей комнате, дрожала и обдумывала, как ей быть с новой разновидностью муки — теперь, когда она вновь хорошо себя чувствует и обречена на здоровье.

Глава 4

Хризантемы и астры стояли в вазах, хризантемы и астры можно было с трудом различить на выцветшей обвисшей мебельной обивке в гостиной. Обивку давно следовало поменять, но Хелена Мандерс ее не меняла, чтобы не подумали, будто в семье придают значение возведению Мандерса в рыцари, случившемуся, когда обивка уже была не первой свежести. Мандерсы мирились со многими неудобствами, лишь бы никто не подумал, что они придают значение возведению в рыцарское достоинство. Вот и огонь горел в камине только из-за прихода Лоуренса, а так камин разжигали не раньше ноября.

— Ты куда-то спешишь? — спросила Хелена, потому что Лоуренс, не успев прийти, начал поглядывать на часы. А делал он это, потому что знал — если мать хотела видеть его по какому-нибудь конкретному поводу, она обычно вспоминала о деле, только когда он вставал уходить, и уговаривала его остаться на ужин, а то и заночевать. Или же вспоминала уже после его ухода и в этом случае снова звонила, и ему приходилось возвращаться.

Лоуренсу отнюдь не претило бывать у родителей в Хемпстеде, ему даже нравилось приезжать к ним пообедать или поужинать, а то и погостить несколько дней и даже недель, но в подходящее для него самого время, когда у него созревало желание и он говорил самому себе: «Неплохо бы побывать в Хемпстеде». Когда же его призывали, желание погостить пропадало.

Итак, он взглянул на часы и ответил:

— В моем распоряжении всего час. Я ужинаю с Каролиной. Я бы взял ее с собой, но она отдыхает.

— Как она себя чувствует?

— Говорит, что ей лучше. По-моему, так и есть.

— Ты считаешь? И галлюцинации кончились? Бедняжка рассказала мне совсем мало.

— Ну, не знаю. Не знаю, лучше ли ей на самом деле. Говорит, что лучше.

— И не собирается лечь в частную лечебницу? Для нее это было бы лучше всего.

— Нет. Я завтра повезу ее к бабушке.

— Я волнуюсь, Лоуренс.

У нее и вправду был взволнованный вид. На лице читалась растерянность. На чулке спустилась петля. Она сказала, что хотела видеть его по срочному делу, и уже через пять минут пере-

шла к сути. Были и другие признаки крайнего волнения.

— Я попросила тебя приехать, Лоуренс, потому что очень волнуюсь.

Он присел на ручку ее кресла, приобнял мать за плечи и спросил:

— Это имеет отношение к нам с Каролиной?

— Нет, — сказала она.

Лоуренс встал и налил себе виски. Мать забыла предложить ему выпить — она волновалась.

— Вчера ко мне приходила Джорджина Хогг.

— Ну и ну! Что ей было нужно?

— Не знаю. Она рассказала невероятную историю. Я так волнуюсь.

— За Каролину? Я же тебе говорил, что она уехала из Святой Филомены по милости Джорджины Хогг. Прикажешь Каролину за это винить?

— Разумеется, нет.

— Тебе не следовало ее туда отправлять. Ты ведь знаешь, что *о* Джорджина собой представляет.

— Ну, отец Джером был согласен…

— Отец Джером не знает Джорджины Хогг. Ты не должна была принимать ее на работу. Что только тебя заставило? Для Церкви страшнее рекламы не придумаешь.

— Я просто подумала. Хочется сделать что-ни-

будь доброе. Я подумала. Она говорила, что ее возвращение ко мне похоже на чудо. Вот я и подумала: «Может, она переменилась». В нашей вере чего только не бывает. С каждым может случиться все, что угодно.

— Что ж, Джорджина, судя по всему, не переменилась. Как была душемучительницей, так ей и осталась. Я, если честно, считаю, что у Каролины случился рецидив по ее вине. Джорджина, вероятно, разбередила старую рану.

— Налей мне, Лоуренс, — попросила Хелена.

— Чего именно?

— Того же, что себе.

Лоуренс налил ей виски и не стал разбавлять, причем она не возразила.

— Что тебя беспокоит, милая? Что понадобилось Джорджине на этот раз?

— Не знаю. Она пришла рассказать мне кое-что.

— Как всегда, заявила, что считает это своим долгом? И что же она рассказала о Каролине?

— Совершенно верно, она так и сказала про долг. О Каролине она почти не рассказывала, но поведала мне невероятную историю про то, что мама занялась каким-то жутко преступным делом. По ее словам, мама укрывает краденое.

— Господи, откуда у нее такие сведения?

Хелена чувствовала свою вину. Она не представляла, как рассказать Лоуренсу о том, что совершила ее протеже.

— Не представляю, Лоуренс, как тебе рассказать. Я подумала, что она переменилась. К тому же у нее имелось оправдание. Каролина не оставила им своего адреса. Джорджина утверждает, что письмо пришло на другой день после отъезда Каролины. Джорджина взяла на себя смелость вскрыть письмо исключительно с одной целью, как она утверждает, — узнать адрес отправителя, чтобы возвратить письмо. И выяснила, что письмо от тебя. Она его прочитала — обязана была прочитать из чувства долга передо мной. Понимаешь, Лоуренс, у нее на все готово оправдание.

— Но это противозаконно! Никто не имеет права вскрывать письмо, адресованное другому лицу. Это могут сделать только на почте, и то если невозможно установить адрес получателя. Но и в этом случае разрешается только ознакомиться с подписью отправителя и указанным в письме адресом. Никто, решительно никто не имеет права читать письмо, адресованное другому лицу.

Лоуренс порядком рассвирепел.

— Я ей так и сказала. Лоуренс, дорогой мой, я

волнуюсь.

— Что она имела в виду, заявляя, что чувство долга перед тобой заставило ее прочесть мое письмо Каролине?

— Не знаю. Возможно, она решила, что в ваших отношениях есть что-то, о чем я не знаю. Ну тут я ее и наставила на правильный путь.

— Ты ей сказала, что ее поступок — серьезное преступление?

Лоуренс пил уже третью порцию виски.

— Тише, милый, — сказала ему мать, словно унимая ребенка. — Не знаю, можем ли мы позволить себе обвинять Джорджину Хогг в преступлении. Ты должен мне рассказать все, что знаешь про бабушку. Нужно было сразу же рассказать.

— Хогг показала тебе письмо или только передала, что я в нем написал?

— Она предложила, чтобы я прочла, но я отказалась.

— Прекрасно, — сказал Лоуренс. — Мы блюдем наши нормы.

Его мать слегка улыбнулась, посмотрела на Лоуренса и вернулась к тому, что ее волновало:

— Джорджина очень великодушно отозвалась о том, что ты написал *про нее,* хотя уточнять не

стала.

— Полагаю, она не предложила вернуть мне письмо? Оно моя собственность.

— Нет, она отказалась.

— И чем на этот раз объяснила?

— Сказала, что считает это своим долгом. Говорит, такие вещи частенько замалчивают.

— Шантажирует? — спросил Лоуренс.

— Она ничего не потребовала, — ответила Хелена. Затем, словно все сказанное было всего лишь нудным вступлением, она произнесла тоном человека, берущего быка за рога: — Лоуренс, это правда — то, что ты написал Каролине о бабушке?

— Да. Но я не считаю бабушку преступницей. Возможно, ее использует преступная банда. — Последняя фраза прозвучала у него не очень убедительно.

— Я была слепа, — сказала Хелена. — Проявляла элементарную невнимательность все эти четыре года после смерти отца. Нужно было сделать заботу о матери своей святой обязанностью. Нужно было заставить ее принять…

— Где Джорджина сейчас? Вернулась в Святую Филомену?

— Нет, уволилась. Я не знаю ее нынешнего адре-

са — была слишком ошарашена, чтобы спросить.

— Как она собирается поступить с письмом?

— Сказала, что сохранит его, больше ничего.

— Как она собирается поступить с бабушкой?

— Этого она не сказала. Ох, Лоуренс, я так волнуюсь за твою бабушку. Расскажи мне про это. Расскажи все-все-все.

— Всего я не знаю.

— Расскажи про алмазы в хлебе. Я ушам своим не поверила, но Джорджина и не думала меня разыгрывать. Я хочу знать, что происходит. Расскажи, что именно ты обнаружил.

— Хорошо, — согласился Лоуренс. Он знал о причудливой вере матери в то, что никакое зло не может ее затронуть. Это делало ее восприимчивой к новым идеям. Лоуренс видел, как она раз за разом смирялась с его выходками и капризами. Вот и теперь она, взволнованная, сидела в обшарпанной гостиной в своем поношенном синем платье, при дорогих жемчугах и со спущенной петлей на чулке, и Лоуренс подумал: «Она способна пройти сквозь джунгли без единой царапины».

Когда он закончил рассказ, она спросила:

— Когда ты отправляешься в Ледилис?

— Завтра пораньше. Поездом — машину сдам

в ремонт. Возьму напрокат другую на несколько дней в Хейворд-Хите.

— Каролину с собой не бери.

— Почему?

— Она еще недостаточно окрепла, чтобы впутывать ее в эту историю.

— А по-моему, это пойдет ей на пользу.

— Если ты намерен расследовать это дело, она будет тебе только мешать.

— Каролина не будет — она очень смышленая.

— В таком случае попроси ее держать со мной связь. Попроси ежедневно звонить и сообщать, что там у вас происходит. На Каролину я могу положиться.

— От виски ты задираешь нос. На меня ты тоже можешь положиться.

— Подольстись к бабушке и вызнай правду, — попросила она.

Когда он уходил, она робко сказала, так чтобы его не обидеть:

— Попытайся выяснить, во сколько нам обойдется вызволить ее из лап этих мошенников.

— Мы не знаем, кто у кого в лапах, — возразил он. — Отцу лучше пока не говорить — история может оказаться вполне невинной, бабушкиным розыгрышем…

— Твоего отца я пока не буду посвящать в это дело, — решительно пообещала она. — Он так восхищается мамой. — И добавила: — Только подумать, что моя старая доверенная прислуга на такое способна.

Он подумал, что от слов «старая доверенная прислуга» отдает лицемерием.

— Ты думаешь, что я лицемерка, правда? — спросила она.

— Конечно, нет, — возразил он, — с чего бы мне так думать?

— Все в порядке?

Голос Лоуренса разбудил Каролину, но она все еще не очнулась от сна, и это затяжное пробуждение было одним из признаков выздоровления. Полусонная, она не могла сообразить, то ли Лоуренс произнес «Все в порядке?», то ли это еще предстояло произнести и вопрос должен был исходить от нее. Поэтому она села в постели и, все еще полусонная, спросила:

— Все в порядке?

Лоуренс рассмеялся.

Она встала, покачиваясь со сна, и прошла в ванную умыться и переодеться, но не стала закрывать дверь, чтобы можно было разговаривать.

— Что-нибудь было? — спросил Лоуренс.

Теперь она окончательно проснулась и сказала:

— Да. Повелитель мыльных пузырей лорд Том Нодди в эфире[7].

— Кто-кто?

— Мадам Баттерфляй.

— Ты не забыла про магнитофон?

— Нет. Я нажала клавишу. Но не знаю, записалось ли что, — ответила она неуверенно.

— Я проверю?

Он боялся, что эксперимент может ее расстроить, помешать выздоровлению.

— Давай, проверяй.

Он подготовил устройство к воспроизведению и нажал клавишу. Раздался короткий стрекот, затем последовали раскаты голоса Лоуренса «Дорогая Каролина...» и забавное непристойное предложение.

Каролина вышла из ванной с полотенцем в руке послушать запись. Они с нетерпением ждали продолжения. Лоуренс поднял на Каролину внимательный взгляд. Женский голос произнес: «Гнусная ложь. По-моему, вы боитесь. А то с чего бы вам вдруг прятаться за этим заявлением?»

---

[7] Примечания: 7

Сценическое имя ведущего телевизионного шоу, популярного в начале 80-х гг.

На этом запись кончилась.

— Господи Всемогущий! — сказал Лоуренс.

Каролина не без смущения объяснила:

— Это мой голос, я возражала. Похоже, мой милый, что посещающие меня голоса не записываются. Да я, собственно, на это и не рассчитывала.

— Что они тебе говорили? Почему ты так ответила? Что заставило тебя сказать про ложь?

Она прочитала ему свои рукописные заметки.

— Сам видишь, — сказала она с обиженным смехом, — это все вымышленные персонажи.

Лоуренс рассеянно возился с магнитофоном. Когда Каролина замолчала, он велел ей побыстрей одеваться и поцеловал как малого ребенка.

Накладывая макияж, она возбужденно заявила:

— Я знаю ответ. Знаю, как управиться с этим голосом.

Она ждала, что он попросит: «Расскажи как», — но так и не дождалась. Он смотрел на нее, и в его глазах она все еще оставалась милой маленькой девочкой.

Наконец он сказал:

— Мама волнуется. Боюсь, нам предстоит грандиозное разбирательство с бабушкой.

Лоуренсу показалось, что не след Каролине

быть ребенком. Ему требовался ее упорядоченный ум, чтобы связать воедино загадочные факты бабушкиной жизни. Здесь он ощущал себя беспомощным.

— Ты ведь поможешь мне с бабушкой, да? — попросил он.

— Зачем? — весело сказала она. — Что такого ты собираешься сделать со своей бабушкой?

Вид у нее был смешливо-зловещий. Она выздоравливала. Лоуренс перевел взгляд с ее лица на блокнотик со стенографической записью на столе, со свидетельства ее нормальности на свидетельство ее умопомрачения. Возможно, подумал он, человек способен прожить жизнь с небольшим сдвигом, оставаясь во всем другом абсолютно нормальным. Возможно, Каролина была ребенком только в отношении воображаемых слуховых образов.

Он сказал:

— Миссис Хогг прочитала письмо, что я отправил тебе в Святую Филомену.

— То есть вскрыла конверт и прочла письмо?

— Да. Это отвратительно, хуже того — преступно.

При этих словах Каролина едва заметно улыбнулась. Лоуренс вспомнил, что похожая улыбка

промелькнула днем на лице матери, при том что та волновалась. До него дошло, чему именно обе женщины улыбнулись одной и той же улыбкой.

— Признаю, я и сам читал чужие письма. Я прекрасно это понимаю, но тут совсем другое дело. Страшно подумать.

Дав своей улыбкой понять, что считает его отчасти ребенком, Каролина произнесла:

— Скажи честно, это серьезно? — и начала его расспрашивать как равный равного.

Не прерывая разговора, они потушили камин, выключили свет и вышли из квартиры.

В половине двенадцатого, решив повеселиться всю ночь, они отправились потанцевать в клуб «Пилон» на Дувр-стрит. Там царил полумрак, за что Каролина мысленно возблагодарила Господа.

Ибо, поужинав в ресторане в Найтсбридже, они перебрались в Сохо. Сначала в какой-то паб, где неожиданно очутились в компании ребят с Би-би-си, которые обращались к Лоуренсу «Ларри». Для Лоуренса это было форменной катастрофой. Его мысли занимали бабушка и миссис Хогг, разрушившая его бескорыстную увлеченность этим делом и душевный покой. К тому же он был в отпуске и отнюдь не собирался тратить его на

общение с коллегами. Затем они переместились в литературный клуб, где быстро поняли — Барон всем рассказал про истерику Каролины и ее ночь в его квартире.

В первом пабе один из знакомых Лоуренса заметил после их ухода: «У Ларри такое извращение — красивые неврастенички. Причем обязательно неврастенички».

Подразумевалось, что всякая тесная связь между двумя людьми — это извращение. До Каролины эта мысль дошла задним числом, когда они ушли из паба. Лоуренс, понятно, знал о ней, но не имел ничего против: он, например, принимал как должное, что его знакомые именуют «извращением» любое проявление личного вкуса в любви. Пока Каролина и Лоуренс ехали во второй паб, в первом заведении все тот же знакомый Лоуренса говорил: «Все женщины Ларри — неврастенички». Как ни странно, это было правдой.

Позже, в такси, Каролина спросила Лоуренса: «Как ты думаешь, моя неврастения заметна?»

Взгляд ее больших темных глаз выдавал беспокойство, но другие черты лица говорили о способности судить здраво.

Тогда он ответил: «Да, в хорошем смысле». Теперь же он сказал:

— Все мои женщины — неврастенички.

Каролина об этом знала, но была рада услышать от самого Лоуренса. В этих его словах ее ощущение от сказанного в пабе, откуда они ушли, нашло точное выражение. Она была знакома с большинством прежних неврастеничек Лоуренса и продержалась дольше всех.

Лоуренс добавил:

— У неврастеничек больше любопытных особенностей. Никогда не знаешь, с какими чертами характера или манерой поведения можно столкнуться.

Во втором пабе, где какой-то тучный белобрысый поэт попросил Каролину: «Расскажите мне, дорогуша, все-все о ваших видениях»; где поэтесса в пелерине и с огромным ртом вопросила: «Основательно ли укоренен сатанизм в нынешней католической церкви?»; где писатель другого типа, мужчина за пятьдесят, осведомился у Каролины, кто ее психоаналитик, и назвал своего, — в этом пабе Каролина по крупицам дозналась, что Барон рассказывал о ней то да се мальчикам и девочкам неопределенного возраста, которые наведывались к нему в книжную лавку на Чаринг-Кросс-роуд.

Тучный поэт бубнил о «видениях» Каролины,

уверяя, что они послужат ей хорошей рекламой. Каролина и Лоуренс после нескольких аперитивов были навеселе.

— Великолепной рекламой, — согласились они.

А мужчина за пятьдесят в коричневой куртке из искусственного меха настаивал:

— Могу рассказать вам о психиатре, который…

— Мы знакомы с одним психиатром, — перебил его Лоуренс, — который анализирует свихнувшиеся мостовые.

Каролина спросила у женщины в пелерине, известно ли той, что Элеонора Хогарт ушла от Барона.

— Не может быть!

— Ушла. На той неделе он приютил меня на ночь в своей квартире. Там не осталось ни одной ее вещи. Даже фотографии не осталось. Он всего раз упомянул о ней. Сказал, она отправилась в путешествие, что правда, но ни словом не упомянул про разрыв. Лоуренс потом все выяснил — он всегда выясняет, когда нужно.

— Она с кем-то уехала?

— Чего не знаю, того не знаю. Но это она его бросила, а не он ее. Я точно знаю.

— Бедняга Уилли.

— Ну, ее нельзя осуждать, — возразила Каролина, довольная, что теперь все об этом заговорят.

Женщина в пелерине спросила:

— Вы не пробовали обратить Барона?

— Кто, я? Нет.

— Обычно католики пытаются всех обращать в свою веру, даже заведомо безнадежных. Мне казалось, для них это вроде как обязательно.

Для ровного счета Каролина припечатала Барона словами, сказанными на ее слуху о другом человеке:

— Став англичанином, он исчерпал свою способность к обращению.

Барон и вправду довольно строго соблюдал английские обычаи и законы и не сомневался в том, что проникся английской идеей, поэтому его презрение к англичанам с их складом ума и манерами объяснялось досадой на то, что они не в полной мере этой идее соответствовали. В свете этого Каролина и обменялась с женщиной в пелерине мнением о Бароне.

— А знаете, — сообщила ей та, — Уилли Сток — двойственная натура. Он тайный оргиаст.

— Кто-кто?

— Отправляет черную мессу. Сатанист. Вероятно, поэтому Элеонора и ушла от него. Она

страшная буржуазка.

Внезапно паб и публика в нем привели Каролину в уныние. Словечко «буржуазка» испортило ей удовольствие от вечера — оно относилось к скучному расплывчатому словарю полусвета, который она отринула два с лишним года тому назад.

Лоуренс разговаривал с тучным белобрысым поэтом, который приглашал его на вечеринку в доме третьего лица на следующей неделе и расписывал, что там будет за публика. Каролина поднялась, Лоуренс поймал ее взгляд, а поэт заявил:

— Вы просто не имеете права ее пропустить.

По дороге к такси Лоуренс поддерживал Каролину за локоть, поскольку ее покачивало, еще когда они приехали в паб. Но приступ отвращения заставил ее протрезветь.

Они отправились в кафе, а потом в «Пилон», что в Уэст-Энде, где Каролина возблагодарила Господа за полумрак и не слишком шикарную публику. Уэст-Энд был еще одним полусветским местом из прошлого Каролины.

Элеонора Хогарт внимательно присмотрелась к паре, что танцевала перед ней в сонном полумраке. В распоряжении пары имелся один

квадратный фут танцплощадки, который они использовали изящно и мастерски, двигаясь с легкостью существ, описанных в естественной истории. Пара вызвала у Элеоноры глубокий интерес. Встретив Каролину и Лоуренса в подобной обстановке, она поначалу глазам своим не поверила, поскольку до того ни разу не видела их в ночном клубе, тем более танцующими.

Элеонора помахала им рукой — окликать их через площадку было бы неприлично. В конце концов она привлекла внимание Каролины.

— Ой, смотри, это же Элеонора.

И правда, это была она в обществе своего делового партнера с седой шевелюрой и моложавым лицом — Эрнеста Мандерса, дядюшки Лоуренса, младшего брата его отца. В отличие от последнего, Эрнест избрал балет, а не «Фиги Мандерса в сиропе».

Еще маленьким мальчиком Лоуренс однажды сообщил матери: «А дядя Эрни чудной». — «Да, чудной, моя лапочка», — радостно согласилась она и успела повторить слова ребенка нескольким знакомым, прежде чем муж объяснил ей разницу между «чудным», то есть чудаком, и «чудным» в смысле гомосексуалистом. После этого в семье считали долгом молиться за дядю

Эрнеста: всем было понятно, что этого дядю надлежит упоминать в любой молитве. И, судя по всему, это принесло свои плоды, поскольку на сороковом году жизни, когда его связи становились все необузданней, он отказался от мужчин благополучия ради. Правда, женщины их места в его жизни так и не заняли. Как-то раз Лоуренс сказал Каролине: «Я постепенно избавился от неуважения к дяде Эрнесту». — «Неуважения из-за его гомосексуализма?» — «Нет, из-за того, что мы всегда поминали его в молитвах».

Дядя Эрнест был человеком набожным и приятным. Каролина прекрасно с ним ладила. Она говорила, что он из тех католиков, что ей нравятся, — верующий, ничего не берущий на веру. Эрнест неизменно соглашался с Каролиной в том, что истинная, она же католическая, церковь ужасна, хотя, к сожалению, является истинной, что невозможно отрицать.

Последнее время Каролина не могла долго выносить общество Элеоноры, хотя именно благодаря ей познакомилась с Лоуренсом. Одно время молодые женщины были подругами, и даже близкими, — когда в квадратных комнатушках студенческого общежития в Кембридже они, облокотившись на примитивную деревян-

ную стойку с кругами от бесконечных кружек какао, болтали о том о сем, главным образом о высокомерии других студенток и о высокомерии старших, благо обе девушки обладали непризнанными скрытыми талантами. Их сближало недовольство этим местом, его умывалками с кафелем как в общественных туалетах, его комнатами — совмещенными гостиными-спальнями и другими столь же примитивно спланированными помещениями. Элеонора через пару семестров бросила университет, чтобы заняться балетом. Ей было бы легко поступить в художественное училище, поскольку она имела дар и по этой части. И не кто-нибудь, а Элеонора сняла на первом этаже со стены портрет одного из бывших ректоров и целую ночь над ним поработала — наносила бесчисленные точечные мазки, в результате чего портрет претерпел неуловимые и существенные изменения, которые так и остались необнаруженными.

По мнению Каролины, истинный талант Элеоноры заключался в искусстве подражания; по этой причине она легко могла заняться чем угодно — ей требовалось всего лишь подражать уже существующим достижениям в той или иной области и тем самым сойти за знатока.

Когда Элеонора вышла замуж, Каролина была за границей и до нее мало что доходило. Она знала только, что после войны Элеонора бросила мужа, взяла его фамилию и открыла школу танцев, выбрав в партнеры мужчину — Эрнеста Мандерса. Спустя несколько месяцев Каролина и Лоуренс стали жить вместе. К этому времени связь Элеоноры с Бароном начала приобретать постоянство. Теперь Каролину раздражало в старой подруге то, что со студенческих дней в Кембридже Элеонора, видимо, не изменилась по существу и, казалось, была счастлива такою и оставаться. Правда, Лоуренс был из таких же, но в Лоуренсе Каролине нравились многие качества, какие она не терпела в других. Она понимала, что эти ее чувства и нелогичны, и предвзяты, но не могла заставить себя чувствовать по-другому.

Чтобы скрыть презрение, которое вызывала у нее Элеонора, она сказала:

— Погляди на руководителя джаз-банда. На кого он, по-твоему, смахивает?

Она назвала кембриджского преподавателя со скошенным ртом, носившего очки без оправы. Элеонора захохотала и долго не могла остановиться. В тот вечер она выпила больше Каролины.

— Точь-в-точь, — согласилась она и рассказала

Каролине историю, из которой следовало, что этот преподаватель умер.

— Этого я не знала, — сказала Каролина, ужаснувшись тому, что ее шутка развеселила Элеонору. Заметив, что Каролина разом посерьезнела, та заявила:

— И все равно этот парень — точная его копия.

И начала перечислять других музыкантов, более или менее напоминавших мужчин, которых они с Каролиной договорились презирать в дни своей дружбы, отчего Каролина засмеялась. Она перевела разговор в шутливое русло, поскольку они вроде как развлекались, развлекаться же можно было, лишь обратившись к единственным приятным совместным воспоминаниям — их студенческой дружбе. Каролина перестала беспокоиться из-за того, что выдала себя строгой набожной миной, когда Элеонора рассмеялась над умершим. И, позволив Элеоноре смешить себя, она почти забыла о подозрении, что та стремится ублажить ее расшатанные нервы. А подозрение было верным: именно это и делала Элеонора, наклоняя свою темно-каштановую голову к черно-каштановой голове Каролины.

Из полумрака возникли две бутылки джина. После третьей рюмки из первой бутылки Лоуренс

заявил:

— В жизни не чувствовал себя трезвее. Иной раз просто не забирает — и все, ну никак не получается напиться.

Элеонора сочувственно на него посмотрела, словно знала, что он тревожится из-за Каролины. Это раздосадовало Каролину — она-то знала, что больше всего он тревожится из-за бабушки.

Танцуя с Эрнестом, а танцевать с ним было как танцевать с привидением — он все время куда-то ускользал, словно его и не было рядом, — Каролина ощущала себя управляемой ракетой. Она заметила, что Лоуренс с присущим ему любопытством изучает портсигар Элеоноры, и подумала: «Он все время ищет только одно — то, что вообще ищет в жизни». Ее восхищали его способность начинать снова и снова и его мужество, даже если речь шла всего лишь о портсигаре.

Потом Лоуренс танцевал с Элеонорой, затем Каролина увидела, что они сели и Элеонора доверительно с ним заговорила. Она рисовала на столешнице круги донцем стакана, останавливаясь лишь для того, чтобы задумчиво вздохнуть и приложиться к содержимому, как оно часто бывает к концу ночи с выпивкой, когда женщина доверительно рассказывает одному мужчине о

другом.

По стенам «Пилона», насколько можно было их различить, висели большие позолоченные рамы. В каждой на месте картины красовался квадрат черного бархата. Такова была фирменная марка заведения. Легко скользя с обмякшим Эрнестом по их участку танцплощадки, Каролина поймала взглядом голову Элеоноры на фоне одного их таких квадратов черного бархата — портрет в раме, хотя и не вполне четкий, требующий завершающих штрихов.

Глава 5

— Я сказала: «Уилли, так дальше продолжаться не может, не может — и всё».

Элеонора впадала в пьяную сентиментальность. Она вряд ли относилась к неврастеничкам, но безразлична Лоуренсу она была не поэтому. Просто ему был симпатичен Барон, а Элеонора, хотя ее измены и были ее личным делом, рассказывала о них кому не лень, за исключением самого Барона, который о них и не подозревал.

Лоуренс впился взглядом в ее маленький золотой портсигар, словно тот был сама Книга жизни, и кивнул в знак того, что слышит откровения Элеоноры.

— Если б он мне изменял, — продолжала она, — я бы могла это понять, могла бы простить. Но я даже не подозревала об этой мерзости, а ведь он, судя по всему, занимается этим долгие годы. Я, конечно, знала про его интерес к сатанизму и тому подобным штучкам, но думала, этот интерес чисто теоретический. У него полно таких книг, я-то думала — он их собирает. Но, похоже, это тянется уже много лет — черные мессы и всякое такое, жуть, спроси у Каролины, она все знает

про черную мессу. Я чувствую, что он мне нанес личное оскорбление, словно я застукала его со шлюхой. Я сказала ему: «Уилли, придется тебе выбирать между мной и всей этой мерзостью, совместить одно с другим не получится». Потому что, Лоуренс, он, как я говорила, нанес обиду моему здравому смыслу, не говоря обо всем прочем. А он ответил, что мое отношение его забавляет. Забавляет. Я не склонна к преувеличениям, больше того, я не религиозна, но я, Лоуренс, твердо знаю, что черная месса — поистине зло в самой ее сути. Я вполне допускаю, что он как-то воздействовал на Каролину.

— В каком это смысле, дорогая моя?

— Не знаю, правда или нет, но я слышала, что недавно она провела ночь с Уилли и…

— Да, с его стороны было очень мило принять ее на ночь. Тогда она болела. Но, думаю, то был своего рода кризис. Он миновал, и сейчас она выздоравливает.

— Но я слышала, что после той ночи она начала слышать разные вещи. Так я слышала, а если тебе что-то рассказывают, пусть самое невероятное, как не услышать!

Лоуренс не сразу понял, что она хотела сказать, и, пока ломал над этим голову, Элеонора гнула

свое:

— Разве Каролина не слышала разные вещи?

— О тебе, красавица?

— Да нет. Голоса. Духов. Слышала…

— Пойдем потанцуем, — предложил Лоуренс.

Это была их вторая попытка. Она держалась на ногах еще хуже, чем в первый раз, и все его усилия сводились к тому, чтобы не дать ей упасть.

— Слишком много народа, правда? — сказал он.

— Да. Пойдем выпьем.

Эрнест и Каролина уже вернулись с площадки. Элеонора сразу спросила ее:

— Каролина, что ты думаешь о черной мессе?

Каролина отдалась веселью душой и телом. Она продолжала взмахивать руками в такт музыке.

— Ничего не думаю, — ответила она, — но спроси у Барона. Он в этом понимает, по крайней мере, мне так говорили. — Тут она вспомнила, что Элеонора ушла от Барона, и сказала: — Лоуренс, хватит разглядывать портсигар Элеоноры будто старый еврей, что выискивает знак пробы.

— Я пытаюсь прочитать девиз, — сказал Лоуренс.

На верхней крышке портсигара красовался крохотный герб. Каролина с преувеличенным

интересом наклонилась к Лоуренсу.

— Волчья голова, — сказал он. — Какой там девиз? Я не могу разобрать.

— «Fidelis et…»[8], а дальше не помню, — сказала Элеонора. — Хотя в свое время знала. Это герб Хогартов. Викторианская подделка, я думаю. Мой бывший муж подарил мне этот портсигар на свадьбу. У него была страсть ставить семейный герб буквально на всем — на ложках, щетках для волос, ты даже не представляешь. Нет, Каролина, если серьезно, ты не думаешь, что все мы подвержены влиянию зла из-за этих черных месс? Я выяснила про Уилли. Ты-то, должно быть, все время знала, а мне и в голову прийти не могло. Как ты, вероятно, знаешь, их служат на Ноттинг-Хилл-Гейт.

Лоуренс сильно развел ей напиток, но она заметила это только теперь, отхлебнув, и укорила Эрнеста:

— Я, можно сказать, пью лимонад. Не скупись на джин, Эрнест.

Каролину захватил спектакль, который разыгрывала Элеонора. Это и в самом деле было всего лишь представление, но Элеонора брала тем,

---

[8] Примечания: 8
Верный и… (*лат.*)

что целиком и полностью входила в роль. Речь, похоже, не могла идти о выборе Элеонорой роли, которую она играла, — роль была ей навязана и порабощала ее. В эту минуту она, казалось, пребывала под властью спиртного, но одновременно и в еще большей степени находилась под властью своей сценической роли — чокнутой дамочки под мухой. Этой роли она отдавалась самозабвенно, всем своим существом, и отделить Элеонору от образа, который владел ею в эти минуты, было таким же безнадежным делом, как пытаться отделить море от воды в нем.

Происходящее захватывало и ужасало Каролину. В былые дни притворство Элеоноры еще можно было распознать. Она меняла личность, как меняют платье в зависимости от обстоятельств, наблюдать за этим было забавно — розыгрыши Элеоноры были общеизвестны. Но она утратила прежнюю способность видеть себя со стороны, и теперь наблюдать ее было все равно что наблюдать игру рока. Когда в детстве Каролина строила рожи, ее стращали: «Если не прекратишь, то когда-нибудь гримаса так и прилипнет к лицу». Глядя на Элеонору, она чувствовала, что именно это и происходит с бывшей подругой. Образы, в которых та выступала, начинали с нею сживать-

ся, и один из них, гротескный и неистребимый, вскоре окончательно пристанет к ее лицу.

— Она ни о чем не может думать, кроме черной мессы, — вздохнул Эрнест.

— Ты бы тоже не мог, если б жил с сатанистом, — заявила Элеонора, и ее лицо исказилось, как того требовала роль. Положив ладонь на руку Каролины и сверля ее взглядом, она произнесла, растягивая слова:

— Каролина, бедняжка, тебя преследуют духи, верно? И ты ведь знаешь, кто за этим стоит?

Она все больше переигрывала. Каролина попыталась вернуться к прежнему фарсу с оркестрантами и кембриджскими знакомыми.

— Но она одержима, — заявила Элеонора, все так же пристально глядя на Каролину.

Каролина в жизни не чувствовала себя менее одержимой. Она обнаружила, что становится тем спокойнее, чем очевиднее распад личности подруги, и это открытие повергло ее в шок.

— В жизни не чувствовала себя менее одержимой, — сказала она.

— Это я одержим, — произнес Эрнест, — потому что мы оказались на грани банкротства, а Элеонора бросила нашего единственного гаранта.

— Уилли не может забрать деньги из дела. Но он

погубит нас всех по-другому. Я знаю. Я чувствую. Он напускает на нас могучую силу, — продолжала бредить Элеонора.

— Как звали вашего мужа? — спросил у нее Лоуренс.

— Ты воистину одержима, бедная девочка, — гнула свое Элеонора, по-прежнему сверля Каролину взглядом.

— Хогарт, — сообщил Эрнест с улыбкой фокусника, вытащившего кролика из цилиндра.

— Мервин, — запоздало ответила Элеонора.

— По-моему, мы с ним встречались. Он часом не проживает в Лэдл-Сэндсе, что в Суссексе?

— Да, — сказала Элеонора. — Умоляю, не напоминайте. Ему место в тюрьме. У меня была не жизнь, а трагедия, Лоуренс. Эрнест, правда у меня была не жизнь, а трагедия?

— Сплошная трагедия, — произнес Эрнест.

— А трагическая судьба этого мальчика– инвалида, — продолжала Элеонора. — Каролина, я ведь не рассказывала тебе о моем замужестве. Жуть. У него сын от первого брака, беспомощный инвалид. Но что я могла сделать? Такие трагедии происходят повсюду под влиянием злых духов, в них-то я верю. Эрнест, ты налил мне чистого лимонада, не скупись на джин.

— Ты надираешься, — сказал Эрнест.

— Разве это моя вина? Каролина, ты хоть сознаешь абсолютную силу черной мессы? Она, эта сила, действует все время.

— Я бы не стала переживать, — заметила Каролина. — Это всего лишь примитивные оргии, они не могут причинить большого вреда.

— Ты бывала на черной мессе?

— Ни разу. Я с трудом поспеваю на белые мессы по воскресеньям.

— Что такое белая месса? Эрнест, объясни, что такое белая месса.

— Она говорит о мессе, дорогая моя. Об обычной католической мессе, — сказал Эрнест.

— Ну, это совсем другое. А у черной мессы страшная сила. Она способна заставить предметы двигаться. Их не трогают, а они двигаются. Я про это столько всего читала. Еще там голые девушки, они всё говорят задом наперед. И непристойности. Эрнест, ты меня не принимаешь всерьез, а тебе бы сходить на черную мессу и поглядеть своими глазами. Наберись мужества. Я бы лично не посмела. Умерла бы на месте.

Каролина и Лоуренс в один голос сказали:

— Католики не могут пойти на черную мессу.

— Им не разрешается, — объяснил Эрнест.

— С ними обращаются как с малыми детьми, — сказала Элеонора. — Ты согласен, Лоуренс? — спросила она, потому что знала о его отходе от религии.

— Согласен, — миролюбиво ответил он.

— Если в черной мессе нет никакого чудовищного зла, то почему тогда ее запрещают? — настаивала она, не убирая ладони с руки Каролины.

— Я не утверждаю, что в ней нет великого зла, — ответила Каролина. — Я только говорю, что в ней много паясничанья.

— Я бы не стал так легко сбрасывать ее со счетов, — возразил Эрнест.

— Все зависит от того, как относиться ко злу, — сказала Каролина. — То есть если сравнивать его с силой добра. Например, эффект от черной мессы должен быть ничтожным, пока существует настоящая месса.

— Я бы не стал так легко сбрасывать со счетов силу зла, — стоял на своем Эрнест. — Она безусловно существует.

— Я думала, что все католики верят в одно и то же, — сказала Элеонора. — Но вижу, что ошибалась.

— Каролина рассуждает, как мистики, — заметил Эрнест.

— Каролина сама мистик, — сказала Элеонора. — Я всегда это говорила. Правда, Лоуренс, она мистик?

— Бесспорно и несомненно, — весьма любезно согласился Лоуренс.

— Беда с этими мистиками — они разводят теории на чужих страданиях и кончают тем, что преуменьшают сами страдания. Если б тебе, Каролина, выпало столько страданий, сколько выпало мне, ты бы не говорила так, будто ты не от мира сего.

— Не хочу я состязаться с тобой, кто больше страдал, — едко ответила Каролина, потому что в конечном счете была склонна причислять себя к страдалицам.

— Бедная девочка, ты одержима злыми духами, — заявила Элеонора, выбрав такую минуту, что ее слова привели Каролину в бешенство. — На твоем месте я бы не имела дел с Уилли. Послушай моего совета и держись от него подальше.

— Бедняжка Уилли! — воскликнула Каролина с веселым смехом, хотя ее переполняла злость.

— Барон очень мил, видит Бог, — рассеянно заметил Лоуренс, поскольку договаривался с Эрнестом, как им платить по счету.

— Уилли наживает деньги на черной мессе, —

решительно заявила Элеонора. — Уверена, оттуда они у него и берутся.

— Да не может черная месса быть источником дохода, — снова вмешался Лоуренс.

— Продажа освященных облаток поставлена у них на широкую ногу, — сказала Элеонора.

— Продажа чего? — переспросила Каролина, в первый раз серьезно встревожившись, с тех пор как разговор пошел о черной мессе.

— Сомневаюсь, чтобы там придавали значение, освященные облатки или нет, — сказал Лоуренс.

— Я думаю, что придают, — возразил Эрнест. — Боюсь, что именно в этом, по всей видимости, смысл черной мессы.

— В наше время черную мессу служат крайне редко, — сказала Каролина. — Сатанизм выдохся в двадцатые годы.

— Неужели? — спросила Элеонора, готовая оспорить ее слова.

Лоуренс перебил ее вопросом:

— Почему ты сказала, что твоему бывшему мужу место в тюрьме?

— Не лезь в чужие дела, дорогуша, — сказала Элеонора, скривившись в пьяной ухмылке.

— Ты не знаешь, состоит ли с ним в родстве некая Джорджина Хогг?

— Как я понимаю, — заметила Каролина, — мы дошли до той стадии, когда каждый разглагольствует о собственной одержимости, не считаясь…

— Меня заинтересовало, — объяснил Лоуренс, — что на портсигаре Элеоноры тот же самый герб, что и на некоторых вещах Джорджины.

Элеонора не ответила. Ее лицо приняло выражение пьяного отупения, под которым она, возможно, скрыла свои чувства.

— Быть может, обе фамилии происходят от одного корня, — предположила Каролина. — Хогг и Хогарт.

По пути в гардероб Каролине пришлось взять Элеонору под руку, чтобы та не упала, хотя она чувствовала, что и по ее членам пробегают легкие электрические разряды. В туалете Элеонора немного ожила и, крася губы, перешла на роль «как женщина — женщине».

— Мужики — болваны. И прошу тебя, Каролина, держись от Барона подальше. Лоуренс что-то говорил о женщине по фамилии Хогг? Я не разобрала — так напилась, что в сон тянет.

В подтверждение она зевнула во весь рот.

Каролина ответила с преувеличенной точно-

стью, ей не хотелось повторять то, что Элеонора уже знала.

— Да, говорил. Много лет тому назад она была нянькой или гувернанткой у Мандерсов. Лоуренс подумал, что между ней и твоим мужем может быть какая-то связь, потому что герб на твоем портсигаре, судя по всему, тот же самый, что на вещах миссис Хогг.

— Нянька с семейным гербом?

— Судя по всему. Такое вполне возможно, — сказала Каролина.

— Возможно, фамилии Хогг и Хогарт происходят от одного корня, — произнесла Элеонора, словно не слышала сделанного ранее предположения Каролины и эта мысль только что пришла в голову ей самой.

— Вот именно, — произнесла Каролина и заметила, что Элеонора осталась недовольна резкостью и окончательностью ее ответа.

Пока они ждали пальто, Элеонора спросила:

— Где ты сейчас живешь?

— На Куинз-Гейт, совсем близко от нашей прошлой квартиры.

— А Лоуренс?

— Лоуренс живет все там же.

— Официально, как я понимаю? — спросила

Элеонора.

— Что ты имеешь в виду?

— Керри, милочка, я слышала, что Лоуренс не смог расстаться с тобой и задержался в твоей новой квартире.

— Ну, это на короткий срок. Я плохо себя чувствовала.

— На короткий срок! Вам, католикам, все сходит с рук. Вы, можно сказать, только и делаете, что забегаете в исповедальню между очередными «короткими сроками».

— Мы спим в разных комнатах, если ты это имеешь в виду. — Каролина страшно на себя разозлилась за то, что стала себя защищать, хотя никакой защиты не требовалось. Лоуренсу это тоже не понравилось бы. — Я ценю дружбу неизмеримо выше эротики, — прибавила она, попытавшись сгладить неловкость, но только усугубила ее.

Лоуренс и Эрнест ждали их с такси.

— Давай пройдемся, подышим свежим воздухом, — сказала Каролина Лоуренсу.

— Тогда и мы прогуляемся с вами, будет очень мило, — сказала Элеонора.

Но Эрнест с присущим ему тактом усадил ее в такси. Прежде чем распрощаться, Элеонора

произнесла заплетающимся языком:

— Ты уж, Лоуренс, заботься о Каролине. Она только что мне сказала, что вы спите в разных комнатах. Это вы хорошо придумали, только не проболтайтесь. Но в любом случае это должно действовать вам на нервы. Немудрено, что Каролина одержима.

На другой день они вместо того, чтобы отправиться поездом, выехали из Лондона на машине, хотя «эм-джи» Лоуренса давно пора было отдать в ремонт. Но они поздно встали и потратили время на бессмысленные разговоры сперва об Элеоноре, которая, по их единодушному мнению, была «бедняжкой», потом о самих себе.

Ночью Каролина почти не спала. Начать с того, что она пожелала Лоуренсу, который спал в кухне на раскладушке, спокойной ночи уже в пятом часу утра. Около получаса она пролежала без сна, затем застучала пишущая машинка и следом раздались голоса. При Лоуренсе это случилось впервые.

Услышав знакомый стук, она тихо позвала Лоуренса. Он был практически рядом, всего в паре метров, а дверь в кухню стояла открытой.

— Ты спишь?

Он мгновенно проснулся:

— Что такое?

— Оставайся у себя, только слушай. Опять этот звук. Не шуми.

Голоса уже завели свой речитатив. Она включила свет и схватила блокнотик и карандаш. Начало она пропустила и начала записывать со слов:

…вместо того, чтобы отправиться поездом, выехали из Лондона на машине, хотя «эм-джи» Лоуренса давно пора было отдать в ремонт. Но они поздно встали и потратили время на бессмысленные разговоры сперва об Элеоноре, которая, по их единодушному мнению, была «бедняжкой», потом о самих себе. Тюк. Тюк.

— Ты это слышал? — окликнула она Лоуренса.

— Нет, милая, я ничего не слышал.

Он встал с раскладушки и вошел с тревожным выражением на лице.

— С тобой все в порядке?

Она сидела в постели, изучая стенографическую запись.

— Ничего не понимаю, — заявила она. — Ровным счетом ничего.

И она прочитала ему записанное.

— Твои мысли опережают время. Не волнуйся о завтрашнем дне. Мы сможем поспать подольше

и уехать поездом ближе к вечеру.

— Эти слова не я придумала, мне их сказали, — заявила она, но как-то не очень уверенно.

— Мне перебраться к тебе?

— Сперва приготовь чаю.

Он занялся чаем, а Каролина осталась в постели разглядывать стенограмму.

Он принес чай и сказал:

— Переберусь-ка я к тебе.

Диван-кровать был полуторный, так что место для него с трудом, но нашлось бы. Каролина, прихлебывая чай, обдумывала, как быть, и наконец заявила:

— Я и одна справлюсь, честное слово.

— На кухне холодно, — сказал Лоуренс.

Он начал устраиваться.

— Я положу между нами подушку, — решила Каролина.

— Может, лучше хлебный нож и молитвенник?

— Исчезни.

— Я одного хочу — хорошо выспаться.

— Я тоже, — сказала она.

В конце концов они перенесли из кухни раскладушку и приставили ее к дивану-кровати. Он подумал о том, какие странные, почти внетелес-

ные сексуальные отношения будут связывать их отныне, раз Каролина считает теперь их грехом. О том же подумала и она.

Наутро они проснулись в двенадцатом часу.

За приготовлением омлета она поведала Лоуренсу, уверенно, как о неоспоримом факте, про свою теорию автора, который пишет книгу на основе их жизни.

Лоуренс знал, что страдающие от наваждений обычно находят доказательства в подтверждение своих самых безумных домыслов. С того времени как он услышал про голоса, в нем не утихал внутренний спор о том, как это скажется на их с Каролиной отношениях. Отсутствие на магнитофонной ленте записей звуков, надеялся он, докажет ей, что они ей только кажутся. Но когда это не произвело на нее впечатления, он задался вопросом — способен ли он до бесконечности ублажать ее фантазию, с тем чтобы Каролина оставалась для него все той же Каролиной, не считая этого единственного различия между ними в восприятии реальности. Или же реальность заставит их расстаться, и для него придет время порвать с ней со словами: «Каролина, ты неправа, ты ошибаешься, ты безумна. Нет никаких голосов, ни пишущей машинки — все это обман. Тебе

нужно лечиться от душевного недуга».

Эти слова едва не сорвались у него с языка, когда она в халатике готовила им яичницу с ветчиной и вдруг заявила:

— Я выяснила, в чем тут дело.

Оказалось, что дело в фантастической идее, будто бы их с их знакомыми используют как действующих лиц романа.

— Откуда ты знаешь, что именно романа?

— «Все действующие лица настоящего романа придуманы автором», — процитировала Каролина с поистине безумным смехом. — Дело в том, — продолжала она, — что я стала объективно оценивать случившееся. Это признак того, что я снова нормальна, правда?

Вот уж нет, подумал он. И даже позволил себе предположить:

— Ты работаешь в жанре романа, поэтому не может ли быть, что твой ум…

— Удобно, что я кое-что понимаю в романной форме, — сказала Каролина.

— Да, — согласился он, но немного поспорил с ней, задавая вопросы. — Автор бестелесен? — Этого она не знала. — Если да, то как он может печатать на машинке? Как она может его слышать? Способен ли один человек петь хором? — Этого

она тоже не знала, и этого тоже. — Автор — человек или дух, и если дух, то…

— Откуда мне знать ответы на все эти вопросы? Я только-только начала сама их себе задавать. Автор, ясное дело, находится не в нашем, а в другом измерении. Это затруднит расследование.

Тут до него дошло, что против одних безумных доводов он приводит другие, что спорит с чужым откровением. Он едва не пожалел о том, что утратил веру и поэтому не может с бо́льшим успехом использовать католическую полемику, чтобы поколебать ее убежденность.

— С католической точки зрения я мог бы сказать что подобное убеждение опасно для души.

— Для души все опасно. С католической точки зрения убеждение опасно в первую очередь соблазном его отрицать.

— Однако его следует поверять здравым смыслом.

— Я так и делаю, — сказала Каролина. — Я уже приступила к расследованиям.

Беседа явно доставляла ей удовольствие.

Тогда он спросил:

— Тебе не кажется, что представление о невидимке, который настраивается на твою жизненную волну, способно поколебать твою веру?

— Конечно. Поэтому его следует испытать здравым смыслом.

— Ну ладно, — устало сказал он. — Никогда не слышал, чтобы католику было дозволено так вольно обращаться с неизвестным.

— С неизвестным имеет дело автор, — объяснила она. — Но я собираюсь ему мешать.

— В этой истории слишком много гностического.

Ее это позабавило.

— Меня забавляет, — сказала она, — что ты выражаешься, как правоверный католик.

— Мне, черт возьми, далеко не безразлично, дорогая, еретичка ты или нет, потому что ты прелестна. Но раньше или позже ты столкнешься с мощным противодействием. Ты говорила отцу Джерому об этой теории?

— Упомянула, что такое возможно. Тогда я только-только сама поняла.

— Он не возражал?

— Нет, и с чего бы? Если чуть-чуть поедет крыша — это не грех. — И она добавила: — Я знаю, что не совсем в здравом уме.

— Нет, Каролина, — ласково возразил он, — ты *совсем* в здравом уме.

— На твой взгляд, — настаивала она, — я

немножко рехнулась. Отрицать это было бы по-человечески оскорбительно.

Как ловко обходит она все подводные камни, подумал он и вспомнил, что такая ловкость приходит вместе с безумием.

— У тебя слегка расшалились нервы, — сказал он.

— У меня то, что следует называть галлюцинациями. Для здравого смысла это твердая истина.

— Каролина, милая, не нужно себя расстраивать.

— Здравый смысл не может меня не расстраивать, потому что он такая же истина, как существование автора или истины веры. И все эти истины причиняют мне боль, каждая на свой лад.

— Что я могу сделать? — спросил он далеко не в первый раз за последние дни. — Что мне сделать, чтобы тебе помочь?

— Ты сможешь время от времени уступать логике моего безумия? — спросила она. — Потому что в наших отношениях это будет неизбежным. В противном случае мы потеряем друг друга.

Ее ужасала возможность потерять Лоуренса.

— Я всегда старался войти в твой мир, разве нет?

— Старался, но сейчас я нахожусь совсем в другом мире.

— Не совсем, — возразил он. — Во всем остальном ты вполне нормальна.

Он подумал, не обидел ли ее своими словами, подумал, хватит ли у него решимости заставить ее сходить к психиатру.

— Нам придется держать это в тайне, — сказала она. — Я не хочу прослыть совсем уж рехнувшейся. Барон и так достаточно обо мне наболтал.

Так и договорились, но не прошло и пары часов, как Лоуренс понял, насколько тяжко будет соблюдать договор.

Они проговорили большую половину дня, когда Лоуренс позвонил на вокзал справиться о поездах, после чего сказал:

— Лучше поехать на машине. Одну поездку она потянет, к тому же в Хейворд-Хите мне ее быстренько починят, и можно будет ее использовать. Это куда удобней поезда.

— Ты можешь арендовать машину в Хейворд-Хите, — быстро возразила Каролина, — а я хочу отправиться поездом. Мы должны отправиться поездом.

— Не капризничай. Одевайся, а я пойду за машиной. Глупо ехать поездом, если можно до-

браться в автомобиле.

— Нет, я буду капризничать, — заявила Каролина и принялась искать блокнотик. — До меня только-только дошло, — объяснила она, — что мы проводим день в точности как предсказали голоса. Мы поболтали об Элеоноре, раз. Потом о нас самих, два. Прекрасно. Мы проболтали весь день. В повествовании говорится, что мы поехали на машине. Прекрасно, значит, нужно отправиться поездом. Ты понимаешь, Лоуренс? Мы должны проявить свободу воли.

Он понимал. И подумал: «Какого черта, не будем же мы в рабстве у ее тайных фантазий».

— Не понимаю, — сказал он, — с какой стати доставлять себе неудобства по той или иной причине. Будем поступать естественно.

Но он видел, что Каролина твердо настроилась обмануть свой призрак именно в этом вопросе.

— Прекрасно, — согласился он. Его искренности, чувствовал он, грозит нехватка воздуха. Он желал, чтобы их отношения претерпели по возможности наименьшие перемены, но с их последнего разговора они стали меняться. Не то чтобы они с Каролиной разошлись еще больше, но он ощущал, что теперь она ступила на зыбкую почву и ее в любую минуту может безвозвратно

от него оторвать. Он не знал, достанет ли у него сноровки поддерживать с ней отношения, а если да, то стоит ли поддерживать их за той гранью, когда Каролина может измениться до неузнаваемости.

Эти опасения сводили его с ума.

— Хорошо, поедем поездом, — сказал он.

От этих слов она разом повеселела, что изменило ход его мыслей. «Она поможет мне с бабушкой, несмотря на болезнь, — подумал он. — Отдых пойдет Каролине на пользу. Мы по-прежнему нужны друг другу». И еще он подумал: «Я ее люблю». Возбуждение при мысли о раскрытии бабушкиных тайн почему-то делало Каролину еще желаннее.

Чтобы вознаградить Лоуренса за уступку, она быстро оделась и упаковала их вещи в половине шестого. Лоуренс диктовал по телефону телеграмму, сообщая бабушке, что они приедут около восьми.

— Видимо, она ждала нас к ланчу, — сообщил он, кладя трубку.

— С нашей стороны это просто свинство.

— Но она так нам обрадуется, что не станет ругать. Ты готова?

Не отходя от рабочего столика, на котором

стоял телефон, Лоуренс оторвал на календаре несколько просроченных листков.

— Теперь ты снова живешь сегодняшним днем, — заметил он.

— Когда я сижу за столиком, я отрываю автоматически, — грустно сказала она. — Не люблю, когда календарь отстает. Я и вправду должна поскорее вернуться к книге.

Они собрались идти, Лоуренс взялся за чемоданы, но Каролина все еще смотрела на календарь.

— Какой сегодня день? — спросила она. — Неужели первое ноября?

— Верно. Уже ноябрь. Поторопись.

— День Всех святых, — продолжала она, — ты ведь знаешь, что это значит?

Лоуренс подобно большинству людей, воспитанных в католичестве, мигом вспоминал подобные вещи.

— Обязательный праздник — это значит, что нужно посетить церковь.

— А я не была на мессе!

— Ну, тут уж ничего не поделаешь. Да ты не переживай. Если ты и вправду забыла, это не считается смертным грехом.

— Но раз уж вспомнила, то обязана сходить на мессу, если есть такая возможность. В Ора-

тории[9], вероятно, служат позднюю мессу. Вероятно, в половине седьмого. Я обязана пойти. Ты ведь и сам понимаешь, правда?

— Да, вполне.

Он действительно понимал. Для него не составляло труда понимать обязательства, налагаемые католической верой, он постоянно сталкивался с ними в своей среде. Ему было много легче иметь дело с новообретенным католичеством Каролины, чем с ее новообретенным психозом. И ему не составило труда ей сказать:

— Мы не можем снова подвести бабушку. Разве это не уважительная причина, чтобы не пойти на мессу?

Он предвидел ответ:

— Ты отправляйся на машине, а я приеду поздним поездом.

Радуясь отвоеванной свободе поехать в автомобиле, он сразу же предложил:

— Будет лучше вместе поехать в автомобиле после мессы. Мы сможем поспеть к восьми вечера.

Она почувствовала облегчение. Очевидная необходимость побывать на мессе и нежелание и дальше изводить Лоуренса подорвали ее реши-

---

[9] Примечания: 9

Лондонская, или Бромптонская, Оратория, второй по величине католический храм в Лондоне.

мость отправиться поездом.

— Ты ведь не возражаешь? — сказал он, поскольку понял, что она благополучно справилась с выбором, а ему не хотелось быть тираном. Поэтому он позволил себе роскошь несколько раз переспросить:

— Дорогая, ты уверена, что согласна? Ты не против поехать в автомобиле?

— В конце концов, — заявила она, — это не моральное поражение. Месса — это обязательство. Но уступать требованиям чужого романа недостойно.

Он рассмотрел это заявление с философской точки зрения и заметил:

— Уступка несущественна, так что в этом смысле благородство обязывает.

«Вот черт, — подумала она, — он и это понимает. Почему же он тогда не католик?» Она улыбнулась ему, подняв бокал; поскольку спешить им теперь не требовалось, Лоуренс выудил бутылку, которую она бережно уложила ему в чемодан в отведенный для нее уголок.

Заполненные верующими чудовищные пространства Бромптонской Оратории неизменно действовали на нее угнетающе. Стоило ей войти, и на память, как всегда, пришел стих из Книги

Иова: «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя»[10].

До начала службы по случаю Дня Всех святых люди ревностно молились перед массивными каменными фигурами. На что тут стоило посмотреть, так это на вотивные свечи — скопища мерцающих огоньков перед каждым из алтарей. Каролина добавила свою свечу к ближайшему созвездию. Ей подумалось, что Оратория — из тех мест, которые после долгого отсутствия можно вспоминать с любовью. Каролина не сразу освоилась под этими огромными воздушными шатрами — они бросали вызов ее неспешному кропотливому подходу к вещам.

Последние две недели она много времени проводила в обществе Лоуренса, теперь же оказалась одна в окружении незнакомых лиц, в гуще пугающего сборища и особенно остро почувствовала, что ее испытание отделяет ее от других людей. Она полностью сознавала, что периодически попадает под наблюдение незваного гостя. Она постепенно отвлеклась мыслями на другое — на новую необычность своей жизни, и, хотя ее слух и зрение отмечали ход мессы, в себя ее

---

[10] Примечания: 10
Иов, 40:10.

привели только стихи проскомидии: «Justorum animae…»[11] Когда началась главная часть мессы, она заставила себя на время отвлечься от мыслей о страданиях.

— После мессы ты всегда бываешь в плохом настроении, — заметил Лоуренс, ведя машину по плотно застроенным улицам.

— Знаю. Для меня лично — это одно из свидетельств веры. Разве ты не видишь, что это доказывает истинность мессы? Отчаяние плоти.

— Субъективизм чистейшей воды, — ответил он. — В тебе, по-моему, есть что-то квиетистское. И много манихейского. А также катарского.

Его натаскивали на распознание ересей.

— Еще что-нибудь?

— Ты книжница и фарисейка — попеременно, в зависимости от настроения.

— Меня тошнит от оформления Бромптонской Оратории, — заявила она в качестве еще одного оправдания, ибо, когда он встретил ее после мессы, она была мрачнее тучи.

— О церкви не говорят «оформление», — сказал он. — Мне, по крайней мере, так кажется.

— А как в таком случае говорят?

---

[11] Примечания: 11
Души праведников… (*лат.*)

— Точного слова не припомню, но чтоб «оформление» — такого не слышал.

— От твоего католического воспитания много пользы, — заметила Каролина. — Новообращенные всегда могут рассчитывать получить у таких, как ты, консультацию по второстепенным вопросам.

Наконец они выбрались из города. Каролина взяла с заднего сиденья запасное пальто с капюшоном и натянула на плечи и голову, чтобы укрыться от Лоуренса в этой импровизированной палатке. Он понял, что она пытается подавить раздражение. На самом деле ей все сильнее действовало на нервы то, что к ним был прикован взгляд тайного наблюдателя. Решимость держаться естественно усугублялась ощущением неловкости.

Мысли Лоуренса были заняты бабушкой, и он непроизвольно прибавил скорость.

С неприятного визита миссис Хогг к Хелене миновало два дня. Как ни странно, Каролина, узнав о нем, просто не поверила. И теперь, когда он вернулся к этой теме, заявила:

— Нет, Хелена, должно быть, ошиблась. Я не представляю миссис Хогг в роли шантажистки.

— Но ты же сама видела, какая она.

— Не думаю, что именно этот порок для нее характерен. Что она вскрыла твое письмо — это я представляю. У меня впечатление, что она из тех женщин, которые действуют импульсивно. Она способна творить любое зло под видом добра, но не пойдет на заведомое преступление. Слишком она суеверна. Сказать по правде, миссис Хогг всего лишь католический кошмар вроде оловянных медалей и кровоточащих сердец. Я не вижу ее в роли хладнокровной шантажистки. Хелена, должно быть, вообразила все эти скрытые угрозы.

И Каролина продолжала болтать, одержимая желанием говорить, вновь и вновь повторять каждое свое утверждение, лишь бы не допустить молчания. Ибо такое молчание заключало в себе ее глубочайшее безумие, жуткую бездну страха, подозрение, которому ни в коем случае нельзя было поддаваться. Оно засело в ней, как ком в горле, — ни туда ни сюда. Бесформенная идея, что миссис Хогг каким-то образом выступает в союзе с преследующим ее невидимкой. Она не желала ни говорить об этом, ни даже в мыслях облекать это в словесную форму.

Лоуренс не видел ее лица, скрытого под капюшоном. Его выводило из себя, что Каролина,

видимо, выступает на стороне миссис Хогг, пусть и в такой мелочи.

— Мы знаем ее двадцать четыре года. Дорогая, мы знаем ее лучше, чем ты. Она — воплощение зла.

Каролина резко возразила, и он, стремясь вернуть их отношения в нормальное русло, миролюбиво ответил:

— Да, вероятно, у старухи Джорджины благие намерения, но так или иначе она натворила много бед, а в этот раз перешла все границы. Мы не можем позволить мучить бабушку в ее-то годы, что бы там ни затеяла старая дама. Правда, не можем?

Таким путем Лоуренс пытался унять ее раздражение и завоевать благосклонность.

Каролина и в самом деле смягчилась, однако потом, к его удивлению, разразилась сердитой тирадой:

— Не думаю, что миссис Хогг хочет мучить твою бабушку. Больше того, я не думаю, что твоя бабушка и вправду замешана в какой-то подозрительной истории. По-моему, ты все это навоображал из-за нескольких случайных совпадений.

Странно. Обычно уступка со стороны Лоуренса

вроде «Да, вероятно, у старухи Джорджины благие намерения» вызывала у Каролины вполне положительную реакцию. Поэтому он попробовал еще раз:

— Есть и другое, над чем нужно подумать. Ключ, подсказанный портсигаром Элеоноры. Уверен, это тот же герб, что и у Джорджины. Я убежден, что между Джорджиной и этой парочкой Хогартов существует какая-то связь.

Каролина промолчала.

— Правда удивительно, что я совсем случайно углядел этот герб?

— Совсем случайно, — повторила Каролина сдавленным голосом.

— Я хотел сказать, — поспешил добавить Лоуренс, который неверно истолковал ее реплику, — что меня на это сподобил Господь. Да, тесен мир. Мы случайно столкнулись с Элеонорой и…

— Лоуренс, — произнесла Каролина, — боюсь, в Ледилисе тебе от меня будет мало помощи. Наотдыхалась я, хватит. Погощу пару дней, а потом хочу назад в Лондон — поработать. Прости, что я передумала, но…

— Катись к черту, — сказал Лоуренс. — Будь добра, катись к черту.

Затем они сделали остановку у паба. Когда

поездка возобновилась, Каролина принялась терпеливо излагать свои доводы. Они потеряли полчаса, и Лоуренс въехал в Суссекс на полной скорости.

— С моей точки зрения, совершенно ясно, что эти мысли формируются у тебя в голове с подачи романиста, который изобретает некий надуманный сюжет. Я ясно вижу, что твой мозг работает под давлением чужой воли, а ты сам превращаешься под сильным внушением какого-то безответственного писаки в сыщика-любителя из дешевого детектива.

— С чего ты взяла, что сюжет надуман? — спросил он, что с его стороны было довольно мило.

— Не могла же я изучать роман три года и не знать определенных формальных приемов. В этом случае, как мне кажется, имеет место попытка выстроить наши жизни по удобному гладенькому сюжету. Чтоб твоя бабушка была гангстером — разве это возможно?

Прямо перед ними черный лакированный спортивный автомобиль с открытым верхом, в котором ехали две девушки, занесло на мокрой дороге. Лоуренс автоматически прибавил скорость, в то же время напряженно слушая Каролину, поскольку на этом фантастическом

уровне было трудно постичь работу ее ума.

— «Санбим-альпин», — заметил он.

— Ты меня слушаешь, дорогой?

— Во все уши.

— Твоя бабушка — гангстер, это уж слишком. Это неправдоподобный характер, разве не видишь?

— Зато самая правдоподобная личность из всех, что я знаю. Кого хочешь обведет вокруг пальца.

— Я имела в виду характер в литературном смысле, разве не ясно? Такой она быть не может. То же и миссис Хогг. Разве эта набожная корова может быть шантажисткой?

— Я считаю, что она смогла принести тебе много зла. Должно быть, она основательно поиграла на твоих нервах. Она несет зло. После встречи с ней тебя не узнать.

Сквозь шум двигателя и дождя он разобрал ее слова:

— Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Не понимаю.

— Лоуренс, ты и в самом деле считаешь вероятным совпадение гербов на портсигаре Элеоноры и на щетке для волос миссис Хогг?

— Ну, — ответил он, — это совпадение не я придумал, оно было.

— Вот именно.

Они начали отставать от «санбима-альпина». Лоуренс прибавил скорости, так что рев двигателя исключил разговор. Но когда он сократил разрыв, легко выжимая пятьдесят миль в час на блестящем от дождя шоссе, она спросила:

— Лоуренс, ты хочешь понять мою точку зрения?

— Да, милая. Постарайся быть рассудительной.

— Все зависит от нашего выбора. Если б ты не выискивал связи между Хогартами и жалкой миссис Хогг, ты бы не натолкнулся на герб. А если б тебя не подталкивали в нужном направлении, ты бы его не искал. Я сама едва не поймалась на эту удочку, когда ночевала у Барона. Он случайно обронил замечание, из которого можно было заключить, что последний год он тайно и часто встречается с твоей бабушкой. Но лично я отметаю такое подозрение — я не желаю, чтобы моими мыслями и действиями управляло некое неизвестное и, возможно, злое существо. Я намерена подвергнуть его проверке разумом. Мне посчастливилось быть христианкой. Посчастливилось…

— Ты считаешь, что Барон встречался с бабушкой? — выпытывал у нее Лоуренс. — Что

заставило тебя так думать? Это очень важно, милая, расскажи.

«Санбим-альпин» по-прежнему лидировал. Девушка за рулем что-то сказала подруге, и та оглянулась. Они явно приглашали к состязанию. Лоуренс прибавил скорость.

— Нет, — заявила Каролина. — В этом все дело. Я не позволю впутать себя в этот надуманный сюжет, если только сумею. Вообще-то я хочу испортить этот сюжет. Если удастся, я остановлю действие романа. Я обязана это сделать.

— Расскажи, что Барон говорил о бабушке, — настаивал Лоуренс. — Прояви благоразумие, милая.

— Нет, это меня впутает в сюжет. Я намерена отойти в сторону и посмотреть, имеет ли этот роман настоящую форму, помимо надуманного сюжета. Мне посчастливилось быть христианкой.

Она наговорила о сюжете еще много чего. Лоуренс впал в отчаяние и подумал: «А ведь она и вправду безумна, и с этим ничего не поделаешь. Каролина безумна». И он подумал о долгих месяцах, а то и годах, в течение которых ему, возможно, придется видеть Каролину, его любимую Каролину, погруженной в пучину безумия,

а быть может, на месяцы, годы запертой в сумасшедшем доме.

Она много еще чего наговорила о надуманном сюжете. Но один раз отвлеклась, чтобы предупредить его:

— Лоуренс, не пытайся обогнать этих девушек. У них сверхмощный автомобиль.

Но он пропустил предупреждение мимо ушей, а она продолжала заверять его в своей решимости не впутываться в непонятно чье повествование.

Каролине было легко предъявлять к сюжету те или иные требования. Ей было легко принимать решение остановить действие. И совсем не трудно критиковать. Лоуренс еще прибавил скорость и довел ее почти до семидесяти миль в час, когда машину занесло и она опрокинулась. «Санбим-альпин» затормозил и развернулся. Лоуренс еще не потерял сознания, несмотря на острую боль в груди, и увидел, как девушки выпрыгнули из своего блестящего спортивного автомобиля и поспешили к его покореженной машине, из которой он был не в состоянии выпутаться.

Рядом он увидел и Каролину с залитым кровью лицом. Одна ее нога была загнута за спину самым неестественным образом. Она издала чуть слышный стон и дернулась, и это зрелище погрузило

его в беспамятство.

Часть вторая

Глава 6

Три раза в неделю к Луизе Джепп приходила женщина убираться в доме. В один из таких дней в коттедж нагрянула миссис Хогг.

Миссис Джепп перехватила ее на пороге со словами:

— Не могу пригласить вас в дом, миссис Хогг. Прислуга как раз моет полы. Вы по делу?

— Тогда, может, после полудня, — сказала миссис Хогг, бросив взгляд поверх плеча Луизы в коридор, дальняя дверь которого была распахнута в зелень сада позади дома.

— Нет. После полудня я собираюсь проведать внука в больнице. Юный Лоуренс попал в автокатастрофу. Вы по конкретному делу, миссис Хогг?

— Мне бы хотелось справиться, как Лоуренс себя чувствует.

— Очень мило с вашей стороны. Юный Лоуренс понемногу поправляется, как и мисс Каролина, хотя ей пришлось хуже. Я передам Лоуренсу, что вы о нем спрашивали.

Луиза всем своим видом давала понять, что считает разговор законченным.

— Мне нужно кое-что сказать Лоуренсу. Поэто-

му я сама и приехала.

— С самого севера Англии, путь неблизкий, — констатировала Луиза.

— Я приехала на день. Из Лондона.

— Обойдите дом, мы поговорим в саду.

Стоял тихий ноябрьский день, солнечный, но неяркий. Луиза провела посетительницу через маленький зеленый газон, по которому гуляли голуби, к скамейке у куста ежевики.

Миссис Хогг уселась с ней рядом, порылась в хозяйственной сумке, извлекла из нее старую пелерину из рыжей лисы, набросила на плечи и разгладила мех.

— Уже не лето, — объяснила она.

«Моя поденщица и то держится благородней, а ведь эта женщина из хорошей семьи», — подумала Луиза и произнесла:

— Вы хотели сказать юному Лоуренсу что-нибудь важное? — Тут ей пришла в голову новая мысль, и она поспешила добавить: — Он вполне способен читать, хотя еще не садится в постели, так что можете передать записку.

— Ой, нет.

«Так я и ожидала», — подумала Луиза.

— Нет, беднягу Лоуренса не следует волновать письмом, от писем одни волнения, — заявила

миссис Хогг. Ей, казалось, было приятно отдохнуть после утомительной дороги от станции в гору. К ней на глазах возвращались силы, Луиза же сидела рядом и хранила подчеркнутое молчание.

— Я узнала, что вы называете меня препротивной, — сказала миссис Хогг.

— В жизни всегда что-нибудь узнаешь, — заметила Луиза, моргнув черными глазами в такт собственным мыслям. Миссис Хогг видела только маленькие руки, сложенные на коленях под коричневой тканью.

— Вы не думаете, — вопросила миссис Хогг, — что вам самое время задуматься о своих грехах и готовиться к смерти?

— Именно так вы говорили с моим мужем, из-за вас он умер в отчаянье.

— Я денно и нощно выхаживала мистера Джеппа…

— Нет, — возразила Луиза, — только нощно. И лишь до тех пор, пока я не узнала про ваши разговоры.

— Ему следовало поговорить со священником, как я ему повторяла.

— Миссис Хогг, что вы хотите передать юному Лоуренсу?

— Только что он может не беспокоиться. Его я не стану привлекать к уголовной ответственности. Он поймет, что я имею в виду. И еще, миссис Джепп, — продолжила она, — вам тут одиноко, совсем одной.

— Вовсе мне не одиноко. Я не буду передавать юному Лоуренсу такое идиотское сообщение. Если у вас к нему претензии, будьте добры, напишите сэру Эдвину. В настоящее время моего внука нельзя беспокоить.

— Речь идет о клевете. В моем положении очень важно, какая у меня в миру репутация.

— Вы завладели письмом юного Лоуренса к мисс Каролине, — произнесла Луиза голосом, который у нее подчас появлялся, когда она выигрывала в рамми, угадав карты противников.

— Вы и вправду должны помнить, сколько вам лет, — сказала миссис Хогг. — Не следует вести себя, как младенец.

— Я не позволю вам жить со мной, — сказала Луиза.

— Вам нужна компаньонка.

— Я не слабоумная и, надеюсь, никогда не стану ей в такой степени, чтобы выбрать вас в компаньонки.

— Зачем вы храните бриллианты в хлебе?

Луиза не вздрогнула и даже не замялась. Больше того, ее сразу озарило: найти тайник — как это похоже на Лоуренса!

— Не отпираюсь, такая у меня привычка.

— Вы предаетесь греху.

— Преступлению, — возразила Луиза. — Слово «грех» тут едва ли подходит…

Миссис Хогг встала, не сводя безресничных глаз со смуглых рук на коричневой ткани. Неужели эта женщина и вправду выжила из ума?

— Подождите. Сядьте, — сказала Луиза. — Я хочу рассказать вам все о моем преступлении.

Она посмотрела широко открытыми глазами на миссис Хогг, снизу вверх. Их умоляющий взгляд был вполне убедителен.

Ободренная таким образом, миссис Хогг произнесла:

— Вы должны поговорить со священником.

Тем не менее она села, чтобы послушать Луизину исповедь.

— Я занимаюсь контрабандой, — сказала Луиза. — Не стану вдаваться в детали — память у меня уже не та, но у меня своя банда. Что вы на это скажете, милейшая Джорджина?

Луиза покосилась на миссис Хогг и сделала губы уточкой, словно целовала ветерок. Миссис

Хогг застыла. Уж не пьяна ли она? Но в конце-то концов на семьдесят девятом году жизни…

— Банда? — наконец переспросила миссис Хогг.

— Банда. Нас четверо. Я главная, трое других — мужчины. Они тайно ввозят бриллианты из-за границы.

— В хлебных буханках?

— Не стану вдаваться в подробности. Я же сбываю камни в Лондоне через моих агентов.

— Ваша дочь про это не знает, — заявила миссис Хогг. — Если все это правда.

— Вы, разумеется, уже побывали у леди Мандерс? И рассказали, что сказано в украденном вами письме?

— Леди Мандерс очень за вас тревожится.

— Ну еще бы. Я это исправлю. А сейчас я назову вам участников моих контрабандных операций. Если вы все будете знать, то, уверена, впредь не станете беспокоить мою дочь.

— Можете на меня положиться, — заявила миссис Хогг.

— Не сомневаюсь. Итак, первый — некто мистер Уэбстер, местный пекарь. Замечательный человек, но сам он за границу не ездит. Про его роль в операциях я лучше умолчу. Затем пара,

отец и сын, грустная история: мальчик — инвалид, но заграничные поездки приносят ему много пользы, да и отцу тоже. У них фамилия Хогарт. Отца зовут Мервин, а сына — Эндрю. Такая вот у меня банда.

После этих слов Джорджина Хогг разом сникла. Отвратительная меховая пелерина сползла у нее с плеча.

— Мервин и Эндрю! — произнесла она сдавленным голосом.

— Совершенно верно. Сами они именуют себя Хогартами.

— Вы порочны, — заявила миссис Хогг.

— Письмо вам теперь не понадобится, — сказала Луиза, — но все равно можете его оставить себе.

Миссис Хогг собрала меховую пелерину на своей необъятной груди и произнесла, не шевеля верхней губой — манера, неизменно поражавшая Луизу своей необычностью:

— Вы порочная женщина. Преступная порочная старуха, злобная старуха.

С этими словами она поспешно ушла. Луиза взобралась на чердак, откуда открывался вид на скрытую в лощине железнодорожную станцию, и в старый отцовский бинокль разглядела злове-

щую желтую осу — миссис Хогг, которая наконец поднялась на платформу.

Спустившись вниз, Луиза сказала уборщице:

— Эта моя недавняя гостья.

— Да, миссис Джепп?

— Захотела перебраться сюда и приглядывать за мной, а то я дряхлею.

— Гули-гули, совсем чокнулась.

Луиза вытянула ящик кухонного шкафчика, достала оттуда сложенную белую скатерть и аккуратно расстелила на краю стола у окна. Затем извлекла тонкую писчую бумагу и авторучку и написала послание из шести строчек. Сложила листок и положила на шкафчик, а белую скатерть вернула на место. Убрала авторучку и писчую бумагу, взяла листок и вышла в сад. Села на скамейку и в безмолвии мягкого ноябрьского денька несколько раз тихо повторила:

— Гули, гу-ули!

Вскоре из высокой голубятни выпорхнул голубь и сел на скамейку рядом с Луизой. Она скатала записку в крохотный свиток, засунула за ленточку на лапке серебристой птицы, погладила ей клюв смуглыми пальцами и отпустила. Голубь взмыл в небо и повернул в сторону Лэдл-Сэндса.

Бывает, что человек, укрепленный в вере

неукоснительным соблюдением всех обрядов на протяжении полувека, медленно, но верно достигший в своем религиозном рвении абсолютного совершенства, доверчиво восходящий к Творцу извилистым земным путем, а чтобы для пущей верности вдвойне застраховаться, два раза в день дополняющий медитации дыхательной гимнастикой, — бывает, что такой человек впадает в панику перед лицом неприятностей, с какими сталкивается впервые. Если это случается, окружающие приходят в смятение. Если человека, который занимается религиозными медитациями, почитали за мудрость и самообладание, то его явная неспособность противостоять обычным житейским невзгодам причинит почитателям боль. Радуются лишь те, кто воплощает духовные крайности: дьявол — своему примитивному торжеству, а праведнейшие души — усматривая в этой реакции свидетельство той истины, что человек по природе своей подвержен слабостям, несмотря на постоянные молитвы и дыхательные упражнения.

К счастью, такое случается редко. Элементарный инстинкт способен измерить границы человеческой святости, и всякий, кто снискал себе славу благочестивого человека благодаря

молитвам, дыхательным упражнениям и паре добротных сочинений, вознагражден за свои труды хотя бы тем, что редко кто докучает ему необычными проблемами.

Вот почему мало кто обращался к сэру Эдвину Мандерсу с необычной просьбой или заговаривал с ним о сверхъестественном.

Он справился (что правда, то правда) с шоком от автокатастрофы; Лоуренс и Каролина попали в надежные руки. Он не позволил себе заразиться страхом Хелены благодаря сильному и решительному характеру. Он мог бы как-то умерить и сгладить другую тревогу Хелены — по поводу предполагаемой преступной деятельности ее матери. Мог бы извлечь для себя из этого удара по своей мирной жизни некую личную духовную выгоду. А мог бы и не извлечь. Хелена по наитию не отягощала его этими заботами. Она не знала, чем там занимается Луиза, однако понимала, что эту проблему не решить с помощью Мандерсовой чековой книжки. Хелене не хотелось видеть мужа в состоянии замешательства. Он каждое утро ходил к мессе, раз в неделю исповедовался, принимал у себя кардиналов. Он по целому часу медитировал, погруженный в столь полное молчание, что можно было различить дыхание

мотылька. И Хелена думала: «Нет, нет и нет», — когда ее воображение рисовало того же Эдвина, неспособного переварить то, что его теща руководит бандой и прячет в хлебе бриллианты, к тому же очень возможно, что краденые. Поэтому Хелена доверила все свои тревоги брату мужа, Эрнесту, который плыл по жизни туда, куда гнал его попутный ветер, и за которого она так истово молилась.

— Я считаю, что Эдвина не следует беспокоить. Он в определенном смысле безгрешен. Ты ведь меня понимаешь, Эрнест?

— Разумеется, миленькая, но ты же знаешь, что я самый неподходящий человек для общения с Луизиными великими гангстерами. Вот если б я мог пригласить их пообедать в мой клуб…

— Не сомневаюсь, что можешь, раз моя мать имеет с ними дело, — сказала Хелена.

Через неделю Хелена отправилась в квартирку Каролины на Куинз-Гейт уложить ее вещи. Из-за перелома ноги Каролине предстояло пролежать в больнице не меньше месяца. Ее впустил управляющий, худой нездоровый на вид мужчина, который, как выяснила Хелена, задав ему несколько тактичных вопросов, ничем не болел, а просто оказался бросившим ринг боксером

легкого веса. Приятный человек, подумала она и мысленно поздравила себя с умением находить подход к людям: Лоуренс и Каролина утверждали, что он жуткий тип.

Хелена дожидалась Эрнеста, который должен был к ней присоединиться. Она на минутку присела на диван-кровать. Ей стало на нем так уютно, что она подобрала ноги, откинулась на груду подушек и решила так полежать до прихода Эрнеста. В комнате было прибрано, но все говорило о том, что Лоуренс с Каролиной превратили квартирку в подобие семейного очага. Это открытие не повергло Хелену в ужас — только удивило, но удивление быстро прошло. Несколько лет тому назад она примирилась со связью Лоуренса и Каролины и, когда они расстались, конечно, благочестиво возликовала, но и почувствовала романтическую печаль, пожалела, что они непонятно с чего отложили свадьбу. Тем не мене ее слегка озадачили признаки того, о чем она уже знала, — что Лоуренс и Каролина живут в одной квартире, живут безгрешно, но внешние проявления безгрешности при этом отсутствуют. Управляющий спросил ее: «Как там мистер и миссис Мандерс? Вот не повезло, ведь только что поженились». Хелена проявила сдержанность

и не проговорилась. Подобного рода замечания — и квартира, где галстук Лоуренса свисает со спинки стула, — конечно, шокируют, но шок быстро проходит.

— Я отдыхала. Так утомительно сновать между Лондоном и деревней, — сказала она Эрнесту, когда того привел этот приятный низкорослый господин.

Первые несколько дней после автокатастрофы, когда Каролина пребывала в долгом наркотическом сне, Хелена поочередно жила то в местной гостинице, то у матери в Ледилисе. Она вела себя с осторожностью и не сказала ничего такого, что могло бы насторожить старую даму. Один раз она ночью провела мысленный разговор с Луизой: «Мама, я сама не своя из-за этого несчастного случая, не хватало мне еще переживать из-за тебя. Лоуренс мне рассказал… он считает… твоя шайка… бриллианты в буханке… скажи, это правда или нет?.. Что ты затеяла… на какие средства живешь..?»

Но если за этим нет ничего серьезного? Семьдесят восемь — возраст почтенный. Хелена раздумывала, засыпала, просыпалась и снова раздумывала. А если у нее будет удар? Она нередко скрывала от Луизы свои мысли из опасения, как

бы у матери не случился удар — давний страх Хелены.

Поэтому она не сказала ничего такого, что могло бы насторожить Луизу, проявляла особую бдительность, и тут Луиза, вернувшись как-то вечером домой из больницы, объявила:

— Приходила твоя миссис Хогг.

Хелена не сумела скрыть тревогу.

— Но я отправила ее восвояси, — сказала Луиза, — и, думаю, больше никогда ее не увижу.

— Господи, мама, что ей было нужно?

— Стать моей компаньонкой, милая. Я в состоянии прекрасно обходиться одна.

— Тебя что-нибудь беспокоит, мама? Господи, ну почему ты не разрешаешь себе помочь?

— Еще чего! — ответила Луиза. — Клянусь тебе, вы все для меня — великое утешение, и, когда дети поправятся, все у нас будет великолепно.

— Кстати, — сказала Хелена, — я привезла тебе из Хейвордс-Хита подарок, на радостях, что Лоуренсу стало лучше.

Устройство для открывания банок. Луиза вытащила плетеную корзинку, в которой держала хозяйственные инструменты. Хелена прижала машинку к дверце буфета, и мать принялась завинчивать винты, твердо держа отвертку в

старых пальцах.

— Жизнь прекрасна, если не расслабляться, — заметила Луиза, загоняя шурупы на место.

— Тебе это пригодится? — спросила Хелена.

— Ну конечно, — ответила Луиза. — Сейчас и опробуем. — Они открыли банку крыжовника. — Именно то, что мне нужно, чтобы открывать мои банки. Ты правильно догадалась. В тебе, милая, должно быть, есть наша цыганская интуиция, только ты ее не развиваешь.

— Ну, мама, ты просто преувеличиваешь. Согласись, в том, что я купила тебе открывалку, нет ничего сверхъестественного.

— Послушать тебя, так действительно нет.

Хелена успела воспользоваться одной из отлучек матери и проверить хлебницу. Никаких бриллиантов в хлебе не обнаружилось, равно как и в жестянках с рисом, чаем и сахаром и в прочих укромных местах на полках маленькой кладовки, где Луиза также хранила снабженные аккуратными наклейками бутылки и банки с собственными заготовками, которые время от времени обновляла.

— Джорджина не грубила тебе, не хамила? — в последний раз попытала счастья Хелена.

— Она неприятная женщина, такая уж уроди-

лась. Не могу понять, зачем ты ей покровительствуешь. Я бы ее к себе и на порог не пустила.

— У нее была трудная жизнь. Мы ее пожалели. Не думаю, что от нее можно ждать большого вреда. По крайней мере… нет, не думаю. А ты?

— Все могут причинить вред и причиняют, хотят того или нет. Но миссис Хогг — женщина непорядочная.

Все было тихо-мирно, и Хелена подумывала, уж не ошибся ли Лоуренс и сможет ли миссис Хогг использовать его дурацкое письмо.

Все это Хелена выложила Эрнесту, когда того проводили в квартиру Каролины. Этим надеждам она сама позволила окрепнуть за несколько недель после несчастного случая, когда порою одна, а порою с мужем моталась в автомобиле между Лондоном и деревенской больницей. Лоуренс отделался переломом ребер, и вскоре его смогли забрать домой. Каролина пришла в себя — голова в бинтах, нога в гипсе и подвешена на растяжках — и сразу стала ныть, как ей больно, что было хорошим знаком. Все могло обернуться много хуже.

— Боюсь, что подозрения Лоуренса возникли на пустом месте. Но они меня так встревожили, так встревожили, а тут еще автомобильная ка-

тастрофа. Все могло обернуться много хуже, но у меня уже не осталось сил.

— Представь себе, миленькая, и у меня тоже.

Интонации и жесты Эрнеста выдавали его с головой! Она видела, как он взял пеньюар Каролины из синей парчи, чтобы его сложить, — он помогал Хелене собирать вещи, — и вдруг, совершенно инстинктивно, застыл в позе перед трюмо, накинув пеньюар на ляжку.

— Парча — полный отпад!

К удивлению Хелены, это почти не вызвало у нее отвращения.

— В комнате остро чувствуешь присутствие Каролины, — заметила она. — У меня ощущение, будто я смотрю на мир ее глазами, ты понимаешь, о чем я?

— Вот ты сказала, и я понял, что и у меня такое же ощущение.

Хелена опустилась на колени перед вместительным чемоданом, который сама принесла. Светлая кожа ее лица напряглась под тонким слоем косметики.

— Чашка чая нам бы не помешала, Эрнест. У тебя найдется шиллинг для счетчика?

Он пошел поставить чайник на газовую плиту, она же обратилась мыслями к его непростой

жизненной ситуации. У Каролины мужчины его типа никогда не вызывали отторжения. Хелена подумала, что теперь, когда он перестал предаваться греху и вернулся в лоно церкви, ей тоже стало легче мириться с его женоподобием. Однако задолго до этого Каролина, когда у них как-то зашел разговор об Эрнесте, заявила:

— А я считаю, что Господь сказал бы на это: «Не смейте презирать Моего возлюбленного извращенца, сотворенного Мной гомосека».

— Еще бы, — ответила тогда Хелена. — Ну а если уважать таких — это насиловать собственную природу?.. Иного ближнего любить ох как трудно.

— У меня свои предрассудки, — ответила Каролина, — так что и ваши предрассудки мне понятны. Просто Эрнест не числится в моих предрассудках, вот и все.

Уйдя в эти воспоминания, Хелена вдруг поняла, что не сводит глаз с Эрнеста. Она подняла телефонную трубку и, в ответ на вопрос управляющего: «Слушаю, какой это номер?» — сказала:

— Будьте столь любезны, принесите нам молока. Мы вскипятили чай, а молока в квартире не оказалось. — Его ответ заставил Хелену положить трубку и воскликнуть: — Грубая свинья. А я-то

принимала его за приятного человека.

Когда управляющий принес молоко, она извинилась за беспокойство, но тот пропустил извинения мимо ушей.

— Какая скотина, Эрнест, — пожаловалась она, — ведь знает же, почему мы приехали.

Но ее внимание уже переключилось на Эрнеста, на то, как он задирает манжету и странно выворачивает запястье, разливая чай. Каролина, с ее тонким пониманием мифологии, увидела бы в нем прекрасного гермафродита, подумала Хелена, которая вдруг поняла, что и сама готова посмотреть на Эрнеста ее глазами.

— Мне вчера удалось проведать Лоуренса, — сообщил Эрнест, — и он хорошо выглядит, учитывая обстоятельства, правда?

— Слава Богу, — согласилась Хелена.

— Он передал мне вот это, — Эрнест продемонстрировал красную записную книжку, — и рассказал то, что знает о знакомых твоей матушки.

— По-моему, Эрнест, тут нечего бояться. Я несколько дней пожила в коттедже и внимательно следила за всем, но не заметила ничего подозрительного. Мне остается признать, что Лоуренс, вероятно, ошибся. Судя по всему, к такому

же выводу пришла и миссис Хогг — она нагрянула к маме в мое отсутствие, так мама спокойно спровадила ее восвояси. Я уверена, хотя мама не упомянула про это, что она приходила в связи с письмом Лоуренса.

— Вот и я бы так решил. Именно так, — согласился Эрнест, тщательно складывая синий пеньюар Каролины. — Однако, — добавил он, — я, оказывается, отдаленно знаком с одним человеком из шайки миссис Джепп.

— Вот как! С кем же?

— С Мервином Хогартом. Бывшим мужем Элеоноры. Весьма странный тип. Лоуренс думает, что миссис Хогг, возможно, имеет к нему определенное отношение.

Хелена возразила, что это маловероятно.

— Ни разу не слышала, чтоб она упоминала фамилию Хогарт, — сказала она, взяла у Эрнеста записную книжку и начала ее перелистывать. Составленное Лоуренсом скудное досье имело безжалостный привкус реальности. Оно пробудило страхи Хелены. Лучше всего она себя чувствовала, когда могла свести жизнь к метафоре, но жизнь в прозаических своих проявлениях, даже наиболее возвышенных, ее удручала. Она внимательно вчитывалась в сухие заметки Лоуренса.

— Что ты об этом думаешь, Эрнест? Замешана мама в этом деле или нет?

— Почему не спросить ее саму?

— Она ни за что не скажет.

— Лоуренс считает, что нам надо это расследовать, — сказал Эрнест. — Вообще-то я ему уже обещал.

Хелена вслух прочитала возмутительную страничку из книжки:

> Мервин Хогарт: Грин-Хаус, Лэдл-Сэндс. Проживает с сыном-инвалидом (см. Эндрю Хогарт). Прислуги не держит. Изготовление экслибрисов. Слесарный инструмент. Починка (?) разбитых гипсовых статуэток. Св. Антоний, Св. Франциск, Непороч. Зачат., проч. опознать невозможно. Отсутствует в С.Х. Бывший Элеоноры.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Разбитый гипс и святые — они католики, эти Хогарты?

— Вроде нет, — ответил Эрнест.

— А что означает «С.Х.»?

— Сомерсет-Хаус. Видимо, они отсутствуют в тамошних реестрах. Возможно, родились за границей. Спрошу Элеонору, она должна знать.

— Лоуренс пояснил тебе эти заметки?

— Более или менее. Ты только, пожалуйста, не расстраивайся.

— Я надеялась, что больше нечего опасаться. Объясни мне все это, пожалуйста.

Она продолжала листать записную книжку, надеясь наткнуться на какую-нибудь мелкую глупость, которая выявит всю нелепость предположения, будто ее престарелая мать может состоять в организованной преступной группе. Хелену так и подмывало порвать записную книжку в клочки.

— У нас было мало времени, Лоуренс не успел пояснить все записи. Он хочет, чтобы я поехал туда и пару недель пожил по соседству. Тогда я бы мог вести расследование под его руководством и ежедневно ходить к нему за указаниями.

— Нет, — возразила Хелена, — так не годится. Нам нельзя утомлять Лоуренса в его состоянии. Я хочу, чтобы его при первой возможности перевезли в Лондон.

Эрнест согласился.

— Мне было бы крайне неудобно покидать Лондон в это время года. Но Лоуренс очень хотел. Может, есть какой-то другой способ…

Хелена посмотрела на Эрнеста — тот развалил-

ся на диване Каролины, высоко задрав ноги. Не стройте дом на зыбучем песке. Однако Хелена допускала, что семья могла ошибаться, отказывая Эрнесту в надежности. Она признавала, что плохо знает Эрнеста, — у Каролины было о нем более ясное представление.

— Конечно, — сказала Хелена, — если б Лоуренса каждый день навещали, это бы невероятно ему помогло. Но теперь, когда их жизнь вне опасности, я могу позволить себе навещать их всего два раза в неделю. Кстати, о Каролине. Ты ведь и ее будешь навещать?

— Не уверен, что у меня получится.

— Эрнест, я конечно же оплачу все твои расходы.

Она едва ли не радовалась его возражениям, они доказывали, что он хоть в чем-то сам себе хозяин.

— Если оплатишь, это меня здорово выручит. Но мне придется поговорить с Элеонорой. В это время года ее трудно поймать, к тому же именно теперь мы не в лучших отношениях.

— Только, пожалуйста, не откровенничай с Элеонорой, — попросила она.

— Ну что ты, я ей о семейных делах — ни слова.

Они долго проговорили в таком духе, и Хелена твердо решила, что Эрнесту нужно пару недель пожить в Хейвордс-Хите.

— Мы должны докопаться до корней этой тайны, не потревожив маму, — заявила она. — Лоуренс это прекрасно понимает. Я уверена — чем решительней мы будем действовать, тем скорее он встанет на ноги. Мы обязаны действовать. Я знаю о твоей осторожности, Эрнест. Я не желаю, чтобы маму хватил удар, Эрнест. Мы должны молиться.

— Я попробую встретиться с Хогартом, — пообещал Эрнест. — Может, уговорю его приехать в Лондон.

Он налил им по второй чашке чая, причем задранная манжета снова обнажила по-женски вывернутое запястье, что слегка подорвало уверенность в нем Хелены.

— У меня никаких опасений, — заявила она. — Я безоговорочно в тебя верю, Эрнест.

— Боже ты мой, — сказал Эрнест.

Хелена вспомнила, как Каролина, с ее даром безошибочно «вписывать» людей в подходящие им исторические декорации, однажды вписала Эрнеста в обстановку французского королевского двора семнадцатого века. «Он родился позже

своего времени, — объяснила она, — и в этом отчасти его ценность для нынешнего столетия». А Лоуренс не так давно спокойно констатировал: «Эрнест не покупает галстуки, ему их шьют на заказ. На пять восьмых дюйма шире, чем у всех прочих».

Родители во многом учатся справляться с жизнью у своих детей. Благодаря Лоуренсу, а в последние годы и Каролине душевная организация Хелены претерпела изменения. Она, по крайней мере, была готова согласиться с тем, что Эрнеста, в духе христианского сострадания, как она его понимала, следует не только принимать таким, какой он есть, но ценить его как личность, как отступление от нормы. Хелену даже немного восхищало его «исправление», как она это называла. Но когда он отказался от связи с мужчинами, она понадеялась, что за этим последуют и внешние изменения. Ее огорчило и озадачило, что его вид и манера держаться остались неисправимо женственными, и она поняла, что у людей вроде Лоуренса и Каролины эта его манерность не вызывает отторжения. У Хелены имелись французские фарфоровые статуэтки семнадцатого века, которые она ценила, но обществом Эрнеста дорожить было достаточно трудно и оно

порождало безотчетную враждебность, которую надлежало преодолеть.

Эрнест складывал вещи, она размещала их в чемодане, и так они почти все упаковали. Чего не упаковали, то собрали, чтоб отнести в автомобиль.

— Выкурим по сигарете, мы так наработались.

— Думаю, этот аппарат принадлежит Каролине, — сказала Хелена. — Пожалуй, стоит позвать этого типа — удостовериться, что мы не оставили ничего своего и не прихватили чужого.

Эрнест присел скорчившись на низкую скамеечку для ног и поднял крышку аппарата:

— Магнитофон. Вероятно, Каролина использовала его для работы.

— Я безоговорочно в тебя верю, Эрнест. И обратилась я в первую очередь не к кому-нибудь, а к тебе. Мне, конечно, не хочется тебя обременять, и если все дело в расходах…

— Спасибо, Хелена. Но я не могу обещать — я, конечно, попробую — в это время года у нас предварительные продажи и курсы. Может, Хогарт согласится приехать в Лондон.

— Я так тебе благодарна, Эрнест.

Он повозился с магнитофоном, нажал на клавишу. Послышался слабый стрекот, затем мужской

голос произнес с преувеличенной задушевностью «Дорогая Каролина…»

Через несколько секунд Хелена узнала голос Лоуренса, потом, после короткой паузы, заговорила Каролина. Слова Лоуренса шокировали Хелену, а слова Каролины показались бессмыслицей.

— Ой, вот глупенькие лапочки, — сказал Эрнест.

Хелена протянула Эрнесту пальто — пусть поухаживает.

— Вызови, пожалуйста, этого типа, Эрнест. Дай ему фунт и спроси, все ли в порядке. Я снесу неупакованные вещи в машину. Нет, хватит и десяти шиллингов.

Она чувствовала себя одинокой, как едва ли не последний человек во Вселенной, безнадежно неспособной понять Лоуренса и Каролину. Новые потрясения и новые открытия следовали один за другим, и вечная обязанность мириться с тем, что было противно ее натуре… Ей хотелось домой, в теплую расслабляющую ванну. Она устала, изнервничалась и вообще была сама не своя.

Она уже стояла в дверях, когда Эрнест — он звонил управляющему — ее позвал:

— Посмотри, что я нашел. Блокнот, наверняка Каролины.

Красный блокнот для записей лежал на нижней полочке телефонного столика. Он взял блокнот и отдал Хелене.

— Как хорошо, что ты его заметил, а то у меня совершенно из головы вылетело. Каролина специально о нем говорила. Просила принести блокнот со стенографическими записями.

Хелена раскрыла блокнот. Почти все записи представляли собой стенограмму, и только на одной странице имелась обычная запись. Ее взгляд упал на слова «Возможные фигуранты».

— Должно быть, это связано с расследованием Лоуренса, — заметила Хелена.

Она вернулась к этой страничке уже в машине, ожидая Эрнеста с вещами, но так и не смогла разобраться. Под шапкой «Возможные фигуранты» шел перечень:

Сатана
женщина
гермафродит
душа в Чистилище

— Ничего не понимаю, — сказала Хелена, аккуратно убирая блокнот в сумку с вещами Каролины. — Решительно ничего.

Глава 7

Стоял теплый, подернутый синеватой дымкой денек. В самом начале третьего высокий подтянутый старик вошел в книжную лавку. Барон Сток был один и ждал его.

— О, мистер Уэбстер, как вы пунктуальны, какая огромная любезность с вашей стороны предпринять эту поездку. Прошу пройти прямо через зал во внутренние покои, да, во внутренние покои.

Когда кто-нибудь из многочисленных знакомых Барона Стока — в отличие от немногих близких друзей — заходил к Барону на Чаринг-Кросс-роуд, он неизменно получал приглашение пройти во внутренние покои. Клиенты, коммивояжеры и книготорговцы не допускались дальше большого торгового зала. Барон проявлял крайнюю щепетильность в отношении «внутренних покоев» — убогого, удобного и совершенно невзрачного помещения в задней части дома, где все было заставлено рассыпающимися штабелями книг и папок, за исключением «пятачка»; тут на потертом красном ковре стояли три старых кресла, а посредине — иностранного вида

гудящая керосиновая плита. Допущенным во «внутренние покои» и знающим привычки Барона следовало, прежде чем сесть, подождать, чтобы он прикрыл газетой сиденье каждого кресла. «Здесь, мои дорогие, чудовищно грязно, я не позволяю здесь убираться». Когда дни становились короче, Барон зажигал на письменном столике керосиновую лампу: во «внутренних покоях» давно не было электричества. «Не хватало мне только, — говорил Барон, — пустить сюда электриков со всем их грязным хозяйством». Время от времени кто-нибудь из знакомых предлагал: «Тут, Уилли, похоже, дело, нехитрое. Я, пожалуй, мог бы наладить вам свет». — «С вашей стороны, это крайне любезно». — «Вовсе нет, приду на той неделе». Однако на «той неделе» никто так ни разу и не пришел и проводку не наладил.

— Ну вот, — произнес Барон, усадив мистера Уэбстера на чистый газетный лист. — Как поживает миссис Джепп?

Мистер Уэбстер сидел прямо и напряженно, отвечая Барону, он поворачивался к нему верхней частью корпуса.

— Рад сообщить, что она хорошо себя чувствует, однако, к сожалению, сильно переживает из-за внука.

— Да, скверный случай. Я, понятно, знаю Лоуренса много лет. Плохой водитель. Но, как я слышал, через неделю его выписывают.

— Да, он еще легко отделался. У молодой дамы — бедняжка — перелом ноги, но и с ней могло быть хуже, как нам говорят.

— Бедная Каролина, я знаю ее много лет. Я слышал, она рассекла себе лоб до кости.

— Насколько я понимаю, просто ссадины и порезы, ничего серьезного.

— У меня камень с души свалился. До меня в моей лавке доходят все новости, но рассказчики всегда преувеличивают. В большинстве своем они поэты или профессиональные лжецы разного рода, так что приходится делать скидку. Рад слышать, что у Каролины обошлось без вмятины в черепе. Я знаю ее много лет. На следующей неделе собираюсь ее навестить.

— Прошу великодушно простить за предупреждение, Барон, но если вы намерены побывать в наших краях, то в настоящее время вам лучше ни при каких обстоятельствах не навещать миссис Джепп. Хогартам пришлось отказаться от поездки в Европу, и они часто бывают у нее в коттедже.

— Что случилось? Почему отказались?

— Миссис Джепп показалось, что Мандерсы

намерены вникнуть в ее дела. Она считает, что поездки следует прекратить до весны. Хогарты были готовы отбыть, но она их в последнюю минуту остановила. Сама она совершенно спокойна.

— А меня все это основательно тревожит. Хогарты подозревают о моей роли в вашем деле?

— Думаю, вам нечего опасаться. Мы с миссис Джепп весьма осмотрительны и не упоминаем имен. Вы всего лишь «лондонский посредник» миссис Джепп. Дальше этого их любопытство не шло.

— А Мандерсы? Боюсь, Лоуренс их настроил, он такой наблюдательный, просто ужас. Я всегда опасаюсь, когда он приезжает к бабушке.

— Миссис Джепп его очень любит.

— Ну еще бы, я тоже люблю Лоуренса. Я много лет знаю Мандерсов. Но Лоуренс крайне любопытен. Как по-вашему, могут Мандерсы подозревать о моей роли в этом деле?

— Случись что, их буду интересовать только я и Хогарты. Не думаю, Барон, что вам следует волноваться.

— Я вам скажу, почему я тревожусь. Ни Хогарты, ни Мандерсы меня разоблачить не рискнут. Во-первых, они сами втянуты в дело. Во-вторых,

втянута старая дама, так что Мандерсы, конечно, захотят скрыть все, что выяснят. Но вот совпадение — Мервин Хогарт интересует меня по другому поводу. Я договорился, что меня с ним познакомят, и не хочу путать одно дело с другим.

«Ага, речь о женщине, бывшей жене Хогарта», — подумал мистер Уэбстер, но он ошибался.

— Хогарт сегодня в Лондоне, — сообщил он Барону. — Я видел его в поезде, но сам счел за лучшее не попадаться ему на глаза.

— Он вас точно не видел? Не могло случиться, что он из чистого любопытства проследил за вами до моей двери?

— Нет, больше того — это я следил за ним, пока он не вошел в какой-то клуб на Пиккадилли. Так-то, Барон, хе-хе. — Продолжая по-стариковски хихикать, он вручил Барону небольшой аккуратный пакет со словами: — Не забыть бы передать это вам.

Барон осторожно его развернул и извлек баночку с наклейкой, надписанной четким почерком Луизы Джепп: «Селедочные молоки».

— Миссис Джепп выразила большое желание, чтобы вы съели эти селедочные молоки, — продолжал мистер Уэбстер. — Она поручила сказать, что они очень питательные, а другое содержимое

баночки совершенно безвредно.

— Обязательно съем, — ответил Барон. — Обязательно.

Он засунул баночку в портфель, двумя поворотами ключа открыл ящик письменного стола, выдвинул и достал пачку незаполненных векселей. Пересчитал. Извлек вторую и тоже пересчитал, затем третью. Из четвертой пачки он отсчитал несколько векселей и распределил их по трем первым пачкам. Остаток четвертой пачки он вернул в ящик, задвинул, закрыл на замок и передал пачки мистеру Уэбстеру. Затем заполнил и вручил ему же три чека.

— Даты выписки — с промежутком в три недели. Проверьте, пожалуйста, общую сумму, а после сложите в этот плотный надежный конверт.

— Так оно надежней всего, — как обычно, заметил мистер Уэбстер, подразумевая не конверт, а способ уплаты, и, как обычно, добавил: — Надежней всего в случае дознания.

Когда с делом было закончено и бумаги благополучно перекочевали в конверт, конверт — в портфель мистера Уэбстера, а портфель защелкнут, Барон предложил:

— А теперь, мистер Уэбстер, как насчет сигары и глотка «Кюрасао»?

— Спасибо, с удовольствием. Но я не должен засиживаться, сейчас рано темнеет.

Звякнул колокольчик над входом.

— Звонок, — произнес Барон и, привстав, глянув в щель между перегородками, отделяющими устланный серым ковром торговый зал от уютных невзрачных «внутренних покоев». — Варвар пришел купить книгу, — заметил он и вышел обслужить покупателя.

Вернувшись через несколько секунд, Барон спросил:

— Вам что-нибудь известно о сатанизме?

— В былые дни мне много раз доводилось видеть колдовские обряды, главным образом в южноамериканских гаванях. Вас, Барон, тогда еще не было на свете.

— Вы мо-ряк, — сказал Барон, — мне всегда казалось, что вы мо-ряк.

— Я служил матросом на торговых судах, Барон, и навидался колдовства. В тамошних странах оно может принимать жуткие формы, уж вы мне поверьте.

— Я интересуюсь сатанизмом. Бескорыстно, я вас уверяю.

— Хо, не сомневаюсь, Барон. Для умеренного климата эта штуковина не подходит.

— Вот поэтому, — сказал Барон, — Мервин Хогарт и вызывает у меня интерес. Вы бы могли назвать его человеком мягким и сдержанным?

— Скажу так, Барон, — он мало говорит, хотя много болтает. Лично мне он неинтересен. Но миссис Джепп терпимо к нему относится, да, терпимо. Может, из-за его несчастного сына. Наше ремесло, оно как-то скрашивает ему жизнь. Несчастный парень, бедолага.

— Удивились бы вы, мистер Уэбстер, узнав, что Мервин Хогарт — главный сатанист Британских островов?

— Никогда бы не подумал, что этот тип хоть в чем-то может быть главным.

— Скажите, какое впечатление он на вас производит?

— Между нами, Барон, он производит на меня впечатление циника и, строго между нами, мизантропа. Неприятная личность.

— Но предан сыну?

— Чего не знаю, того не знаю. С парнем он обходится хорошо. Миссис Джепп считает — строго между нами, Барон, — что он возится с ним только в пику своей бывшей жене. По крайней мере, такое у нее возникло впечатление при первом с ними знакомстве.

— Мысль продавать бриллианты пришла в голову миссис Джепп, верно?

— О да, и это приносит ей удовольствие. Миссис Джепп и сама бы не подумала с этим спорить.

— Хогартам что, деньги не нужны?

— Нет. Сам Хогарт — человек состоятельный, а несчастному молодому человеку только радость — водить за нос таможню.

Барон с улыбкой приложил палец к губам и вновь налил мистеру Уэбстеру «Кюрасао». Тот вполголоса поблагодарил хозяина.

— Обман таможенников сделал из юного Эндрю Хогарта другого человека. Придал ему уверенности в себе, — сообщил он приглушенным голосом.

— Когда миссис Джепп впервые предложила мне войти в долю — а именно она, представьте себе, открыла мне свой замысел, — она явилась прямо сюда, в лавку, несколько дней спустя после моего с ней и Лоуренсом знакомства и блестяще изложила свое предложение. Я понял, что она человек надежный. Посвятив меня в суть дела, она добавила, что если я соглашусь войти в долю, то должен взять на себя обязательство не выяснять методов, к которым прибегают более активные агенты. Обдумав ее предложение и убедившись,

что схема оригинальна, тщательно разработана и учитывает неизбежный риск, что не вызывает у меня возражений, я принял условия миссис Джепп. Я все это вам излагаю, потому что, честно говоря, не имею права расспрашивать вас, каким именно образом Хогарты доставляют драгоценности. Еще несколько месяцев тому назад меня не очень интересовала эта сторона операции, но теперь она меня очень интересует, поскольку меня интересует деятельность Мервина Хогарта.

— Их методов я не знаю, — ответил мистер Уэбстер, и Барон не мог понять, правда это или обман, поскольку цепкие голубые глаза мистера Уэбстера не изменили своего выражения.

— Хогарт — сатанист и вызывает у меня острый интерес, поскольку меня занимает психология сатанизма. Вам, мистер Уэбстер, неведомо безумие научного любопытства. Проявлять интерес и в то же время быть беспристрастным…

— Я вполне способен это понять, Барон. Но я бы никогда не подумал, что Хогарт-старший отправляет какие-то необычные ритуалы. Мне он кажется человеком изверившимся, отнюдь не горячим приверженцем чего бы то ни было.

— Это любопытный фактор, — оживился Барон. — По всему, что я выяснил о его личности, он

просто погряз в неверии, он умен, ему все наскучило. Ему не везет с женщинами, он равнодушен к друзьям. И однако же, он исступленный сатанист. Пусть это останется между нами, мистер Уэбстер.

— Ну, конечно, Барон. А сейчас мне пора.

— Фанатик, — произнес Барон, провожая мистера Уэбстера из «внутренних покоев» в торговый зал. — Жаль, что Хогарты не отправились за границу, а то бы я навестил миссис Джепп. Ее, возможно, удалось бы уговорить побольше рассказать мне о мистере Хогарте. Вероятно, я вскоре с ним познакомлюсь.

— Всего хорошего, Барон.

— Мои лучшие пожелания миссис Джепп, — сказал тот и добавил: — Позаботьтесь, мистер Уэбстер, чтобы риск был сведен к минимуму.

— Ну, Хогарт совсем не опасен.

— Я не о Хогарте, я о нашем успешном деле. Мы любители, а любителей провидение берет под особую опеку. Как легко профессионалы с их силами и организованностью терпят крах! Низвергаются подобно Люциферу…

— Вот именно, Барон.

— Но нам, простакам, трудно подставить ножку.

— Я бы не стал называть нас простаками, хе-хе! — сказал мистер Уэбстер, выходя на улицу.

— В этом все дело…

Но старик уже удалился и его не услышал.

— Я не стану притворяться, будто понимаю женщин, — заявил Мервин Хогарт, отхлебнув бренди. Он поглядел на хозяина так, словно сомневался, что сказанное им уместно, ибо в седовласом мужчине с пухлым лицом проскальзывало что-то женственное, оставляющее двойственное впечатление.

— Боюсь, либо баранина не та, либо соус, — задумчиво изрек Эрнест Мандерс. В конечном счете он не поехал в Суссекс, а придумал план получше.

— Как я понимаю, вы говорите совершенно искренне? — спросил Мервин Хогарт.

— Вы о баранине?

— Нет, нет, я о том, что мы обсуждаем. Как я понимаю…

— Вот об этом и поговорим, мистер Хогарт.

— Мандерс, я никого не хотел обидеть, я просто хотел кое-что уяснить, не более того. Мне кажется, что со стороны Элеоноры это более чем странный совет. Ей, несомненно, известна моя позиция.

— Вся заковыка, понимаете, в том, что мы вре-

менно оказались на мели. Барон Сток перестал нас поддерживать, и Элеонора сразу же вспомнила про вас, что вполне естественно. Как бы воздала вам должное.

— Да, несомненно.

— Но если не можете, то не можете, это легко понять, — сказал Эрнест.

— А вы к брату не обращались?

— Обращался. Мой брат Эдвин — мистик. Танцы его не интересуют, он вкладывает деньги лишь в то, что ему интересно. Но он дал нам пятьдесят фунтов. Элеонора купила на них платье.

— Этого следовало ожидать.

— Сам я очень далек от денежных проблем, — заметил Эрнест, — поэтому мне и нужно столько денег. Они буквально утекают сквозь пальцы.

И он откинулся в кресле, словно в его распоряжении был весь день до самого вечера. Его гость выяснил, что деловое предложение, из-за которого его пригласили, невыгодно.

— Без четверти три, — заметил Мервин Хогарт. — Подумать только, как бежит время. А мне еще предстоят кое-какие дела, несколько встреч. Вот тоска.

— Есть еще один вопрос, но раз вы спешите, то, может, в другой раз…

— Может, в другой раз…

Мервин Хогарт произвел в уме мгновенные подсчеты, каковые, в подробном изложении, могли бы выглядеть так: билет тринадцать шиллингов, но в любом случае надо было приехать в Лондон; невкусная еда, но задаром; разочарование от переговоров (Эрнест пригласил обсудить «дело, представляющее для вас интерес»), но удовлетворение от известия о разрыве Элеоноры со Стоком и воспоследовавших денежных трудностях; раздражение от просьбы дать деньги, но удовлетворение от отказа; потерянное время, но вот у Мандерса остался еще один вопрос, который, быть может, оправдает эту встречу, а с другой стороны, может подтвердить ее полную никчемность.

Все это в мгновение ока пронеслось у него в голове, и когда Эрнест произнес: «Есть еще один вопрос, но раз вы спешите, то…», — Хогарт его перебил:

— Еще один?

— Может, в другой раз, — предложил Эрнест.

— Ну, еще полчасика у меня все-таки есть. Прошу вас, продолжайте.

— Что ж, — сказал Эрнест, — может, он вас заинтересует, а может, и нет. У меня, понимаете,

ощущение, что я вызвал вас в Лондон по несерьезному поводу, — нет, я честно считал, что вам будет приятно участие в судьбе школы танцев, да и Элеонора была в этом уверена. Надеюсь, вы не посчитаете это нахальством с нашей стороны.

«Как похож на женщину, — подумал Мервин. — Я словно посидел за ланчем с женщиной». Вслух же он заверил Эрнеста, что был совсем не против:

— Только очень жаль, что у меня каждый пенс на счету. А какой другой вопрос вы хотели бы обсудить?

— Ну что ж, может, он вас заинтересует, а может, и нет, это уж вам решать. Я приношу извинения за баранину — у нее был весьма странный вкус. Не помню, чтобы меня кормили в клубе так скверно. Я бы написал жалобу, только мы следили за огнем вместе с шеф-поваром, он и правда милейший человек, и подобные накладки случаются с ним крайне редко.

— Очень вкусный ланч, — грустно заметил Мервин.

— Как мило, что вы так говорите, — сказал Эрнест.

— Так второй вопрос?

— У вас и вправду есть время? Мне бы хотелось

сказать пару слов, возможно, они вас заинтересуют. Вы знакомы с моим братом Эдвином?

— Нет, с сэром Эдвином Мандерсом я незнаком.

— Он очень богат. А с Хеленой знакомы?

— С его женой? Незнаком, но знаю о ней.

— Она довольно мила. Вы встречались с ее матерью?

— С миссис Джепп я действительно знаком.

— Миссис Джепп, — повторил Эрнест.

— Замечательная старая дама. Мы близкие соседи, — сказал Мервин.

— Да, я знаю. Я слышал, вы регулярно ее навещаете.

— Я слышал, — произнес Мервин, — что ее внук попал в автокатастрофу.

— Отделался сломанным ребром. Он быстро поправляется.

— Ох уж эта молодежь. Я знаком с внуком.

— Я знаю, — сказал Эрнест.

Время приближалось к трем часам, они дважды наполняли стаканчики. Эрнест считал, что довольно удачно ведет разговор. Время шло, Мервин надеялся вопреки всему, но тянуть дальше и вправду не имело смысла. Эрнест с присущим ему мягким, учтивым упорством дал понять,

что семейство Мандерсов начало разнюхивать дела Луизы Джепп. Мервин с удовольствием бы пристукнул Эрнеста за его бабьи манеры.

— Видите ли, Мандерс, — сказал он, — я не могу сообщать то, что миссис Джепп доверила мне в частном порядке.

— Разумеется, нет. И скоро вы отправляетесь за границу?

— Как я понимаю, этот фарс с приглашением меня на ланч, чтобы попросить о займе, вы на самом деле затеяли для того, чтобы получить возможность задать вопросы…

— Бог мой, ну как мне выйти из положения, — произнес Эрнест. — Я так сожалею, так сожалею о ланче. «Фарс» — это вы очень точно сказали. Как жаль, что я не уговорил вас взять утку. Очень обидно. А я-то надеялся, что вас заинтересует школа Элеоноры, это же абсолютно высший класс, не хватает только денег. Какое страшное разочарование для вас, мой милый, какой жуткий удар для меня.

— …вопросы о миссис Джепп, на которые я никак не могу ответить, — закончил Мервин, нерешительно посмотрел на часы и заерзал в кресле. В глубине души Эрнест поздравил себя с успехом: «Он дожидается новых вопросов, чтобы

понять, много ли мне известно».

— В таком случае я не смею вас больше задерживать, мы очень мило посидели, — сказал он своему гостю.

Мервин встал.

— Послушайте, — начал он и замолчал.

— Да?

— Так, ничего.

Однако прощаясь с Эрнестом на верхней ступеньке крыльца, он сказал:

— Передайте Элеоноре, что я подумаю над ее предложением. Может, я в конце концов передумаю и немного наскребу, чтоб ее выручить. Но времена нынче, сами понимаете, трудные, а у меня еще сын-калека. На него много денег уходит.

— Выбросьте это из головы, — сказал Эрнест. — Даже не думайте.

— Передайте Элеоноре, я сделаю, что смогу.

Минуты с четыре после ухода гостя Эрнест ломал голову над последними словами Мервина. Затем он откинулся на спинку мягкого шоколадного цвета кресла и ухмыльнулся во всю свою моложавую физиономию, отчего его лоб пошел морщинами до самой кромки серебристо-белых волос.

Через полчаса он был в Кенсингтоне у Элеоно-

ры в ее школе танцев. Он застал хозяйку в одной из кабинок для переодевания, что опоясывали большой танцевальный зал на втором этаже, и, чтобы привлечь ее внимание, совершил изящный пируэт.

Она разгладила на бедрах бархатные джинсы и затянула ремень, что всегда делала, желая сосредоточиться.

— Как дела? Что-нибудь вышло?

— Думаю, да, — ответил он.

— Он даст денег?

— Думаю, да.

— Эрнест, ты, верно, умеешь очаровывать мужчин. Я готова была поклясться, что ты не вытянешь из Мервина и засохшей макаронины, особенно в мою пользу. Он, как правило, жутко прижимистый. Что он сказал? Как ты этого добился?

— Шантажом, — ответил Эрнест.

— Каким образом, дорогой?

— Я же сказал. Конечно, полной уверенности еще нет, но я почти не сомневаюсь, что ты, моя дорогая, получишь деньги.

— Как ты умудрился?

— Непреднамеренным шантажом.

— Как это? Расскажи все.

— Я угостил его ланчем. Объяснил твои затруднения. Попросил о займе. Он отказал. Тогда я задал ему кое-какие вопросы совсем на другую тему, а он их воспринял как скрытый шантаж. После этого, уже на пороге, он уступил.

— Что это за вопросы, которые он принял за шантаж? О чем они?

— Прости, лапушка, но я не могу сказать. Это очень личное дело.

— Меня касается? — спросила Элеонора.

— Нет, совсем не касается, честное слово.

— Честное слово, совсем не касается?

— Честное слово.

Это ее успокоило. Эрнест оставил Элеонору погруженной в расчеты, в которых она учла субсидию от Мервина Хогарта. Она сидела на пушистом белом коврике, скрестив ноги, с бумагой и ручкой в руках. Складывала и умножала, словно и не было забот последнего времени, словно еще накануне не было разговоров и мыслей о банкротстве. Перед уходом Эрнеста она сказала:

— Не забудь возместить расходы на ланч.

— Хелена?

— Минуточку, не вешайте трубку.

— Хелена?

— Кто говорит? Ах, это ты, Эрнест.

— Я встретился с Хогартом.

— Уже? Где?

— В моем клубе. За ланчем. Жутко серьезный коротышка в твидовом пиджаке.

— Эрнест, ты просто чудо. Ты, конечно, позволишь мне оплатить расходы.

— Я подумал — может, тебе захочется узнать, как все было. Хмурый такой коротышка.

— Рассказывай все, мне не терпится узнать.

— Лоуренс прав. Твоя мать и Хогарт несомненно связаны неким общим делом.

— Каким?

— Он, естественно, не стал говорить. Но дело это достаточно важное, чтобы заставить его сильно нервничать и постараться нас успокоить. Совсем унылый и зажатый коротышка. С ланчем нам не повезло, баранина как дубовая кора, я не преувеличиваю. Он думает, что нам известно больше, чем мы знаем на самом деле. Я считаю — очко в нашу пользу.

— Разумеется. Ты можешь приехать прямо сейчас, Эрнест? Если что, возьми такси.

— Такси обойдется в десять монет.

— Ты откуда говоришь?

— Из подземки «Южный Кенсингтон».

— Ну хорошо, приезжай на метро, если тебе так

больше нравится. Но если захочешь, бери такси.

— Сейчас приеду.

Когда Эрнест говорил с Хеленой по телефону, Мервин Хогарт поднимался на крыльцо облупленного неухоженного здания в Чизвике. Он нажал на кнопку звонка, ничего не услышал, снова нажал и долго не отнимал пальца. По-видимому, звонок неисправен. Он наклонился к почтовой щели и стал всматриваться, надеясь уловить какое-нибудь движение. В этот миг дверь распахнулась, и Мервин едва не упал через порог на какого-то сомнительного типа в синем костюме и рубашке без воротничка.

— Миссис Хогг проживает здесь в настоящее время? — спросил Мервин.

Он уже бывал здесь. Тут обычно жила Джорджина, когда приезжала в Лондон. Он знал этот дом, и дом ему не нравился.

В этот день Каролина Роуз услышала в больничной палате стук пишущей машинки, услышала те самые голоса.

Он уже бывал здесь. Тут обычно жила Джорджина, когда приезжала в Лондон. Он знал этот дом, и дом ему не нравился.

Отделаться от Каролины Роуз не так-то легко.

В этом месте повествования она прикована к больничной койке, и то, что с ней происходит, в любом случае не следовало бы допускать в сюжет. К несчастью, спала она беспокойно. Она не знала, что такое крепкий сон. И в ночные часы, вместо того чтобы вызвать сестру и принять успокоительное, она предпочитала смаковать свое бодрствование, наслаждение от которого только усиливал глубокий сон семи других больных в общей палате. Когда нога не очень ее отвлекала, Каролина в окружении спящих мысленно обращалась к искусству романа, размышляя и изумляясь на протяжении этих долгих часов и недолжным, непредсказуемым образом воздействуя на ход повествования, из которого ей полагалось быть временно исключенной.

Тюк-тюкити-тюк. Каролина в окружении спящих мысленно обращалась к искусству романа, размышляя и изумляясь на протяжении этих долгих часов и недолжным, непредсказуемым образом воздействуя на ход повествования, из которого ей полагалось быть временно исключенной.

Чудовищные груди миссис Хогг доставляли ей много тяжких переживаний, не столько в плане уязвленного самолюбия — теперь, когда она

преуспевала в жизни, с самолюбием все было в порядке, — но просто потому, что она не знала, как с ними быть.

Тридцати пяти лет Джорджина Хогг поступила к Мандерсам гувернанткой сыновей.

— Тебе не кажется, что она слишком полногрудая для семьи с детьми? — спросил Эдвин Мандерс жену.

— Не капризничай, Эдвин, прошу тебя. У нее прекрасный характер.

Лоуренс и Джайлс (старший сын, убитый на войне) были в полном восторге от необъятных грудей Джорджины. Для их описания Джайлс находил более поэтические образы, чем Лоуренс, — он заявлял, что под ее блузкой таится пара тыкв, пара китят, пара соборов Святого Павла или пара аквариумов с золотыми рыбками. Интерес Лоуренса к выпирающему фасаду Джорджины носил более житейский характер. Он изучил обширный набор ее лифчиков и бюстгальтеров, этих длинных полотнищ ярко-розовой или бело-желтой материи; одни из них были жесткими, как брезент, другие более мягкими и податливыми; на одних болтались петли перепутанных завязок, на других красовались дырочки для шнурков, которые туго затягивались за-

мысловатым узором, а третьи были снабжены потертыми крючками и петельками. Лоуренс точно знал, какой из этих предметов белья Джорджина носит в данное время. Одни награждали ее дополнительной парой грудей, другие напоминали спасательные жилеты, какие Лоуренс видел на картинках в детских книжках об опасных приключениях на море. Он безошибочно определил тот день, когда она надела сделанный по заказу бюстгальтер, ставший его матери в изрядную сумму. Тогда Джорджина готовилась уезжать, чтобы выйти замуж. Детей разочаровал ее новый лифчик, им казалось, что он придает ей нормальный вид, только, понятно, преувеличенно нормальный. Они знали, что их мать смущают эти новые симметричные выпячивания, которые так напоминали герольдов, выступающих впереди самой Джорджины. Старые лифчики были нескладные, но можно ли было назвать приличной эту новую штучку?

«Возвожу очи мои к горам»[12], — распевал крошка Джайлс к восторгу прислуги.

Мальчики не разделяли мнения матери о характере Джорджины и были рады, что ей при-

---

[12] Примечания: 12
Псалом 120:1.

шлось уехать, чтобы выйти замуж за дальнего родственника.

— Этот ее родственник, он что — дурак?

— Тише, Лоуренс, мисс Хогг может тебя услышать.

Ребята убедились, что она подлючка и коварный тиран. По сравнению с ней подготовительная школа, куда они пошли через год, показалась им воплощением удивительного прямодушия и честности.

Светло-рыжие золотистые волосы, круглые светло-голубые глаза, «телесного цвета» поросячье лицо — к моменту бракосочетания Джорджина Хогг не была лишена известной привлекательности. На протяжении «трагических» послесвадебных лет (ибо беда, если она случается с людьми придурковатыми либо посредственными, оборачивается для них настоящей трагедией — обрушивается всей неожиданной тяжестью и вызывает у свидетелей отнюдь не жалость и страх, а скорее отвращение; поэтому несчастье, выпавшее Джорджине Хогг, вызывало не сострадание, но всего лишь жалость) — на протяжении всех этих лет миссис Хогг тщетно искала способ обуздать свои чудовищно растущие груди. На это она тратила больше денег, чем могла себе поз-

волить; с таким же успехом она могла пытаться перегородить дамбой море. Ко времени встречи с Каролиной в Святой Филомене она приобрела привычку ничего не носить под раздувшимися блузками. «Такой сотворил меня Бог», — могла бы она думать в свое оправдание, пользуясь новообретенной свободой.

…«Такой сотворил меня Бог», — могла бы она думать в свое оправдание, пользуясь новообретенной свободой.

— Безвкусица, — прокомментировала Каролина. — Отвратительно. Вообще-то она «прослушала» почти весь абзац, посвященный миссис Хогг и ее грудям.

«Безвкусица» — характерное высказывание Каролины Роуз. И не она ли первая тогда в Святой Филомене с отвращением заметила просвечивающую блузку миссис Хогг? Да и тему грудей миссис Хогг ввела в повествование сама Каролина.

Тюк-тюк. Да и тему грудей миссис Хогг ввела в повествование сама Каролина.

Каролина Роуз вздохнула на своей больничной койке, размышляя о миссис Хогг, какой та ей запомнилась.

— Не живой персонаж, — подытожила она на-

конец, — а всего лишь горгулья.

Мервина Хогарта впустил в пристанище Джорджины и направил в ее комнату ленивый сынок хозяйки, любитель собачьих бегов. Поднимаясь по лестнице, Мервин слышал, как лихорадочно снуют мыши, словно эта часть дома была нежилой. Он постучался и рывком открыл дверь. Джорджина предстала перед ним со своей неуместной улыбкой и колоссальным бюстом, пребывавшем в весьма своеобразном состоянии, какого он еще не видел, — скособоченный, одна грудь вздымается вверх, вторая устремлена вниз; возможно, Джорджина так волновалась перед встречей с ним, что у нее лопнула бретелька лифчика на правом плече.

Беспорядок в ее внешности он отметил чисто автоматически, настолько ему не терпелось высказаться, предупредить ее и успокоиться.

Миссис Хогг, несмотря на свою скособоченность, собралась с мыслями и сказала:

— Ты опоздал, Мервин.

Он скользнул в мягкое кресло, а она повернулась зажечь горелку под чайником.

— Я чаю не буду, — сказал он. — Скажи, почему ты вмешалась? Ты ходила к миссис Джепп. Какую игру ты ведешь?

— Я знаю, какую ведешь ты. Занимаешься контрабандой. — Она села в кресло у окна, так чтобы он не видел правую сторону, где лопнула бретелька.

— Тебе рассказала миссис Джепп.

— Да, и это правда. Она может себе позволить говорить правду.

— Эндрю участвует в деле, — сказал он.

— Ну, конечно, одно к другому. Ты уже развратил Эндрю, а теперь, как и следовало ожидать, превращаешь его в преступника.

— За чем конкретно ты ходила к миссис Джепп?

— Я знаю, что смогла бы ей сделать добро, выпади такая возможность. Она старая грешница. Но я не знала, что она свела дружбу с тобой и Эндрю. Она мне сказала «Мервин и Эндрю Хогарты», и меня как током ударило, в самое сердце. — Миссис Хогг вытащила платочек и промокнула глаза.

Мервин Хогарт смотрел на нее и думал: «Я себя никогда не жалею. Порочность моей жизни надломила бы более слабого духом. Предайся я жалости к самому себе, вот была бы жалость».

— Двоеженство, а теперь еще и контрабанда бриллиантов. Контрабанда бриллиантов, — повторила она название этого тягчайшего преступ-

ления деланым голосом, задирая подбородок. В профиль она была очень похожа на Мервина.

Он решил ее напугать, хотя первоначально хотел только предупредить.

В этот день Джорджина Хогг могла не переживать из-за своего странного вида, ибо Мервин хоть и смотрел прямо на нее, видел ее как-то расплывчато. Она, как всегда, взбаламутила в его душе осадок давних бед, и он уже не мог видеть Джорджину из-за того, что ее образ разрастался до баснословных размеров — зримое воплощение ошибки всей жизни. Он утонет в Джорджине, если ему не удастся ее напугать.

Он мог не бояться, что женщина, чей профиль рисовался на фоне окна, начнет когда-нибудь в открытую обличать его за брак с Элеонорой при живой неразведенной жене.

В детстве он видел, как обращается сестрица Джорджина с другими кузинами и кузенами. Десятилетняя Джорджина — с бледным лицом, рыжеватыми волосами, без ресниц и жадная-прежадная — приехала на ферму на летние каникулы и заявила им:

— Я умею знать мысли у тебя в голове.

— Ты не знаешь, что я сейчас думаю.

— А вот и знаю.

— Тогда скажи.

— Не скажу. Но я знаю, раз хожу в монастырскую школу.

Она всегда что-то держала во рту: траву — она жевала траву, если не было ничего другого.

— Джорджина, жадина-говядина.

— А зачем ты тогда повесил бедную киску за хвост?

Она раскрывала их проступки и обращала в свою пользу, но никогда на ябедничала. Она портила им игры.

— Я буду царицей индейцев.

— Ага, Джорджина, гора жира, царица толстух!

Даже Мервин, молчаливый ребенок, и то передразнивал Джорджину:

— Я буду царицей индеек!

— А ты украл два пенни, — в ответ заявляла Джорджина с таким довольным видом, будто уплетала толстый бутерброд. Сила ее обвинения брала верх над Мервином, он начинал сомневаться — может, и правда украл, а в итоге, к концу дня, уже и сам верил ее словам.

На тридцать втором году жизни он на ней женился, вместо того чтобы изваять ее в камне. То была не первая его ошибка, и теперь ее присутствие — сидит вполоборота к окну и поочередно

промокает глаза мерзким платочком — пронзило его непрошеной болью самопознания.

— У меня есть дар скульптора, вот только найти бы подходящий материал… подходящую среду… подходящий климат… потрясающее видение женских форм, вот только бы найти подходящую натурщицу… подходящих товарищей по ремеслу…

К сорока годам эти мысли звучали так:

— У меня был дар… если б я только нашел подходящих учителей.

К этому времени он уже был женат на Джорджине, вместо того чтобы изваять ее в камне. Ошибка. Оказалось, она совсем не в его стиле, ее мораль была столь же плоскогрудой, сколь чувственны были формы. Она говорила ядовитые слова, меж тем как груди ее набухали по ходу беременности. Прожив с ней почти четыре месяца, он ее бросил. Джорджина отказалась дать ему развод: женитьба на католичке была ошибкой. Не позволяла видеть их сына — женитьба на двоюродной сестре была ошибкой: ребенок родился калекой, и Джорджина моталась с ним по больницам и монастырям, везде, где устраивалась работать. В редких письмах Мервину она поливала его злобой с высоты собственного

мученичества. Он посылал ей деньги, но ни разу не ответил на письмо.

На протяжении следующих двадцати лет Джорджина время от времени объявлялась у Мандерсов в Хемпстеде, чтобы пожаловаться на свои беды. Хелена почти никогда не отказывалась с ней встретиться, хотя с трудом ее терпела. Шли годы, Хелена безропотно выносила эти неприятные встречи с малосимпатичной бывшей гувернанткой своих детей, выражала ей, как принято, сочувствие, совала в руку скромные подарки, а после ухода Джорджины возносила безотрадную молитву о душах в Чистилище.

— Уверена, что вам лучше без мистера Хогга, — часто говорила Хелена, когда Джорджина принималась оплакивать уход мужа.

— Такова воля Божия, Джорджина, — говорила Хелена, когда Джорджина сетовала на увечье сына.

А Джорджина отвечала:

— Да, и пусть он лучше будет калекой, чем язычником, как молодой Лоуренс.

Со всем этим Хелена мирилась отчасти по слабости, а отчасти благодаря силе характера.

Однажды Джорджина, как уже бывало, объявилась после долгого отсутствия во всеоружии

уязвленной правоты. На сей раз она отшвырнула ногой кошку Мандерсов в тот миг, как вошла Хелена. Та сделала вид, что не заметила, и, как всегда, уселась слушать излияния Джорджины.

— Леди Мандерс, — произнесла Джорджина, прикладывая платочек к глазам, — мой сын ушел.

Поначалу Хелена подумала, что мальчик умер.

— Ушел? — переспросила она.

— Ушел жить к отцу. Каков обман! Этот мерзавец навещал у меня за спиной моего мальчика в инвалидном доме. Навещал несколько месяцев. Великое зло, леди Мандерс. У отца, как вы знаете, водятся деньги, а мой бедный мальчик, добрый католик…

— Отец его увез?

— Да. Эндрю переехал к нему.

— Но мистер Хогг наверняка не имел на это права. Вы можете потребовать вернуть вам сына. И куда только смотрели власти? Я займусь этим, Джорджина.

— Эндрю уже совершеннолетний. Уехал по собственной воле. Я ему написала, умоляла объяснить почему или повидаться со мной. Ни ответа, ни привета.

— Разве администрация не поставила вас в

известность о перемещении Эндрю?

— Нет. Это произошло внезапно, всего за один день. Они говорят, что не имели права ему мешать, а я тогда, как вы знаете, временно работала в Бристоле. Меня эта трагедия просто убила.

Позже Хелена сказала мужу:

— Бедняжка миссис Хогг. У нее были причины переживать. Жаль, что я неспособна проникнуться к ней состраданием, в ней есть что-то отвратительное.

— Еще бы! — согласился муж. — Вспомни, ребята ее никогда не любили.

— Интересно, может, родной сын ее тоже не любит?

— Я бы не удивился.

— Может, ему лучше с мистером Хоггом?

— Я бы не удивился.

И только об одной катастрофе Джорджина Хогг запамятовала сообщить Мандерсам. О том, что Мервин стал двоеженцем, вступив во второй брак под вымышленной фамилией Хогарт.

Миссис Хогг отодвинулась от окна, чтобы зажечь газовую горелку.

— Превращаешь Эндрю в уголовника, — сказала она Мервину.

— Ему это по вкусу.

— Двоеженство, — сказала она, — а теперь контрабанда. В один прекрасный день тебя может ждать сюрприз. Я не намерена спокойно сидеть и смотреть, как ты губишь Эндрю.

Но Мервин знал — она ни за что не пойдет на разглашение бесценной тайны, которую держит против него. Он неизменно делал безошибочную ставку на Джорджину — шантажистку от нравственности, он с детства помнил ее хищное отношение к чужим неблаговидным секретам. Больше всех она лелеяла проступки, наказуемые по закону, и по этой причине ревниво оберегала свои жертвы от ока закона. Она надежно хранила сведения о преступлениях, ей был нужен сам преступник, его душевный покой, если можно было им завладеть. Поэтому Мервин использовал это свойство ее натуры, не опасаясь, что она расскажет кому-то о его двоеженстве (еще одна его «ошибка») и уж тем более об участии в контрабанде. С того дня, как миссис Хогг сделала сногсшибательное открытие о его двоеженстве, прошло уже три года. А все было предельно просто: она получила анонимку. В письме сообщалось, что ее муж, взяв себе фамилию Хогарт, зарегистрировал в отделе записей актов гражданского состояния брак с женщиной, которая с тех

пор с ним проживает. Джорджина посчитала это вполне вероятным — настолько, что не доверила эту новость даже Хелене, которая могла пуститься наводить справки и поднять шум.

Вместо этого Джорджина предприняла собственное расследование. Она начала с письма, написанного, по тщательном рассмотрении, несомненно Эндрю. Этот знак предательства привел ее в восторг, а содержание письма вызвало не менее бурное победное ликование.

Известие оказалось правдой. Джорджина появилась в Лэдл-Сэндсе, графство Суссекс, где обосновалась парочка, и закатила Элеоноре сцену.

— Вы не первый год живете с моим супругом.

— Совершенно верно, — согласился присутствовавший при сем Эндрю.

— Я должна попросить вас уйти, — повторяла Элеонора, совсем неуверенная, что имеет право этого требовать.

Банально и пошло.

Элеонора ушла от Мервина Хогга, теперь Хогарта, вскоре после разоблачения его двуличия. Она неоднократно разыгрывала этот инцидент перед Бароном, старалась изо всех сил, однако ее актерские способности уступали ее же дару

драматического воображения. То, что Элеонора добавила к сцене, только ослабило резкую однозначность оригинала, ныне уцелевшего лишь в памяти Эндрю и Джорджины — и он, и она торжествовали, хотя по-разному и независимо друг от друга. Тем не менее на Барона произвели впечатление многократные уверения Элеоноры, что «миссис Хогг — ведьма!».

Играя на двоеженстве, Джорджина одержала подпорченную страхом победу. Ее опасения, как бы Элеонора не затеяла против двоеженца судебный процесс, отчасти притупляла общеизвестная нелюбовь Элеоноры к скандалам.

— Но мое доброе имя пострадает больше, чем ее. Меня всегда уважали, а вот она танцовщица, — заявила Джорджина в одно из своих непрошеных появлений в Лэдл-Сэндсе. Спекуляция на двоеженстве открыла ей двери в дом Мервина. — Больше того, — заявила она, — эту историю нужно держать в тайне ради Эндрю.

— Мне это безразлично, — сказал Эндрю.

— Представьте, что будет, если об этом узнают мои друзья Мандерсы, — сказала она, ставя на каминную полку почтовую открытку с портретом святой Терезы из Лизьё.

Она появлялась у них таким образом целый год,

пока Мервин не пригрозил, что сдастся полиции.

— От шести до двенадцати месяцев за решеткой — невелика плата за спокойную жизнь, — заявил он.

— Хорошая мысль, — поддержал его Эндрю.

— Ты одержим дьяволом, — сказала ему мать и, в последний раз покидая их дом, бросила презрительный взгляд на лежавшие на столе разбитые гипсовые статуэтки: «Мервин надумал заняться лепкой, ясное дело».

Сидя в комнате дома в Чизвике в этот послеполуденный час, Мервин твердил себе, что, люби он предаваться жалости к самому себе, поводов для этого нашлось бы предостаточно. Ошибки громоздились одна на другую. Ему вспомнилось, как однажды, еще в годы их супружеской жизни с Элеонорой, он поскользнулся, проходя по ее до блеска натертой танцевальной площадке. Натертые полы были ошибкой, он сломал себе глазной зуб и из-за этого, по его словам, потерял обоняние. Нахлынули воспоминания о других несчастьях, других ошибках.

Он опасался Джорджины не потому, что та могла раскрыть его проступки, а из страха перед ущербом, какой мог причинить его телу и душе ее остервенелый моральный натиск, сильно

смахивающий на проявление какой-нибудь совершенно первобытной мании.

— Раскайся и обратись, Мервин, — возгласила Джорджина.

Он задрожал и скорчился в кресле, пронизанный холодком опасности. Жажда обращать в Веру была у Джорджины неодолимой, потому что под Верой она разумела саму себя. Он почувствовал, что сжимается в жертву подходящих размеров, застывает на краю ее чудовищной пасти в ожидании, когда его пережуют в кашицу и в таком виде отправят в этот жуткий колодец, в эту глотку, которую он почти мог разглядеть, когда Джорджина улыбалась своей улыбкой всезабвенья. «Раскайся, Мервин. Обратись». Чтобы не дать обратить себя, быть может, даже химическим путем, в одну из клеток ее огромного ничто, он ухмыльнулся и быстро встал.

— Измени свою грешную жизнь, — возгласила она. — Вырвись из когтей миссис Джепп.

— Ты не знаешь, ни что такое грех, — сказал он, обороняясь, — ни какая разница между добром и злом… путаешь Господа с Управлением налоговых сборов и еще Бог знает с чем.

В эту минуту ему припомнилось несколько примеров извращенной морали Джорджины, и

он снова подумал о своих жизненных ошибках, о потерянном искусстве и мастерстве, о браках, о том дне, когда на скользком полу лишился глазного зуба, и о другом дне, когда хватился дорожных чеков, полчаса пообщавшись в Булони со знакомым юности, которого встретил совершенно случайно. Вдобавок ко всему из-за этих ошибок он обзавелся язвой желудка. Мервин подумал об Эрнесте Мандерсе и плате за его молчание. И снова сел, полный решимости одолеть Джорджину.

— Сейчас я тебе скажу, что случилось из-за твоего вмешательства в мои дела. На наш след напали Мандерсы.

— Мандерсы? Они не посмеют ничего предпринять. Когда я рассказала леди Мандерс о моих подозрениях, она очень-очень перепугалась за мать.

— Ты рассказала леди Мандерс? Ты, я вижу, даром времени не теряла. Неудивительно, что почти все в курсе дела.

— К моему сожалению, она больше испугалась, чем огорчилась. Она не посмеет ничего предпринять, раз ее мать втянута в это дело.

— Старухе отводится в нашем деле незначительная роль. Ты что, думаешь, мы доверились

выжившей из ума карге?

— Никакая она не выжившая.

— Миссис Джепп с нами мало что связывает. Почти ничего. Мандерсам нужны мы, они намерены поднять большой шум. Ты понимаешь их стратегию? Мы обманываем беззащитную старую даму. Именно такую линию гнул Эрнест Мандерс, мы с ним сегодня встречались.

— Эрнест Мандерс, — произнесла Джорджина. — Ты встречался с этим извращенцем?

— Да, он нас шантажирует. Из-за твоего вмешательства. Но я не позволю себя запугать. После всего, что со мной было, несколько лет заключения меня не волнуют. Эндрю, считаю я, легко отделается, благодаря увечью. Думаю, условный срок с помещением в инвалидный дом. Ему будет наплевать. Наша настоящая фамилия, ясное дело, всплывет, и тебя вызовут в качестве свидетельницы. Эндрю это безразлично. Он только вчера мне сказал: «А мне плевать».

— Ты погубил Эндрю, — возгласила она, как обычно.

— Я только-только собрался отправиться с Эндрю в паломничество в Айнзидельн[13], — ответил

---

[13] Примечания: 13

Крупнейший в Швейцарии паломнический центр, где находится статуя Марии Айнзидельской, или Черной Мадонны.

он, — но из-за твоего вмешательства нам пришлось отказаться.

— Ты — в паломничество? Не поверю, чтоб ты отправился в паломничество к святыне. Ни за что не поверю.

Сэр Эдвин Мандерс пребывал в затворничестве две недели.

— Эдвин две недели как пребывает в затворничестве, — сказала Хелена.

Ужинавший с ней Эрнест отметил, что с момента его прибытия она тихо, словно про себя, трижды произнесла эту фразу. «Вероятно, — подумал он, — она его любит». Какова бы ни была природа этой любви, он был поражен ее необычностью. Не то чтобы к его брату нельзя было питать высокое благородное чувство, но представить Эдвина последних лет окруженным домашней, подобающей жене любовью было довольно трудно, ибо он отдалился от мира, оставаясь при том милым, неизменно и однообразно милым.

Для Эрнеста обращение к брату с просьбами было сопряжено с невыносимой неловкостью. Он решил, что последняя попытка и станет последней.

— Временные трудности, Эдвин. Перестройки в

студии стоили нам приличных денег. Элеонора, к несчастью, ничего не понимает в делах. У нее сложилось впечатление, будто финансовый интерес Барона Стока в ее школе не имеет ничего личного — повторю, ничего личного, тогда как на самом деле, понимаешь ли, обязательства Барона были весьма ограничены, всего лишь форма покровительства. Как сам ты считаешь, тебе стоит удовлетворить свое желание и поддержать наше с Элеонорой дело?

И далее в том же духе.

Эдвин был сама благожелательность.

— Если честно, Эрнест, — ответил он, — то вложение денег в школу танцев меня вовсе не привлекает. Но вот что — выпишу-ка я тебе чек, а о возвращении денег даже не думай. Уверен, это лучший способ решить твои проблемы.

Он подписал чек, аккуратно сложил его и вручил Эрнесту. Проделал он это с явной непринужденностью, да и в самой передаче денег не было ничего, что могло бы вызвать разумные возражения, но Эрнест ощутил чудовищную неловкость и непонятно почему разнервничался.

Из него полилось лавиной:

— Не знаю, Эдвин, как тебя благодарить, а как обрадуется Элеонора, невозможно представить…

На самом же деле он только хотел сказать: «Нам не нужен подарок, это деловое предложение». Но один вид улыбающегося брата лишил его слов.

— Да брось ты, не думай об этом, — ответил Эдвин; он казался удивленным, словно выписал чек в какой-то незапамятный год лет двадцать тому назад.

Эрнест сунул подарок в карман. От волнения его жесты стали преувеличенно женственными. Эдвин деликатно заговорил о балете, о знаменитых танцорах и танцовщицах, каких ему довелось увидеть. Заговорил из чистой доброжелательности — Эрнест знал, что брат уже много лет как погружен в мир своей личной философии, если можно так выразиться. Искусство перестало давать пищу уму и сердцу Эдвина. С его стороны было очень мило заговорить о балете, но это полностью выбило Эрнеста из колеи, да и вообще ему пора было идти домой спать. На другой день он вспомнил про чек, глянул на сумму и понес Элеоноре.

— Пятьдесят фунтов! Вот скаред! Твой брат достаточно богат, чтобы вложить серьезные деньги!

Эрнеста рассердил ее тон.

— Поменьше восклицательных знаков, — ска-

зал он. — Брат не хочет вкладывать деньги в школу, разве не ясно? Ему страсть как хотелось быть милым. Пятьдесят фунтов — это щедрый подарок.

Элеонора купила себе очаровательное платье из черного шелка с шуршащими оборками, которое так шло к ее гибкой фигуре, что Эрнесту полегчало. Оставшиеся деньги ушли на первый взнос за янтарный браслет.

— Твой брат огорчился бы, узнав, на что ушли его священные деньги?

— Нет, он бы вовсе не рассердился, — ответил Эрнест, — и даже не удивился.

Хелена в четвертый раз пробормотала:

— Эдвин две недели как пребывает в затворничестве.

— Когда возвратится, — сказал Эрнест, — ты должна все ему рассказать, так будет лучше.

— Сперва мы все уладим. О своих проблемах я всегда сообщаю Эдвину, только когда они уже позади.

— Я думаю, больше нечего опасаться. Хогарт, этот жалкий желчный коротышка, по-настоящему испугался.

— Раз он испугался, значит, у наших подозрений имелись основания. Лоуренс был прав.

— Разве будет иметь значение, что мы не получим точных сведений про делишки твоей матери, если решительно положим им конец?

— Мне бы хотелось знать немного больше, — возразила Хелена. — Но мама — человек совсем непростой. Очень непростой, Эрнест, и, однако, на свой лад, очень наивный. Должна признаться, я считаю себя виновной в том, что неспособна принять ее наивность, не задаваясь вопросом о том, как именно она проявляется. Я говорю о бриллиантах в хлебе и о том, откуда у нее деньги. Это моя вина, Эрнест, но я не могу не задаваться вопросами, это естественно.

— Совершенно естественно, милочка, — сказал Эрнест, — и я не стал бы себя укорять.

— Ну, тебе-то себя укорять не в чем, Эрнест, голубчик.

Эрнест имел в виду: «Я не стал бы себя укорять на твоем месте», — но решил не объяснять. Легкий дождик зашлепал по окнам.

— Давай обратимся в частное сыскное агентство и закончим с этим, — предложил он.

— О нет, они могут что-нибудь обнаружить, — вполне серьезно возразила она.

Эрнест — он страшно не любил мокнуть — ушел вскоре после ужина, опасаясь, как бы мелкий

дождик не превратился в проливной.

С его ухода прошло около получаса, была половина десятого, Хелена подумывала о вечерней молитве и о горячей грелке в постель, поскольку в доме было прохладно, когда в дверь позвонили. Вскоре в гостиную заглянула экономка средних лет.

— Кто там, Айлин?

— Миссис Хогг. Я усадила ее в прихожей на стул. Она хочет вас видеть. Говорит, что видела свет в гостиной.

Айлин была знакома с миссис Хогг — это была та самая девушка, чье замужество много лет тому назад устроил Лоуренс, прочитавший ее любовные письма. Хотя она не так давно вернулась на службу к Мандерсам, изрядно до того поколесив по свету, Айлин помнила о своих кухонных днях и особенно о миссис Хогг достаточно живо, поэтому ей не нравились ни появления этой женщины в доме, ни ее разговоры с леди Мандерс в гостиной.

— Я как раз собиралась ложиться, Айлин. Решила сегодня лечь пораньше…

— Так ей и скажу, — заявила Айлин и исчезла.

— Нет, пригласите, — крикнула Хелена вдогонку.

Айлин еще раз заглянула в гостиную, всем своим видом давая понять, что требует четкого окончательного распоряжения.

— Отправьте ее сюда, но скажите, что я собиралась ложиться.

Хелена прислушивалась к топоту сбегающей по лестнице экономки, и ее посетила нелепая мысль. Она подумала: «Как восхитительно быть собой», и все ее достоинства возникли перед ее мысленным взором, словно принадлежали другой женщине, — прекрасные манеры и собственность, которой она владела, хорошее здоровье, славный характер, скромность и благожелательность. Она почувствовала возбуждение от предстоящей встречи с миссис Хогг. Она ощутила свою силу — независимость и свободу безоглядно стать на сторону матери, если это потребуется.

Этого не потребовалось. Миссис Хогг проявила смирение. Начала она с извинений за предыдущий приход в связи с письмом Лоуренса:

— У меня было нервное расстройство. Я переработала в Святой Филомене. Иной раз за день проходило до ста тридцати паломников…

— Разумеется, Джорджина, — сказала Хелена.

Джорджина перешла к объяснениям. Она заново все обдумала. Ясно, что она неправильно

поняла письмо молодого Лоуренса. Теперь она видит, что это он так шутил.

— Вам вообще не следовало его читать. Оно было не вам адресовано.

— Я хотела как лучше, — заявила Джорджина, прикладывая платочек к глазам. Она вручила письмо Хелене.

— Что это? — спросила Хелена.

— Письмо Лоуренса. Сами увидите, как я обманулась.

Хелена разорвала письмо надвое и бросила в огонь.

— Я надеюсь, вы ничего больше не станете делать в связи с этим, — сказала Джорджина.

— В связи с чем? Письмо сгорело. Что еще я могу с ним сделать?

— Я хочу сказать, с вашей матушкой. Бедная старая дама, не сомневаюсь, что она святая душа, — сказала Джорджина и добавила, заметив выражение ее лица: — В сущности.

Разговор затянулся на полчаса, пока до Хелены дошло, как отчаянно гостья стремится положить конец всему расследованию. А ведь не прошло еще и месяца, как миссис Хогг заявилась в коттедж ее матери. Хелену озадачила такая перемена, однако вид миссис Хогг, прикладывающей

платочек к источающим слезы глазам, смягчил ее подозрения.

— Я рада, Джорджина, что вы образумились.

— Я хотела сделать, как лучше, миссис Мандерс.

— Если не ошибаюсь, вы навещали мою мать. Зачем?

Джорджина встревожилась. Хелена осознавала, что подтверждается одно из ее подозрений, а именно: ей было известно далеко не все из того, что произошло между ее матерью и миссис Хогг.

— Я думала, ей может понадобиться компаньонка, — ответила миссис Хогг невыразительным голосом. — Вы сами не так давно мне об этом сказали.

Хелена ощутила прилив храбрости.

— Вы хотите сказать, что предложили миссис Джепп свои услуги, когда считали ее преступницей?

— Католик может сотворить много добра и нечестивцам.

— Моя мать к ним не относится, Джорджина.

— Да, я это хорошо понимаю.

В дверь постучали:

— Ваша грелка в постели.

— Спасибо, Айлин.

Миссис Хогг встала со словами:

— Стало быть, я могу считать дело закрытым.

— Что вас, в конце концов, беспокоит? Разумеется, тут больше ничего не предпримешь, — сказала Хелена.

— Слава Богу! Теперь у меня будет легко на душе.

— Какое положение вы сейчас занимаете? У вас есть работа? — привычно спросила Хелена.

— Нет, леди Мандерс.

— И никаких перспектив?

— Никаких. Это меня тревожит.

— Приходите завтра в пять.

Прежде чем лечь спать, Хелена позвонила Эрнесту.

— Ты еще не ложился, Эрнест?

— Напротив, уже в постели.

— Ой, я тебя разбудила, прости.

— Да нет, я еще не спал.

— Я звоню только сказать, что после твоего ухода ко мне явилась миссис Хогг. По каким-то причинам она упорно стремится положить конец всем расспросам. Извинялась за свои подозрения.

— Так оно и к лучшему, правда?

— Да, я понимаю. Но тебе не кажется стран-

ной такая внезапная перемена, да еще именно сейчас?

— Ты уверена, что она не связана с Хогартом? — спросил Эрнест уже не столь сонным голосом.

— При мне она ни разу не упоминала его имени. Он католик?

— Не думаю.

— В таком случае она наверняка не имеет с ним никаких приятельских отношений. У нее сдвиг на религиозной почве.

— Тебе не кажется, что она замышляет шантаж? К чему только шантажисты не прибегают, сама знаешь.

— Нет, не замышляет. Она даже отдала мне письмо Лоуренса, и я сожгла его у нее на глазах. Я хорошо со всем справилась, Эрнест.

— Не сомневаюсь. Что ж, со стороны миссис Хогг нам больше нечего опасаться.

Она была ему благодарна за это «нам».

— Возможно, и вправду нечего. Я велела ей зайти завтра поговорить о работе. Хочу держать ее под присмотром.

— Хорошая мысль.

— Но мне лично, — сказала Хелена, — начинает казаться, что у Джорджины не все дома.

В этот час мистер Уэбстер, лежа в постели над

пекарней, мысленно перебирал удачи прошедшего дня. Несмотря на усталость, он, вернувшись из Лондона, направился прямо к миссис Джепп и слово в слово пересказал ей разговор с Бароном. Затем они, как всегда, подсчитали расходы и положенную каждому прибыль.

— Я рада, что отправила селедочные молоки, — сказала Луиза. — Чуть-чуть не послала фрукты, но молоки станут для Барона Стока приятным разнообразием. От селедки ума прибавляется.

— Удачный был день! — С этими словами мистер Уэбстер наградил стены улыбкой и откланялся.

Для Барона Стока день тоже был особенным. Он ненавидел делать деньги, но волей-неволей этим приходилось заниматься. Не будь книжная лавка роскошным приложением к его личности, она стала бы его тяжкой обязанностью.

После ухода милейшего старика Уэбстера Барон закрыл лавку и пошел домой, прихватив Луизину баночку с селедочными молоками. Дома он открыл баночку, вывалил содержимое на блюдо и окинул взглядом влажные белые слои рыбьих зародышей. Вооружившись ножом, он принялся отделять молоки одну от другой, бережно извлекая заложенные между ними маленькие ка-

тышки белой вощеной бумаги. Закончив с этим, он выложил бумажные «пилюльки» на блюдечко, расположился перед камином и принялся их разворачивать. Бриллианты были восхитительны, они подмигивали ему твердым ледяным блеском, когда он подошел к окну разглядеть их получше.

— Чисты, как слеза ребенка, — произнес он часом позже, сидя в высокой задней комнате в Хаттон-Гардене[14].

Ювелир в ответ промолчал. Прищурив один глаз, другим он рассматривал драгоценные камни, поочередно поднося к линзе миниатюрных красавцев. Потом Барон, как всегда, подумал: «Нужно договориться с другим, этот тип меня обманывает». Но вспомнил, что его ювелир был немногословен и невозмутим — в отличие от тех торговцев драгоценными камнями, что, встречаясь на мостовых Хаттон-Гардена, и на пару секунд не могли обуздать свои порывы сдержаться, чтобы прямо на месте не показать свой крохотный драгоценный товар, который извлекали из жилетных карманов обернутым в папиросную бумагу. Молчуна, с которым имел дело Барон, было немыслимо вообразить на улице; возможно,

[14] Примечания: 14

Улица и прилегающий район Лондона, центр ювелирного ремесла и торговли бриллиантами.

он вообще не возвращался домой; возможно, у него и не было дома и он бодрствовал от зари до зари, обходясь без еды и заключая в своей немногословной манере сделки с теми, кто приходил к нему сбывать бриллианты.

Тем же вечером Барон за рюмочкой «Кюрасао» у себя дома решил, что делать дело — занятие утомительное. Его утомляло раз в три месяца отправляться в Хаттон-Гарден и вяло препираться о цене с тамошним ювелиром. Он лениво расслабился в гамаке своих мыслей, мягко покачиваясь над течением прошедшего дня, и перед отходом ко сну начал письмо Луизе.

> Селедочные молоки, моя дорогая миссис Джепп, стали для меня изысканнейшим легким ужином в завершение весьма утомительного (но и приятного) дня. Я уложил их на хлебцы и приготовил на рашпере – объедение! Я в восторге от вашего искусства презервации. Содержимое вашей баночки было утонченнее устриц, необычнее…

Но его мысли переключились на иные деликатесы, таинственного Мервина Хогарта, занятнейшую черную магию.

Особенным этот день оказался и для Мервина Хогарта, который, возвратившись в Лэдл-Сэндс, застал Эндрю в одном из свойственных ему приступов мерзкого настроения. Когда они находили на Эндрю, он плевал на всех в самом буквальном смысле. Эндрю был оставлен на попечении деревенской женщины, которую до того заплевал, что она ушла домой раньше оговоренного времени, бросив молодого калеку одного в наступающих сумерках. Добравшись наконец до постели, Мервин взялся за книгу, чтобы уснуть, однако «ошибки» минувшего дня не давали ему покоя. Он пролежал в темноте далеко за полночь, с раздражением вспоминая коварство Эрнеста Мандерса, безвкусный ланч, шантаж, и жалобно бормотал про себя: «Ну и денек, ну и денек».

А уж какой денек выпал миссис Хогг, этой горгулье, которая взбиралась в Чизвике в свою кишащую мышами комнату. Когда она открыла дверь, две мыши одна за другой мгновенно юркнули в норку под газовым счетчиком.

Однако, войдя в свою комнату, миссис Хогг исчезла — взяла и исчезла. У нее вообще не было личной жизни. Бог знает, куда она девалась, оставаясь одна.

Глава 8

В высшей степени сомнительно, чтобы Мервин Хогарт хотя бы раз в жизни даже мельком подумал о черной магии или оккультизме. Ему никоим образом нельзя было приписать длительный интерес к сатанизму, колдовству, черной магии или иным подобным культам, не говоря уж о занятиях ими. Барон Сток тем не менее думал иначе.

Он сумел собрать доказательства только к Новому году. Своими соображениями он часто делился с Каролиной, поскольку после ее возвращения в Лондон они виделись почти так же часто, как раньше. Теперь она снимала квартирку в Хемпстеде совсем недалеко от Барона. Лишь легкое покалывание в ноге перед дождливой погодой напоминало ей о переломе и, напоминая, заставляло удивляться, что она пережила серьезную аварию.

— Странно, — заметил Барон, — что Элеонора меня оставила непонятно почему. Вы что-нибудь слышали?

— Я знаю, она подозревала, что вы участвуете в черных мессах и тому подобном, — ответила

Каролина.

— Не удивляюсь, — сказал Барон. — Женщина с ограниченным интел-лектом, как у Элеоноры неспособна отличить интерес к деятельности от участия в ней. Я, например, интересуюсь религи-ей, поэзи-ей, психологи-ей, теософи-ей, оккультизмом и, разумеется, демонологи-ей и сатанизмом, но ни во что не углубляюсь и ничего не практикую.

— И главный ваш интерес — сатанизм, — заметила Каролина.

— О да, абсолютно главный. Как я пытался в свое время объяснить Элеоноре, я рассматриваю свои исследования как занятие взрослого человека, однако принимать непосредственное участие в нелепых ритуалах — это было бы ребячеством.

— Безусловно, — согласилась Каролина.

— Я, конечно, побывал на нескольких черных мессах и церемониях других культов, но исключительно как сторонний наблюдатель.

Каролина хмыкнула.

День стоял ветреный, и за окнами Каролининой квартиры на верхнем этаже виднелись только небо и спешащие по нему облака. В такой день имело особый смысл остаться дома и в послеполуденные часы доверительно посекретничать с

добрым знакомым перед электрообогревателем с двойным радиатором.

— Элеонора не слушала никаких объяснений, — продолжал Барон. — К тому же ее почему-то ужасала сама мысль о жизни с человеком, изучающим на досуге черную магию. Однако самое любопытное заключается в том, что с того времени я выяснил: ее бывший муж Мервин Хогг — закоренелый сатанист, дорогая моя Каролина. Поэтому, видимо, она от него и ушла.

— Не переживайте, Уилли. Вам хорошо без Элеоноры, а ей без вас.

— Я уже с этим справился. А вам, — сказал он, — хорошо без Лоуренса.

— Мы совсем другое дело, — отрезала она. — Мы с Лоуренсом всегда любили друг друга, а вы с Элеонорой — никогда.

— Не любили, но мне все равно больно о ней думать.

— Ну, конечно, — любезно согласилась она.

— Однако не настолько, дорогая Каролина, чтобы это заставило меня бросить расследования. Люди непостижимы. Варварство и суеверия обнаруживаются в тех, в ком их никак не ожидаешь найти. Этот объект — люди — возбуждает у меня чрезвычайный интерес. В настоящий момент

моим вниманием почти полностью завладел этот Мервин Хогарт. Уверяю вас, Каролина, он главный сатанист Великобритании. Я дошел до того, что нанял агентов. Он у меня под наблюдением.

— Да будет вам! — сказала Каролина.

— Это правда, он у меня под наблюдением. Я получаю отчеты. Я уже составил досье. Трачу на это целое состояние. Мой основной интерес — психология этого человека.

— Ну и ну. Вы тоскуете по Элеоноре больше, чем я считала.

— Что вы хотите сказать?

— Очевидно, что ваша одержимость бывшим любовником Элеоноры — это форма одержимости самой Элеонорой. В Хогарте вы стремитесь найти нечто скрытое в ней, разве не ясно? Очевидно, что вы следите за ним, потому что не можете следить за Элеонорой, она от вас ускользнула, разве не ясно? Очевидно…

— Врачу — исцелися сам, — произнес Барон, попав, по собственному мнению, в самую точку.

— О, я могу ошибаться, — миролюбиво ответила Каролина. Мысль о послеполуденных часах у обогревателя утратила привлекательность, Каролине напомнили о ее бестактности, когда она начала раскрывать перед Бароном свое душевное

состояние во время его посещений. Она знала, что он так же неспособен хранить ее тайны, как она — его.

Но, не в силах на этом остановиться, она сказала:

— Почему вас все-таки волнует, сатанист Хогарт или нет? Я бы еще могла понять вашу горячность, если б вы защищали свою веру. Быть может, вы, хотя и не отдаете себе в этом отчета, человек очень верующий.

— Я не верующий, — сказал он, — и не осуждаю сатанизм. Для меня это не моральная проблема, а только интеллектуальное увлечение.

Она начала его поддевать, но не следила за языком.

— Вы напоминаете мне африканского колдуна, напавшего на след ведьмы. Может, вы этим прониклись в Конго — вы ведь там родились?

Тут она поняла свою ошибку и вспомнила странный оттенок его белков, который подчас заставлял ее задаваться вопросом: нет ли в жилах Барона африканской крови? Замечание Каролины вызвало у него крайнее раздражение.

— Я хотя бы преследую понятную цель, — отчеканил он. — Сатанизм существует, этот факт может подтвердить предметный указатель

любой современной библиотеки. Сатанизм исповедуют, я могу это вам доказать, если вы захотите пойти со мной на Ноттинг-Хилл-Гейт в определенное время. Правда, суеверные обычаи вашей церкви могут вам этого не позволить. Мервин Хогарт существует. Он исповедует сатанизм, в чем может убедиться всякий, кто захочет провести частное расследование. Вы же, со своей стороны, — продолжал он, — утверждаете истинность некоторых недоказуемых фактов. Взять хотя бы хор голосов, — продолжал он, — кто, кроме вас, его слышал? А ваши теории — ваши домыслы об источнике звуков? Мне кажется, милейшая моя Каролина, что вы больше моего напоминаете колдуна.

Его слова расстроили Каролину, и она занялась чаем — чайные чашечки, быстрые легкие движения, позвякивание ложечек и блюдец. За всем этим она туманно возразила:

— Доказательства представит сама книга.

Однажды, когда Барон навестил ее в больнице, Каролина сказала ему:

— Голоса, Уилли, — я и в больнице их слышу. Но в одном я уверена, — она показала на свою ногу, которая слегка распухла в гипсовом футляре и поэтому сильно болела, — эта физическая боль

убеждает меня, что я не совсем дитя вымысла и веду независимую жизнь.

— Господи, — сказал Барон, — а вы когда-нибудь сомневались в этом?

И она изложила ему по секрету свою теорию. Он был заинтригован. Ее же воодушевила атмосфера заговора, навеянная беседой вполголоса, поскольку в палате лежало, кроме нее, еще семь человек.

— Я тоже одно из действующих лиц в этой таинственной книге, Каролина? — спросил он.

— Да, и вы тоже, Уилли

— И все — действующие лица? Например, вон те? — он кивком указал на другие кровати, где вокруг больных женщин суетились родственники.

— Я не знаю, — ответила Каролина. — Мне известно лишь то, на что намекали голоса, — короткие бессвязные отрывки романа. В нем могут быть персонажи, о которых я и не подозреваю.

Барон навещал ее по субботам или воскресеньям. Каждый раз они обсуждали теорию Каролины. И хотя в глубине души она знала, что ему нельзя доверять секреты, она неизменно говорила себе при его появлении и после ухода: «В конце концов, он старый друг».

Однажды она ему сообщила: «Дух Пишущей

Машинки не зафиксировал подробностей об этой больничной палате. Причина — автор не знает, как описывать больничную палату. Этот эпизод моей жизни не является частью книги». Отпуская раздраженные реплики вроде этой, Каролина Роуз продолжала вторгаться в сюжет книги.

Другие больные докучали и досаждали ей. Она мечтала переносить недомогания и неудобства в спокойной обстановке. Когда ей бывало больно, то несносное присутствие семерых лежачих больных, их болтовня и жалобы, а также карканье и кудахтанье дежурных нянечек и сестер делали боль особенно острой.

— Тяжелее всего переносить раздражение, которое вклинивается между нами и нашими муками, — сказала Каролина Барону. — Если б только мы могли принимать страдания в чистом виде.

Однажды приходящий священник посоветовал ей «посвятить» ее страдания облегчению мук какой-нибудь души в Чистилище.

— Я так и делаю, — заявила Каролина, — только в результате боль усиливается, а не смягчается. Тем не менее я продолжаю молиться.

— Ну полно вам, — сказал священник — моложавый, синеглазый, в очках, только что из

семинарии.

— Но это факт, насколько подсказывает мне опыт.

Священник поглядел на нее с легким испугом и после этого никогда уже не задерживался у койки Каролины.

Посещая Каролину, Барон как бы возвращал ее в более подходящую обстановку, и шесть недель заточения в сельской больнице она ограждала себя фразой «Он старый друг» от несомненного факта, что Барон, ни в малейшей степени не ощущая предательства, будет повторять и приукрашивать ее высказывания и мысли для развлечения своих знакомых на Чаринг-Кросс-Роуд. За эти недели во «внутренних покоях» книжной лавки Барона полным ходом шел психоанализ характера Каролины, а она тем временем разбирала книгу, лежа в палате на восьмерых. Это была ортопедическая палата, довольно неопрятная, какими бывают все больничные палаты, из-за гипсовых слепков, валяющихся тут и там, горбатящихся над койками шин, тележки у окна, на которой лежали инструменты для работы с гипсом, включая ножницы для разрезания, смахивающие на садовый секатор, причем на все это была наброшена белая простыня. В эту палату в

определенные часы приходили физиотерапевты, чтобы мучить пациентов упражнениями, уговорами и процедурами.

Правда, Барон, обсуждая с ней «книгу» в субботу, вовсе не имел в мыслях понедельник, когда станет рассказывать об этом третьим лицам:

— Каролина запуталась в парапсихологической аллегории и пытается свести в ней концы с концами, лежа со своей ногой в этой жутко унылой палате. Я вам рассказывал про ее случай, с голосами и пишущей машинкой. А теперь у нее возникла идея, будто эти голоса выражают мысли бесплотного романиста, который, если вы внимательно слушаете, печатает на ее машинке книгу. Сама Каролина, видимо, является действующим лицом этой книги, как, представьте себе, и я.

— Очаровательная фантазия. Сама она, надеюсь, в нее не верит?

— Верит в буквальном смысле. Во всех других отношениях она в совершенно здравом уме.

— Совсем непохоже на Каролину!

— Что вы, именно такое и случается с логически мыслящими людьми. Я так люблю Каролину. По-моему, все это совершенно безобидно. Сперва я думал, что у нее началось серьезное психическое расстройство. Но после несчастного случая

эта фантазия ее утешает, и я не вижу, почему бы ей не лелеять ее, раз ей от этого легче. Все мы в том или ином отношении с легким приветом.

— Не то слово, Уилли!

Лоуренса выписали из больницы за пару недель до Каролины.

— Не могу понять, что на тебя нашло, что ты доверилась Барону, — сказал он ей, когда наконец смог с ней повидаться. — Ты просила меня сохранить в тайне твои сумасшедшие идеи, и я, понятно, отрицал все слухи. Теперь я в неловком положении.

— Какие слухи?

— Разные. Грубо говоря, все они сводятся к тому, что ты оставила католичество и приняла новую веру.

— Что это за новая вера?

— Научная фантастика.

Она рассмеялась и сразу поморщилась, потому что малейшая дрожь отдавалась болью в ноге.

— Прости, — сказал Лоуренс, обещавший ее не смешить.

— Я никогда и не ждала от Барона, что он хоть о чем-нибудь способен молчать, — сказала она, — мне просто нравилось с ним разговаривать, разговор меня развлекает. Мне тут одиноко, к

тому же я болею.

Она заметила, что заботливость Барона не понравилась Лоуренсу больше, чем ее с ним беседы.

Но вернемся к первому дню Нового года, когда Каролина нечаянно обидела Барона, сравнив его с африканским колдуном.

После чая, который она заварила в двух чайниках — зеленый для Барона и простой цейлонский для себя, Барон попытался загладить приступ злости. Он под строжайшим секретом рассказал ей об одном случае, однако она в тот же день пересказала услышанное Лоуренсу.

— Как-то раз я по поручению Элеоноры — это случилось вскоре после ее развода с демоническим Хогартом и было связано с урегулированием денежных расчетов — отправился поговорить с ним в его доме в Лэдл-Сэндсе. Я не стал предупреждать его о приезде, полагая, что он откажется меня принять. Я рассчитывал застать его дома — уверяю вас, Каролина, я исполнил для Элеоноры не одно поручение подобного рода. Значит, добрался я до его дома. Довольно большое строение с не лишенным элегантности фасадом времен королевы Анны; стоит в стороне от дороги за полукругом платанов и разросшейся высокой живой

изгородью, какую не подрезали уже несколько месяцев. Сад изрядно запущен. В доме никого не было. Через почтовую щель я увидел в прихожей на столике россыпь рекламных проспектов. Из этого я заключил, что Хогарты вот уже несколько недель как в отъезде, договорившись, что частную корреспонденцию им будут пересылать по новому адресу. Я обогнул дом и зашел сзади — мне было любопытно. В то время, как вы понимаете, я был сильно влюблен в Элеонору, и дом, где она жила с Хогартом, меня интересовал. Он давал мне возможность физически ощутить ту часть ее прошлого, о которой мне было известно лишь с ее слов.

Позади дома царил еще больший беспорядок, чем перед ним. На огороде все вымахало и давно перезрело, но самое важное другое. У двери сарая валялась груда разного хлама. Пустые коробки, ржавые сломанные садовые инструменты, старая обувь. И среди всего этого — масса разбитых гипсовых статуэток, этих примитивных предметов религиозного поклонения, которые тысячами продаются в лавках у христианских святынь. Фигурки были разрублены непонятным образом. У многих была отрезана голова, а в ряде случаев вся фигура разрублена на куски. Гипсовых фраг-

ментов было слишком много, чтобы они могли быть разбиты случайно. Даже в то время — а я тогда ничего не знал об оккультных занятиях Хогарта — я предположил, что имела место массовая оргия умышленного святотатства. Когда у фигурок сохранялось тело и были отрезаны только голова и конечности, я заметил чистую линию среза — здесь поработали инструментом, а не то чтобы статуэтка разбилась при падении, ничего похожего.

И тут, Каролина, я должен вам поведать, что произошло, когда я разглядывал эти удивительные кусочки глины. Задний двор окружала полоса леса, проходившая ярдах в тридцати от сарая, где я стоял. Собачье рычание заставило меня обернуться и посмотреть туда, откуда оно послышалось. Вскоре из леса показалась собака и пошла в мою сторону. Это был великолепно ухоженный черный спаниель. Я поднял палку на случай нападения. Пес приближался с наводящим ужас рычанием, однако до меня не дошел: за пять ярдов он стал описывать вокруг меня круг. Каролина, он три раза обежал меня по кругу. Потом подбежал к груде сломанных фигурок и сел, просто сел рядом с ней, словно бросая мне вызов — попробуй притронуться.

Я, разумеется, отошел небрежной походкой, опасаясь, как бы пес не прыгнул. Но я, Каролина, пытаюсь втолковать вам, что этот черный пес был Мервином Хогартом.

— Что, что? — переспросила Каролина.

— Тогда до меня это еще не дошло, — сказал Барон, помешивая зеленый чай, — я всего лишь подумал, что пес ведет себя необычно. Я, конечно, говорю с вами конфиденциально, о таком не рассказывают знакомым, даже самым близким. Но у меня чувство, что вы разбираетесь в таких вещах, тем более что и сами вы сверхчувствительны, сверхвосприимчивы и…

— Что вы только что сказали? — спросила Каролина. — О собаке?

— Что пес был Мервином Хогартом. Естественно, магически преображенным. Такие случаи известны в…

— Вы сумасшедший, Уилли, — дружески заметила Каролина.

— Вот уж чего нет, того нет, — возразил Барон.

— Я же не имела в виду — сумасшедший. Всего лишь капельку помешанный, капельку помешанный. А история, конечно, очаровательная, если заменить спаниеля на пуделя.

— От вас я никак не ждал недоверия.

— Уилли, я вас умоляю!

Он говорил серьезно.

— Чем, — спросил он, — вы объясните разбитых святых?

— Может, у них весь дом был набит святыми, потом они надоели, и их вышвырнули. Может, это доставляет им удовольствие. В конце концов, большая часть этих гипсовых святых отвратительны с художественной точки зрения, так что людей можно понять.

— Удовольствие, — повторил Барон. — А как вы объясните собаку?

— Собаки существуют и не нуждаются в объяснении. Должно быть, она принадлежит Хогартам…

— Это не собака Хогартов. Я выяснил. У Хогартов нет собаки.

— Значит, это была собака кого-нибудь из соседей. Или бродячая, искала еду.

— А что скажете о том, что она три раза обежала меня по кругу?

— Уилли, мой дорогой, у меня нету слов.

— Верно, — сказал Барон, — на это у вас нет ответа. Впрочем, то, о чем я вам только что рассказал, не единственное основание для вывода, что Хогарт — черный маг. Я еще не сказал вам

про почтовых голубей и кое-что другое. Вы сможете сегодня со мной поужинать? Если да, то я мог бы рассказать вам все, и тогда, милейшая Каролина, вы перестанете говорить, что Уилли сумасшедший.

— Мы все немножко сумасшедшие, Уилли. И поэтому, дорогой мой, такие милые. Нет, к сожалению, нынче вечером я занята. А то и вправду было бы хорошо…

Прощаясь, он запечатлел на ее щеке дружеский поцелуй. Услышав скрип лифта, идущего вниз, Каролина прошла в ванную, достала пузырек с «Деттолом» и щедро плеснула в стакан теплой воды. Пропитала этим крепким раствором кусок ваты и протерла кожу на лице в том месте, где Барон приложился губами.

— Барон спятил.

Эти слова Каролины порадовали Лоуренса, который последнее время нервничал из-за возобновления дружеских отношений между ней и Бароном.

— Барон, — объявила она, — совсем рехнулся. Приходил сегодня на чашку чая и рассказал самую безумную небылицу, что я слышала в жизни.

И она передала Лоуренсу, о чем поведал Барон.

Поначалу эта история его забавляла, но внезапно легкое веселье уступило место бурному восторгу.

— Браво, Барон! — произнес он. — По-думать только, он дуриком наткнулся на ключ, причем, как мне кажется, очень важный.

— Какой ключ? — спросила она.

— Ключ к бабушке.

— Какое отношение имеет черный пес к твоей бабушке?

— Ключ — в разбитых фигурках. Как я раньше не додумался!

— Твоя бабушка ничего в жизни не разобьет. Что на тебя нашло, мой милый?

— Бабушка — нет, а Хогарт — да.

— Ты не лучше Барона со своим сдвигом на Хогарте, — сказала она.

Со дня автокатастрофы Лоуренс был с Каролиной сдержан. Она понимала, что он, отчасти из страха, не может с нею не видеться, однако лелеять эту новую притягательную силу было совсем не в ее вкусе. Страх Лоуренса ее угнетал. Поэтому она совсем перестала обсуждать с ним загадку своей частной жизни, и лишь застигнутая врасплох могла допустить Лоуренса в свой внутренний мир. Например, когда он без всякой задней мысли спросил, подразумевая ее исследо-

вание по структуре современного романа: «Как продвигается твоя книга?» — она ответила: «Думаю, близится к концу».

Лоуренс удивился, так как всего за несколько дней до этого разговора она пожаловалась, что работа над исследованием затягивается.

Удивило его и другое.

Они намеревались вместе съездить отдохнуть за границу на пару недель во второй половине марта.

Сперва Каролина возражала, что это слишком рано, однако Лоуренс твердо настроился на это время и подал заявление об отпуске, не посоветовавшись с Каролиной. Самонадеянным она посчитала и его заявление, что они поедут в Лозанну.

— Лозанна в марте! Ни за что.

— Положись на меня. Я же твой добрый друг, правда?

— Да, да, но Лозанна в марте!

— А ты поверь, что у меня есть на это причины. Ну, пожалуйста.

Она предполагала, что выбор места и времени был продиктован жгучим любопытством Лоуренса в отношении бабушкиных делишек. Эрнест и Хелена поверили, что опасность уже миновала.

Каким бы рискованным делом ни занималась старая дама, вмешательство и обман Эрнеста положили ему конец, и они не допускали и мысли о том, что для беспокойства вообще есть основания. Но Лоуренс несколько раз за зиму приезжал в коттедж на уик-энд и, видимо, был уверен, что бабушкины авантюры продолжаются как ни в чем не бывало. Совсем недавно он внезапно нагрянул туда вечером в будний день и застал ее небольшую шайку в полном сборе, как раньше, и за игрой в карты, как раньше, а Луизу — как всегда невозмутимой. От нее он узнал, что с января Хогарты дважды побывали за границей.

В том, что у него не получилось эффектно и быстро разрешить бабушкину тайну, Лоуренс винил катастрофу с автомобилем. Не просто винил — проклинал. В то же время его возбуждало открытие, что Эрнест и Хелена на пару преуспели лишь в одном — заставили шайку удвоить бдительность. Перед ним по-прежнему стояла задача — проникнуть в старушкины хитрости. Именно этого ему хотелось больше всего на свете. Лоуренс желал не просто положить конец ее занятиям — он желал знать, в чем они заключаются.

Короткие зимние наезды в коттедж только распалили его любопытство. Он безрезультатно

ошивался у Ледилиса и Лэдл-Сэндса, в нем крепла уверенность, что шайка до времени затаилась. Эрнест завалил расследование. Больше всего Лоуренса бесила бабушкина прямота. Ни разговоры, ни поступки Луизы не отличались скрытностью, но раскрывать свою тайну она решительно отказывалась. Единственное, что ему удалось из нее извлечь, — Хогарты собираются в Лозанну на две последние недели марта.

— Хогарты прямо-таки зачастили по заграницам, бабушка.

— Вот уж кто любит попутешествовать!

Больше он от Луизы ничего не добился. И подал заявление об отпуске с пятнадцатого марта.

Лоуренс преуспел в эмансипации матери до такой степени, что она сама предложила ему, не видя в этом ничего оскорбительного:

— Почему бы тебе не взять с собой Каролину? Ей надо отдохнуть, а денег у бедной девочки нет. Я оплачу все расходы.

После этого на Лоуренса и посыпались возражения:

— Лозанна в марте! Почему Лозанна? Там будет холодно и уныло.

Но он сказал:

— Я же твой добрый друг, правда? Пожалуйста,

согласись хотя бы на этот раз.

И она согласилась.

Это было в середине февраля. Через две недели она взяла согласие назад.

— Я ездила в монастырь поговорить с отцом Джеромом, — начала она.

— Прекрасно! — сказал Лоуренс. Последнее время она замечала, что Лоуренс охотно поощряет все ее связи с религией, тем более что сам он продолжал демонстрировать свой жизнерадостный скептицизм. В одно из воскресений она решила не пойти к мессе из-за простуды, отчего он страшно разволновался и предложил ей укутаться в теплый шарф, принес полоскание и выразил готовность отвезти ее в церковь и обратно в своем новом автомобиле, лишь бы она не пропустила службу. — Прекрасно! — сказал Лоуренс, услышав, что она навестила старика монаха, которого он знал еще с отрочества.

— Он говорит, — заявила Каролина, — что мне бы не следовало отправляться в Лозанну с тобой.

— Но он же знает меня! И уж конечно, знает, что на нас можно положиться, что это будет просто совместный дружеский отдых. Господи, да так постоянно отдыхают убийственно скучные пары. Господи, а я-то считал его разумным священни-

ком без предрассудков.

— Он сказал, что в свете наших прежних отношений мне бы не следовало выступать в обстоятельствах, способных привести к скандалу.

— Но о грехе не идет и речи. Даже я это понимаю. Не забудь, мне внушали католические взгляды.

— О грехе не идет и речи, но он сказал, что это подорвет веру, — возразила Каролина.

— Мы никому не скажем, что едем вместе. Маловероятно, чтобы нас кто-то увидел в марте в Лозанне.

— Тайная поездка еще хуже нетайной. Еще больше ущерба для веры. Я не могу поехать, ты уж меня прости.

Ее отказ огорчил Лоуренса сильней, чем она ожидала. Он не сказал ей то, о чем она догадалась: что его упорное желание побывать в марте в Лозанне как-то связано со стремлением пройти по следу бабушки. Каролина не учла, насколько ее участие было для него важно, и чем больше он ее уговаривал, тем крепче становилось ее решение полностью устраниться от этого дела. Разговор слишком ясно напоминал ей о событиях, предварявших автокатастрофу.

Лоуренс не стал на нее давить. Он принял ее

решение с недавно появившимся необычным страхом: не следует слишком приближаться к Каролине, чтобы не спровоцировать перебранки. Именно в тот раз он, подавив разочарование, спросил ее по-дружески: «Как продвигается твоя книга?» — и она, занятая совсем другими мыслями, ответила: «Думаю, близится к концу».

— Вот как? А ты совсем недавно говорила, что тебе еще писать и писать.

Она мгновенно осознала свою ошибку, как и Лоуренс. У него сделался довольно беспомощный вид, словно он вконец запутался. Ей было невыносимо выступать в роли духовного тирана и ужасно хотелось освободить его от необъяснимых и столь близких ей, но столь чуждых ему мыслей.

— Я, понятно, предвкушаю конец работы над книгой, — сказала она, — чтобы, так сказать, свалить эту гору с плеч.

— Я-то, конечно, имел в виду, — с раздражением произнес Лоуренс, — книгу, которую ты пишешь, а не книгу, в которой, по-твоему, ты выступаешь действующим лицом.

— Я знаю, что ты имел в виду именно это, — смиренно согласилась она. И чтобы развеять неприятную атмосферу, мило улыбнулась ему

и сказала: — Помнишь то место у Пруста, где он пишет о двусмысленном употреблении слова «книга» и замечает…

— К черту Пруста, — сказал Лоуренс.

— Послушай, — сказала она, — я не лезу в твои фантастические дела. И ты не лезь в мои. И еще, — продолжала она, — нам не о чем говорить нынче вечером. Я иду домой. Пешком.

Они ужинали в маленьком ресторанчике в пяти минутах ходьбы от квартиры Каролины, поэтому ее «пешком» прозвучало не так сурово, как она хотела, и позабавило Лоуренса.

— Последнее время мне стало трудно тебя понимать, — сказал он и добавил, чтобы ее успокоить: — Почему ты сказала, что книга близится к концу?

Каролине не хотелось отвечать, но его искренность не оставила ей выбора.

— Потому что происходящее вокруг нас имеет свои последствия. Особенно новость о знакомом твоей бабушки.

— О ком именно? — спросил Лоуренс.

— Как, ты ничего не знаешь? Хелена в крайнем возбуждении позвонила мне нынче утром, и, насколько я понимаю, это весьма удивительный…

— О ком именно?

— Об одном из тех, кого ты совершенно напрасно подозреваешь. Об Эндрю Хогарте. Судя по всему, он парализован, и отец возил его в небольшой храм Девы Марии во французских Альпах. Так вот, вчера они возвратились, и Эндрю начал шевелить парализованной конечностью. Хелена говорит — это чудо. Про чудо я ничего не знаю, но мне представляется, что этот случай завершает сюжет и приводит книгу к концу. Я не стану жалеть.

— Но они с января не выезжали за границу. И не собираются до середины марта, по крайней мере, я так понимаю. У меня есть причины считать, что Хогарты занимаются контрабандой бриллиантов, разве ты не понимаешь?

— Спроси у своей матери, — сказала Каролина. — Ей все об этом известно. Ее переполняют разные сведения.

— Теперь я не вижу большого смысла ехать в марте в Лозанну, — сказал Лоуренс.

«Бесподобная… Пас назад — грязная игра и свисток судьи… выглянуло солнце, все смотрится бесподобно, красная форма оркестра… это ощущение напряженности… и снова уже во втором тайме… первый драматический… бесподобная… с углового — гол в ворота “Манчестер Сити”…

изумительный, бесподобный…»

Луиза Джепп сидела у приемника, завороженная гипнотическим звучанием голоса Лоуренса.

В тот же день, но много позже сам Лоуренс остановил свой новый автомобиль у коттеджа с громким визгом тормозов. Расположившись на стуле у плиты с откупоренной бутылкой пива, он спросил:

— Это правда — о молодом Хогарте?

— Он проходит курс психотерапевтического лечения, — ответила она, верно произнося трудное слово, поскольку если уж обращалась к таким словам, то употребляла и выговаривала их совершенно правильно.

— И он действительно начал двигать ногами?

— Да, шевелить — сказать «ходит» было бы преждевременно.

— Раньше ноги у него были полностью парализованы.

— О да. Поездки за границу пошли ему на пользу. Я знала, что пойдут.

— Полагаю, — сказал Лоуренс, — Хогарты отменили отдых в Лозанне?

— Ну да. И не нужно им разъезжать в марте, когда очень холодно. Дома куда как лучше. И Эндрю получает лечение.

— Наверное, — сказал Лоуренс, — они снова куда-нибудь отправятся в начале лета?

— Но не за границу, — ответила старая дама. — Кажется, в Сомерсет или Корнуолл, если парень потянет.

— Полагаю, бабушка, это означает, что ваше предприятие приказало долго жить?

— Ну еще бы, золотко, я подумала, когда слушала тебя сегодня по приемнику, — как мне хотелось, золотко, для твоего же блага, чтобы ты поймал нас с поличным. Должно быть, это тебя огорчило, милый. Но не переживай, у каждого из нас свои разочарования, а ты был очень мил по приемнику, ты был бесподобен.

— У меня были все ключи, бабушка, требовалось только время. Если б не катастрофа, я, бабушка, заполучил бы вас еще прошлой осенью.

— Ну, хватит переживать.

— Но тебе грозит опасность. На твой след вышел наш общий знакомый. Я случайно узнал об этом от Каролины. Его фамилия Сток, Уилли Сток, фальшивый Барон…

— Нет, он самый что ни на есть настоящий Барон.

— Значит, ты знаешь Барона Стока?

— Я с ним знакома.

— А ты знаешь, — спросил он, — что в прошлом ноябре, перед самой аварией, Каролина мне сообщила, что за год до того Барон встречался с тобой? Он описал шляпу, которая на тебе была. Каролина узнала шляпу и сделала вывод…

— Барон поступил очень глупо, но вполне в своем духе. Хотя он приятный…

— Но я не очень-то поверил Каролине. Подумал, что ей все это примерещилось.

— Ну нельзя же быть умным во всем.

— Хороший был ключ, — сказал Лоуренс. — Нужно было его использовать. Мог бы сразу тебя подловить. Ты Барона не опасаешься? Если да, то я…

— Нет, нет. Он мой лондонский посредник. Вернее, был им.

— И Барон был заодно с вами! Мне казалось, вас было только четверо.

— Нас действительно четверо. Барон Сток был всего лишь нашим лондонским агентом.

— Стало быть, вы свернули игру?

— Какую, интересно, игру? — спросила она, поджав губы в улыбке, словно поощряя его отбарабанить выученное задание.

— Контрабандный ввоз через таможню алмазов, спрятанных в гипсовых фигурках.

— Иногда и в бусинах четок, — добавила Луиза. От удовольствия она как бы помолодела, а чтобы закрепить важность для нее этой минуты, передала Лоуренсу стакан и бутылку портера и попросила открыть. Она наблюдала за тем, как темный напиток льется в стакан и как поднимается и опадает пенная шапка, — так наблюдают за сценой, какую хотят сохранить в памяти.

— Ты рисковала, бабушка.

— Невеликий был риск, — ответила она, — да и рисковали, как я понимаю, только Хогарты.

Она пододвинулась к плите и потягивала пиво в свое удовольствие.

— Сколько я раз улыбалась, представляя, как они провозят товар.

— Несколько раз в год, — предположил Лоуренс.

— Когда как, за четыре года и шесть месяцев бывало по-всякому. Одни поездки удачные, другие не очень. Многое зависело от наших партнеров на континенте. На том конце было сложно добывать нужные формы для статуэток. С четками было проще. Но Эндрю предпочитал фигурки.

— Казалось бы, частые пересечения границы должны были вызвать у таможенников подозрение. Очень рискованно, — заметил Лоуренс.

— А что не рискованно? — возразила она. — Сколько раз я хихикала про себя, когда Мервин пересказывал мне замечания таможенников. Сам-то Мервин не смеялся, ему эта процедура была не по вкусу. Они, видишь ли, выезжали под видом паломников, жаждущих исцеления. Представь себе Эндрю в инвалидной коляске, с вытянутой ханжеской физиономией, прижимающего к груди статуэтки. Чтобы, само собой, обмануть таможенников. Хогарты ездили в разные святые места помолиться Деве Марии, а там их встречал наш партнер, по-моему, респектабельный мужчина. Но я все равно наказывала Мервину и Эндрю отработать программу поклонения по полной — на тот случай, если за ними следят. С континентальной полицией нужно держать ухо востро, они народ лживый и подлый.

— Хогарты католики?

— Что ты, они вообще не религиозные. Понятное дело, они притворялись. Ну и повеселилась же я, дорогой.

— Мать узнала про выздоровление Эндрю Хогарта, — сказал Лоуренс.

— Да, я ей написала. Мне подумалось, ее заинтересует, что молодой человек, мой сосед, излечился в католическом храме. Она любит

такие истории.

— Значит, ты считаешь это чудом?

— О да, я верю в везучие места, когда приходит везенье, — сказала она. — А до этого Эндрю крепко не везло. Два года тому назад он застудил в Лурде мочевой пузырь, а вот Мйан принес ему удачу, там у них, по-моему, Черная Мадонна. Когда-то я даже была знакома с одним человеком, который прекрасно знал историю и любил старину, — так он избавился от заикания в лондонском Тауэре.

— Похоже, это связано с психологией, — заметил Лоуренс.

— Я называю все это везеньем, — сказала Луиза.

— Значит, ты не думаешь, что с Эндрю случилось настоящее чудо?

— Напротив, чудо самое настоящее, я же вижу парня вживую. Теперь он может, сидя в коляске, двигать ногами от колен и ниже, а раньше не мог.

— А что говорят врачи?

— Говорят, что ему нужна психотерапия. Ему уже лучше.

— Как врачи это объясняют?

— Говорят, что не верят своим глазам, но о чуде — ни слова. В больнице пригнали толпу

студентов поглядеть на Эндрю, но тот разом от них отделался — обложил и заплевал. Такой уж у него нрав.

— Тем лучше для него! — сказал Лоуренс. — Он, должно быть, на седьмом небе, что может двигать ногами?

— Я думаю. Но нрав у него крутой, — сказала она и протянула ему коробку сигарет: — Угостись болгарской.

Лоуренс улыбнулся, сравнив ее отзыв об Эндрю с образом чудесно исцелившегося молодого человека в воображении Хелены. В ее глазах исцеление целиком и полностью оправдывало сомнительные действия Хогартов. Оправдывало ее мать. Ее устраивало не вдаваться в последние интриги Луизы и верить в то, что Эрнест, проявив твердость на прошлогоднем ланче с Мервином Хогартом, успешно покончил со всеми неприятностями.

Когда мать сообщила Лоуренсу об исцелении Эндрю в альпийском местечке, он заметил:

— Стало быть, они не угомонились.

— Напротив, — возразила Хелена. — В худшем случае Хогарты, возможно, сворачивают свое дельце, чем бы они там ни занимались. Предполагаю, они оба станут католиками. Молодой

человек так наверняка.

— Хелена хочет все перевести на церковные рельсы, — сказала Луиза Лоуренсу, — но у нее не выйдет. Я ей сочувствую, однако церковь ни в малейшей степени не интересует Хогартов.

— Как и меня, — заявил Лоуренс.

— А вот и нет. Их она не интересует совсем по-другому.

Старая дама делала долгие перерывы между глотками, но Лоуренс с удивлением отметил, что пива в ее стакане осталось почти столько же, как в начале, хотя у него создалось впечатление, что пьет она наравне с ним, как и положено доброму собутыльнику.

— Думаю, — сказал он, — вы сорвали на всех и на каждого недурной куш.

— Ага. Но я в любом случае собиралась в этом году выйти из дела.

Хелена придумала новую надежную теорию мотивов, которыми руководствовалась ее мать. «Я уверена, что она дала себя втянуть в это непрезентабельное дело, в чем бы оно ни состояло, просто чтобы помочь молодому человеку. Мама человек крайне скрытный. С нее вполне станет задумать его поездки по святым местам, используя корыстный интерес как приманку».

Лоуренс доложил об этом бабушке. Та поморщилась и пригубила пива.

— Конечно, я знала, что поездки пойдут Эндрю на пользу. Психологически. У него появилось занятие и какое-то разнообразие в жизни. Деловая сторона мне тоже была полезна. Психологически. Мне, миленький, будет этого не хватать, это была всем потехам потеха. До чего же Хелена сентиментальна!

— Бабушка, а какую роль играл мистер Уэбстер?

— О, этот славный малый выпекал хлеб и время от времени ездил в Лондон с моими поручениями.

— Расскажи, при чем тут хлеб, — попросил Лоуренс.

— Ты нашел в хлебе бриллианты и написал об этом Каролине, что принесло нам много неприятностей.

Дневные труды, тепло и пиво сморили Лоуренса, так что он не понял, вправду ли услышал эти слова или они ему послышались.

— Что ты сказала, бабушка?

Луиза сделала глоток и ответила:

— Я ничего не сказала.

— Расскажи мне о хлебе. Кто запрятывал брил-

лианты в хлеб? Знаешь, я как-то раз их увидел.

— Мистер Уэбстер, — сказала она. — Потому что мне хотелось получать товар поскорее, как только Хогарты его доставляли. Чтобы облегчить работу лондонскому агенту. Поначалу случались кратковременные задержки — после путешествия Эндрю нездоровилось, и он задавал Мервину перца. Тогда мы договорились, что Мервин будет разбивать святых и четки и извлекать камни сразу по возвращении из поездок, а прибывали они всегда утром. Мервин звонил мистеру Уэбстеру, они пользуются телефоном, я-то люблю голубей. После чего мистер Уэбстер доставлял Хогартам хлеб.

— Якобы хлеб, — заметил Лоуренс.

Луиза закрыла глаза.

— Всякий решил бы, что он приезжал доставить хлеб. Береженого и Бог бережет. И получал за хлеб деньги.

— Вместе с алмазами.

— Да, миленький, ты у меня умница. Мистер Уэбстер был незаменим. На другое утро он доставлял мне товар прямо в хлебе. Мне не хотелось, чтобы он украдкой совал крохотульки мне в руку, словно мы напускаем тайны или делаем что-то подозрительное.

— Поразительная изобретательность, — заметил Лоуренс.

— Всем потехам потеха, — сказала Луиза.

— Но прятки с хлебом — в них не было решительно никакого смысла, — сказал Лоуренс.

— Нет, был. Не люблю, когда алмазы носят в карманах

— Догадываюсь почему, — неожиданно вставил Лоуренс. — Полиция.

— Конечно. Я полиции не доверяю. Наш местный констебль — человек хороший, но если основательно подожмет, то все полицейские на свете будут держаться вместе.

Лоуренс рассмеялся. Над нелюбовью Луизы к полиции потешалась вся семья. «Это в ней цыганская кровь говорит», — объясняла Хелена.

— Мне бы казалось, — сказал Лоуренс, — что если товар благополучно доставлен в страну, то какие-то особые меры предосторожности уже не требуются.

— Почем знать? Это была всем потехам потеха, — сказала Луиза.

Немного погодя Лоуренс заметил:

— По-моему, миссис Хогг доставила тебе неприятности.

— Нет, — возразила Луиза, — и не доставит.

— Как ты думаешь, бабушка, она может опять объявиться? У нее есть какие-нибудь улики против тебя?

— Не знаю. Но знаю, что она больше не станет меня беспокоить. Она может попытаться, но я не буду беспокоиться. — И добавила: — Ты кое-чего не знаешь про миссис Хогг.

Позже, узнав о том, что миссис Хогг связана с Хогартами, Лоуренс вспомнил это бабушкино замечание и подумал, что именно эту связь она имела в виду.

— А за боковым алтарем, вы уж поверьте мне, Каролина, — произнес Барон, — Мервин Хогг, он же Хогарт, в полном богослужебном облачении смешивал коктейли.

Такими словами он завершил описание черной мессы в Ноттинг-Хилле, на которой недавно присутствовал.

— Ну чистое ребячество, — сказала Каролина, невольно следуя свойственному католикам обыкновению преуменьшать то, чего втайне боишься.

— Вы как католичка, — сказал он, — должны считать это злом. Сам я не делаю различия между добром и злом. У меня другие категории: интересно — неинтересно.

— Для меня так точно неинтересно, — заметила Каролина.

— И в принципе вы правы. С точки зрения темных сил, это было невыразительное представление. Для поистине успешной черной мессы требуется служитель, из церковного сана изверженный, а в наше время оскудения веры такие большая редкость. Но меня интересует именно Хогг. Образно выражаясь, на темной стороне своей жизни он берет фамилию Хогг, а на светлой — Хогарт. Я сейчас работаю над монографией о психологии сатанизма и черной магии. И мои осведомители сообщают, что Хогарт недавно расколдовал сына, молодого человека двадцати с небольшим, который с детства страдал параличом нижних конечностей вследствие наложенного на него заклятия. Это доказывает, что магические способности Хогарта служат не только и исключительно злу, но…

— Скажите, — спросила Каролина, — вы хоть раз разговаривали с Мервином Хогартом?

— Лично — ни разу. Но вскоре поговорю. С ним мне устроят частную встречу. А неофициально, думаю, он уже бывал в моей лавке в образе женщины.

— Я уверена, Уилли, — сказала Каролина, — что

вы до сих пор не оправились от эмоциональных последствий ухода Элеоноры. Я уверена, Уилли, что вам следовало бы проконсультироваться у психиатра.

— Если б вы говорили правду, — сказал он, — то с вашей стороны говорить ее было бы чудовищно нетактично. Но поскольку это неправда, я делаю скидку на ваше собственное психическое расстройство.

— Значит, весь мир — это сумасшедший дом? А мы все — вежливые маньяки и осмотрительно делаем скидки на чужое помешательство?

— Большей частью, — согласился Барон.

— Я не согласна с вашим утверждением, — сказала Каролина.

— Это проявление нетерпимости.

— Это единственная альтернатива его доказательству, — сказала Каролина.

— Я и в самом деле не понимаю, — произнес Барон, — почему продолжаю откровенничать с вами.

В разное время Барон описывал Каролине, как шаг за шагом пришел к заключению, что Мервин Хогарт — сатанист и колдун. Первый намек он получил от Элеоноры.

— Она мне сказала, что до нее он состоял в

своего рода браке с ведьмой. Элеонора ее видела: отвратительная женщина. Вообще-то Элеонора и ушла от Хогарта, когда та зачастила к нему в Лэдл-Сэндс.

— Я бы не стала придавать большое значение словам Элеоноры, — заметила в ответ Каролина, едва удержавшись от того, чтобы сообщить ему, что Элеоноре еще в колледже нравилось посылать самой себе любовные письма. Удержалась же она лишь потому, что не очень верила в правдивость этой информации.

— Мой дальнейший опыт подтвердил ее утверждения. Дальнейшие мои расследования доказали, что Хогарт — главный сатанист Великобритании. Человек должен говорить, опираясь на собственный опыт и открытия. В этом отношении вы, Каролина, не составляете исключения. Ваш своеобразный опыт в меньшей степени поддается объяснению, нежели мой: у меня имеются доказательства — разбитые гипсовые статуэтки, общеизвестная практика сатанизма, черный пес. Если б вы только вникли в предмет чуть основательнее, вы бы увидели, что я прав.

Таким путем он пытался заручиться пониманием со стороны Каролины и все больше напоминал ей требовательного кредитора. «А

все потому, — сказала она себе, — что я прошлой осенью обратилась к нему с моей бедой. Он разыграл тогда старого друга и теперь хочет того же от меня, но я на это неспособна».

И она сказала:

— Вы просите меня поверить в невозможное; ваши утверждения либо соответствуют правде, либо нет; я сомневаюсь и не могу их принять. Но мой собственный опыт не требует, чтобы кто-то в него поверил. Можете называть мой опыт заблуждением, мне это безразлично. Я всего лишь фиксирую мои открытия.

Каролина последнее время размышляла о Лоуренсе и его нелепом убеждении, будто его бабушка несколько лет возглавляла шайку, контрабандой провозившую бриллианты. Думала она и о Бароне с его нелепой верой в магические способности Мервина Хогарта. Барон начинал обнаруживать нездоровое сходство с Элеонорой. Она думала об Элеоноре с ее привычкой походя разбрасывать безответственные и бездоказательные обвинения. Каролина обнаружила, что подлинные факты повсюду затушевываются. Она сознавала, что книга, в которой она действует, все еще пишется. Теперь она обдумывала сюжет про себя, отмечая факты по мере их накопления.

В ее распоряжении уже имелись записи голосов, и записи эти она изучала очень внимательно. Ощущение того, что ее вписывают в роман, было тягостным. Она оставалась в неведении о постоянном своем влиянии на развитие сюжета и мечтала, чтобы роман поскорее закончился, понимая, что ей самой повествование станет внятным лишь после того, как она наконец окажется за его рамками, одновременно будучи в нем реализованной.

В конце концов она заявила Барону, что черная магия ей просто неинтересна, и попросила впредь не поднимать эту тему.

— Она действует мне на нервы, Уилли. Я не разделяю вашего интереса к оккультизму. Впредь говорите со мной о другом.

— Вы утрачены для мира идей, — грустно заметил он. — Уверяю вас, Каролина, — у вас имелось все необходимое, чтобы вы стали интересным мыслителем. Ладно!

Как-то утром Каролине нанесли нежданный визит. Она необдуманно открыла дверь — ей должны были принести бандероль. На секунду ей показалось, что за дверью никого нет, но почти сразу она увидела в дверном проеме полную женщину и узнала непристойную улыбку миссис

Хогг — точное подобие той, какую последний раз видела в Святой Филомене.

— Можно мне с вами поговорить, мисс Роуз?

Женщина уже стояла в маленькой квадратной прихожей, занимая собой большую ее часть.

— Я занята, — ответила Каролина. — По утрам я работаю. У вас что-нибудь срочное?

— Важное, — ответила миссис Хогг, сверкнув маленькими глазками.

— Тогда проходите.

Та уселась в кресло Каролины и бросила взгляд на блокнот, в котором Каролина делала записи. Он лежал на приставном столике. Каролина наклонилась и захлопнула блокнот.

— Некий Барон Сток, — сказала миссис Хогг, — находился сегодня в вашей квартире до начала второго. В среду он ушел от вас в третьем часу дня. На позапрошлой неделе вы дважды находились в его квартире до первого часа ночи. Если вы думаете, что вам удастся с помощью таких бесстыжих штучек заполучить Лоуренса Мандерса…

— Вы ведете себя нагло, — оборвала ее Каролина. — Уходите.

— В среду в третьем часу. Не сомневаюсь, что Барон Сток привлекательней Лоуренса Мандерса, но я считаю ваше поведение низким, да и

каждый…

— Выметайтесь, — сказала Каролина.

Миссис Хогг ушла, жалкая и нелепая, как общественный резонанс. Каролина сердито схватила трубку и позвонила Хелене.

— Не могли бы вы избавить меня от вашей миссис Хогг? Она только что у меня побывала, отпускала грязные намеки по поводу моей личной жизни, ссылаясь на Уилли Стока. Она, должно быть, несколько месяцев наблюдала за моей квартирой. Вы можете как-то контролировать эту женщину? Хелена, я уверена, что вы слишком, непозволительно с нею мягки. Она скотина. Если она еще раз меня побеспокоит, я просто вызову полицию, так ей и скажите.

— Господи! Я не видела миссис Хогг несколько месяцев. Мне так жаль, Каролина. Приезжайте к нам на ланч. Прошлой осенью я рекомендовала миссис Хогг на место в Стритхеме. С тех пор она не давала о себе знать. У нас на ланч новый вид ризотто, готовится просто, за глаза хватит. Эдвина не будет. Вы давно видели Лоуренса?

— Вам бы не следовало никуда рекомендовать миссис Хогг. Она мерзкая.

— Ну ведь хочется проявить милосердие. Я с ней сурово поговорю. Она вас сильно расстроила,

Каролина?

— Нет. То есть да. Но не тем, что говорила, а тем, что собой представляет.

— У нее не все дома, — сказала Хелена.

Каролина, не теряя времени, опрыскала комнату средством для уничтожения микробов и насекомых.

Глава 9

— Чудесно иметь в своем распоряжении целый день, — заметила Каролина. — Словно чистый лист бумаги: пиши, что захочешь.

Стоял летний день, идеально подходящий, по словам Лоуренса, для пикника на берегу реки. Они выбрали место и вытащили из машины коробки с едой. У Лоуренса был выходной, Хелена тоже решила отдохнуть.

— Я так утомилась от работы в комитетах, а Эдвин в затворничестве. Я с огромным удовольствием провела бы день за городом, — призналась она в ответ на приглашение Лоуренса составить им компанию. — Но не люблю навязывать свое общество. Вы с Каролиной отправляйтесь вдвоем.

Но она довольно легко сдалась, когда Каролина тоже стала ее уговаривать.

— Хорошо. Но вы отправляйтесь первыми. Я присоединюсь к вам перед ланчем, если вы объясните, где вас искать.

Они описали место, где собирались расположиться, — на берегу Медуэй, между Кентом и Суссексом.

Там они и находились в полдень, греясь на ярком солнце и время от времени поглядывая, не покажется ли машина Хелены.

Она приехала в половине первого, и, пока автомобиль приближался, переваливаясь по колее, они разглядели, что в машине были еще двое: мужчина на переднем сиденье и женщина в черной шляпе — на заднем.

Это оказались Барон и миссис Хогг.

Хелена была отнюдь не уверена в теплом приеме, нервничала, что было для нее необычно, и начала с места в карьер:

— Вы не поверите, Уилли позвонил мне сразу, как вы уехали, и, представьте себе, он намеревался побывать здесь при первой возможности — осмотреть здешнее аббатство, правда, Уилли? Вот я его и уговорила поехать. И еще привезла бедняжку миссис Хогг, ее я тоже уговорила. Замечательно проехались, правда? У бедняжки Джорджины невралгия. Она случайно наведалась ко мне сразу, как вы уехали, вот я ее и уговорила. День на природе принесет вам огромную пользу, Джорджина. Мы не будем нарушать ваши планы, Лоуренс. Мы привезли гору еды, и вы, если захотите, можете отправиться дальше одни, а мы тем временем погреемся на солнышке.

Хелена выглядела не лучшим образом. Они принялись выкладывать снедь, и она нашла возможность поговорить с Каролиной с глазу на глаз.

— Я надеюсь, вы, моя дорогая, не приняли слишком близко к сердцу, что я привезла Джорджину. Она появилась вся такая несчастная, а я как раз укладывала в корзину продукты для пикника. Я пригласила ее, поддавшись порыву, и она, разумеется, ухватилась за мое предложение. Потом я уже пожалела, вспомнив, что вы ее не переносите. Постарайтесь не обращать на нее внимания, а если она скажет что-нибудь неподобающее, просто осадите ее. Я понимаю ваше отношение к Джорджине — иной раз я и сама видеть ее не могу, но ведь хочется проявить милосердие.

— Вам не кажется, — спросила Каролина, — что вы неверно толкуете понятие «милосердие»?

— Ну, милосердие начинается дома, — ответила Хелена, — а Джорджина в свое время служила в нашем доме.

— Миссис Хогг не у себя дома, — возразила Каролина.

— Господи, как я жалею, что ее пригласила. Это было глупо с моей стороны, я испортила вам день.

— День еще не кончился, — мягко сказала Каролина, наслаждаясь великолепной погодой.

— Все равно я жалею, что ее пригласила, — по другой причине. По пути сюда произошла одна вещь, Каролина, которая неприятно меня удивила.

Каролина заметила, что Хелена расстроена.

— Идите сюда, поможете мне достать бутылки, — предложила она, — заодно расскажете, что случилось.

— Перед поездкой я дала Джорджине таблетку от невралгии и устроила ее на заднем сиденье со всеми удобствами. Когда мы выезжали из Лондона, я спросила, не оборачиваясь: «Как вы себя чувствуете, Джорджина?» Она ответила, что ее тянет в сон. Я начала болтать с Уилли и думать забыла про Джорджину. Я решила по ее тяжелому дыханию, что она заснула.

— Она храпит, — заметила Каролина. — В Святой Филомене я, помнится, слышала ее храп за шесть дверей от своей комнаты.

— Да, верно, она храпела, — сказала Хелена. — Я подумала, что сон принесет ей пользу. Через какое-то время она перестала храпеть, и я сказала Уилли: «Спит как мертвая». Потом у Уилли кончился в зажигалке бензин, и он попросил у меня

спички. Я вспомнила, что видела их на заднем сиденье, но мне не хотелось будить Джорджину. Поэтому я остановилась и, повернувшись назад за спичками, не увидела ее.

— Как это? Что с ней случилось?

— Ее просто не было на заднем сиденье, — заявила Хелена. — Я спросила Уилли: «Господи, где Джорджина?», а он мне: «Боже мой, она пропала!» Не успел он это сказать, как мы снова увидели Джорджину. Она внезапно возникла перед нами там, на заднем сиденье, щурясь, словно сию минуту проснулась. Все произошло как в кино: затемнение — кадр. Я было решила, что мне это привиделось, но Уилли, судя по всему, видел то же самое. «Где вы были, миссис Хогг? — спросил он. — Вы исчезали, да?» Она с удивлением на него посмотрела: «Я спала, сэр».

— Вы с Уилли могли испытать совместную телепатическую иллюзию, — сказала Каролина. — Я бы не стала из-за этого переживать.

— Может быть, испытали. У меня не было возможности обсудить это с Уилли с глазу на глаз. В высшей степени странная история. Нет, правда, напрасно я привезла Джорджину. Иногда я чувствую, что способна с ней справиться, а иной раз мне кажется, что она берет верх.

— Возможно, для нее естественно исчезать, когда она засыпает, — сказала Каролина с сухим смешком, чтобы Хелена не восприняла ее слова совсем уж буквально.

— Жуткая мысль. Но я клянусь — она несомненно исчезала. Оглянувшись в первый раз, я увидела пустое сиденье.

— Может, у нее вообще нет личной жизни, — заявила Каролина и хихикнула, чтобы ее слова не прозвучали так уж зловеще.

— Ну да, у бедняжки нет личной жизни, — согласилась Хелена, имея в виду, что у Джорджины не было близких друзей и знакомых.

За ланчем миссис Хогг ела с завидным аппетитом. Каролина села от нее как можно дальше, чтобы не видеть ее большого жующего рта и не вспоминать о зрелище, которое являла собой миссис Хогг при первой их встрече в Святой Филомене, сидя напротив за трапезным столом: жуй-пауза-жуй-пауза. Миссис Хогг говорила мало, однако ее присутствие было весьма ощутимо.

Когда после ланча Каролина занялась укладкой пустых коробок в багажник Хелененого автомобиля, к ней подошел Барон.

— Вам к лицу лето, моя Каролина, — сказал он. — Ваше платье без рукавов очаровательно.

Вам идет зеленое, и вы округлились. За ланчем вы являли собой восхитительную картину — столь замкнутая в гордом одиночестве, какой всегда кажетесь, и с таким настороженным видом.

Каролина ценила лесть, тем более чрезмерную и красиво преподнесенную, ведь это свидетельствовало о том, что льстец не пожалел усилий, стараясь ей угодить. Поэтому она томно улыбнулась и стала ждать продолжения, совсем не удивляясь тому, что эти слова были прелюдией к одному из «секретов», которыми Барон так сильно жаждал с ней поделиться. Ибо с того дня, когда она наложила запрет на тему черной магии, Барон выказывал явную грусть. Она понимала, что он выбрал ее в наперсницы своей тайной страсти как раз из-за раздражения и резкости, какими она встречала его признания. Когда б она, подобно другим его знакомым, проявляла к его эзотерическим увлечениям всего лишь терпимость и превращала их в предмет шуток и пустой болтовни — «Уилли, голубчик, раскройте нам заклинение, превращающее человека в муху. Мы могли бы наблюдать за всеми знакомыми… А если еще угодить в банку с вареньем…» — когда б она только могла держаться с Бароном весело и непринужденно, он и не подумал бы донимать ее

своими «секретами».

Умаслив ее, таким образом, вступительной речью, он сразу же перешел к делу.

— Должен вам сказать, Каролина, что по дороге сюда в машине произошла удивительная история. Эта женщина, миссис Хогг…

Каролина попыталась быть с ним любезной.

— Хелена уже рассказала мне о случившемся. Вы явно заразили ее, Уилли, своими фантазиями. Явно…

— Уверяю вас, Каролина, я в жизни не разговаривал с Хеленой на оккультные темы. Эти дела я поверяю далеко не каждому. Объяснить загадочный феномен случившегося в автомобиле можно только тем, что эта женщина Хогг — ведьма.

— Необязательно, — возразила Каролина, — даже если она и вправду исчезала. По-моему, для ведьмы она слишком невежественна. — И добавила: — Хотя лично я в ведьм особенно и не верю.

— Я сделал любопытное открытие, — гнул свое Барон. — Я, понимаете ли, уверен, что эта женщина Хогг — ведьма, на которой был женат Мервин Хогарт. Все факты сходятся: как я вам уже говорил, его таки знали под фамилией Хогг. Мои осведомители сообщают, что в молодости

он только этой фамилией и пользовался. Эта Джорджина Хогг — его жена-ведьма.

— Ерунда. Она давно служила у Мандерсов. По-моему, она вышла замуж за двоюродного брата. У нее еще сын калека.

— Калека? Значит, это наверняка она, ведьма, его жена! Это ее сына исцелило несколько недель тому назад колдовство Хогарта. Наверняка это тот самый молодой человек!

— Притянуто за уши, — заявила Каролина. — И вообще, Уилли, все это нагоняет на меня скуку.

На самом деле, как он видел, это ее возбуждало. «Герб Хогартов на портсигаре Элеоноры, — думала она. — Лоуренс узнал его, он такой же, как у миссис Хогг…» Она решила, что позже поговорит об этом с Лоуренсом.

В эту минуту Хелена ей крикнула:

— Каролина, вы не принесете мою книгу? Я кинула ее в глубь багажника вместе с подушкой-думкой. Не могли бы и ее прихватить?

— Вот черт! — прошептала Каролина.

Для этого требовалось освободить багажник. Барон помог Каролине вытащить книгу с подушкой из дальнего угла, не переставая говорить быстро-быстро, словно хотел в ближайшие пару минут выложить как можно больше своих драго-

ценных «секретов».

— Тот же самый молодой человек, — сказал он, — вы увидите, что я прав.

— Должно быть, вы ошибаетесь, — возразила Каролина, переводя дыхание: ей пришлось передвигать коробки, старые канистры и прочий хлам. Она напомнила себе, что не далее как накануне Хелена сообщила: «Представьте себе, я рассказала миссис Хогг о чуде, которого сподобился молодой Хогарт. Мне подумалось, что это укрепит ее надежду на выздоровление собственного сына-калеки. Но она, вы только вообразите, не захотела считать это чудом, заявила, что будь это настоящее чудо, молодой человек стал бы католиком. К сожалению, молодой Хогарт уехал с женщиной, если не ошибаюсь, с богатой теософкой. Возможно, не следовало сообщать про это Джорджине».

— Должно быть, вы ошибаетесь, — сказала Каролина Барону. — Хелена знает про обстоятельства Джорджины Хогг. Спросите Хелену, она подтвердит, что миссис Хогг никак не связана с Хогартами.

И вновь она подумала о гербе.

— Хелена не знает, — сказал Барон. — И вот еще что, Каролина. Я жду не дождусь, Каролина.

Сегодня я намерен встретиться с Мервином Хогартом. Мне передали, что он гостит в аббатстве в нескольких милях отсюда. Возникает вопрос — с чего бы ему находиться в религиозном приюте? Он наверняка выдает себя за католика-затворника. Рискну утверждать, что он собирается похитить освященные хлеб и вино, чтобы использовать их в черной мессе. В конце-то концов, нужно же ему где-нибудь их раздобыть…

Каролина дернула его за рукав и кивком указала на живую изгородь в нескольких ярдах от автомобиля. Он поглядел в ту сторону и успел заметить нырнувшую за изгородь черную шляпу.

— Миссис Хогг нас подслушивает, — громко сказала Каролина.

— Вы меня звали, мисс Роуз?

Миссис Хогг вышла из-за изгороди с таким видом, словно за ней и не пряталась.

— Тут очень мило, — произнесла она со своей обычной улыбочкой. — Вы звали? Мне показалось, вы позвали: «Миссис Хогг».

Каролина быстро ушла, Барон следом за ней, а миссис Хогг отправилась по тропинке вдоль реки.

Каролина отдала Хелене книгу со словами:

— Она соскользнула в глубь багажника. Мне

пришлось все переворошить. Вымоталась как после целого дня работы.

— Не нужно вам было самой — я думала, Уилли возьмет весь труд на себя. Уилли, почему вы не взяли труд на себя?

— Я взял, моя Хелена, — возразил Барон.

— Миссис Хогг стояла пригнувшись за живой изгородью и подслушивала наш разговор, — сказала Каролина.

— Сам я придерживаюсь восточного взгляда на физический труд, — подал голос Лоуренс. Он лежал, растянувшись в узорчатой тени листвы.

— Ее беда в том, что у нее нет ничего в жизни, — сказала Хелена. — Она из тех, кто любит совать нос в чужие дела. А все оттого, что у нее нет своей жизни. Я жалею, что ее привезла, и с ужасом думаю о том, как повезу назад.

— Как мило, — рассмеялся Лоуренс. Хелена не посвятила его в утреннюю жутковатую историю с Джорджиной.

— Я отправила ее прогуляться, — сообщила Хелена, оглядываясь кругом. — Как бы с ней чего не случилось.

Джорджины не было видно.

— Джорджины не видно, — добавила она с тревогой в голосе.

— Ты ее отправила, вот она и отправилась, — сказал Лоуренс. — Перестань трястись. Расслабься. Почитай свою книжку. Слишком много разговоров.

— Куда она пошла? — спросила Хелена.

— По тропинке вдоль реки вниз по течению, — ответила Каролина.

— Молчание, — сказал Лоуренс и начал читать нараспев: — Отринь все заботы, отринь и все страхи, всё преходяще…

— Лишь Бог неизменен, — подхватила Хелена, удивившись тому, что он запомнил слова[15].

Барон изучал карту.

— Я должен вернуться в начале пятого. Вас это устроит? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил Лоуренс. — Пожалуйста, отбывайте.

— Аббатство находится на другом берегу, — сказал Барон, — но в двух милях ниже по течению есть мост. Так я вернусь в самом начале пятого.

Он перекинул куртку через руку и тронулся в путь. Все проводили его ленивым взглядом, пока он не скрылся за поворотом.

— Интересно, зачем ему понадобилось в аб-

---

[15] Примечания: 15

Строки, которые святая Тереза Авильская (1515–1582) записала в своем требнике.

батство, — сказала Хелена, — там нет ничего особенного, то есть особенного в архитектурном плане.

— Барону нужен один человек, который, как он считает, сейчас гостит в аббатстве. Человек по имени Мервин Хогарт, — осторожно заметила Каролина.

— Мервин Хогарт! Значит, Уилли его знает? — поразилась Хелена.

— С чужих слов, — сказала Каролина.

— Это отец молодого человека, который излечился, — объяснила Хелена. — Разве мистер Хогарт обратился в католичество?

— Барон считает его колдуном, — сказала Каролина. — Он думает, что Мервин Хогарт — глава кружка черной магии и находится в аббатстве, выдавая себя за мирянина-затворника, а на самом деле с целью похитить освященную гостию.

— Какой ужас, какой ужас!

— У Барона заскок, — вставил Лоуренс.

— Вот именно, — добавила Каролина.

— По всей видимости, притянуто за уши, — высказалась Хелена. — Как вы считаете, для этого имеются какие-нибудь основания?

— Решительно никаких, — ответила Каролина. — Я бы удивилась, если б он застал в аббатстве

Мервина Хогарта, и удивилась вдвойне, если б его подозрения подтвердились.

— Вот будет ужас, если подтвердятся, — сказала Хелена. — Но если и так, Уилли Стоку-то с какой стати беспокоиться? Он что, хочет разоблачить Хогарта?

— Нет, написать монографию.

Каролина подставила ладони солнцу, чтоб загорали.

— Он думает, что черная магия не привлекает его, он всего лишь проявляет к ней интерес, тогда как на самом деле она его полностью поглощает. «И, как рука красильщика, всегда я, — процитировала она, — во власти полной моего труда. Но пожалей меня…»[16]

— Уилли всегда отличался эксцентричностью, — заметила Хелена.

— Это часть его англомании, — сказал Лоуренс.

— Интересно будет послушать, — заметила Хелена, — что он скажет по возвращении.

— Не касайтесь того, о чем я рассказала, — попросила Каролина, — бедный Уилли такой ранимый.

Слова «бедный Уилли» доставили ей неизъяс-

---

[16] Примечания: 16

Уильям Шекспир. Сонет 111. Перевод А. Шаракшанэ.

нимое наслаждение. Они погасили ее раздражение от «бедняжки Каролины», каковой фразой Барон наверняка завершал многие послеполуденные посиделки на Чаринг-Кросс-роуд. Ей было особенно приятно подорвать авторитет Барона в глазах Хелены. Время от времени Хелена осторожно выспрашивала Каролину, всем ли она довольна и не беспокоит ли ее что. Из чего Каролина делала интуитивный вывод, что Барон высказывался о ней. Вообще-то Хелена не поощряла его болтовню. Однажды ранней весной он задал ей прямой вопрос:

— Между Лоуренсом и Каролиной все кончилось?

— Нет, не думаю. Они ждут.

— Чего именно? Дорогая моя, они не маленькие, — сказал Барон.

— Полагаю, что Каролина хочет разделаться с книгой. Но я и вправду не в курсе их дел. Мне бы хотелось от них чего-то определенного, но пока все вот так.

— Какую книгу Каролины вы имеете в виду — ту, которую она пишет, или ту, в которой живет? — спросил Барон.

— Послушайте, Уилли! Каролина не дурочка. Да, у нее было легкое расстройство, она кое-что

вообразила. Ну и этот несчастный случай. Но с того времени она поправилась, и все чудесно.

— Драгоценная моя Хелена, я вас уверяю, что с того времени она постоянно принимает сообщения от своей Призрачной Машинки.

— Чепуха. Каролина совершенно нормальна. Как по-вашему, Уилли, кто выиграет «Линкольн»?[17]

Так что, когда Хелена время от времени спрашивала Каролину «Дорогая, теперь вы всем довольны?» или «Ничто вас не беспокоит?», Каролина становилась недовольной и беспокойной.

Поэтому в день пикника она с особенным удовольствием обсудила с Хеленой последнюю фантазию Барона.

— Эту свою гипотезу он, верно, построил на слухах и сплетнях, — заявила Хелена и добавила с неожиданной резкостью: — Ненавижу слухи и сплетни.

«Ей не дает покоя миссис Хогг, — подумала Каролина. — У нее не выходит из головы случай в автомобиле. Бедняжка Хелена! Ей, наверное, совсем не нравится видеть вещи такими, каковы они есть».

---

[17] Примечания: 17

Ежегодные скачки, до 1965 г. проводились на ипподроме в г. Линкольн.

Лоуренс лежал, прислушиваясь к голосам, в полном благорастворении, не вникая в смысл разговора. Он чувствовал себя слишком разморенным на теплом солнышке, чтобы участвовать в разговоре, и слишком околдованным ощущением летнего дня, чтобы тратить это ощущение на сон. Он следил за молодой толстой женщиной в пришвартованном поблизости плавучем доме. Время от времени она ныряла в каюту то за одним, то за другим. Сперва за ярким шарфиком, чтоб накрыть голову от солнца. Затем за подушечкой. Потом, как показалось Лоуренсу, оставалась внизу долго-долго, и он было подумал, что она уже не вернется. Однако она появилась с чашкой чая и стала пить, устроившись на крохотном капитанском мостике как в кресле-бочонке. Пребывая в состоянии приятной лени, Лоуренс отдавал долгие праздные мгновения наблюдению за женщиной, провожал взглядом каждый сделанный ею глоток. Он пожалел, что не ему принадлежит этот плавучий дом, и задался вопросом, где может находиться его хозяин. Лоуренс не сомневался в его существовании — толстушка называла его «дружком». Лоуренс пожалел, что не может лежать в полудреме на берегу и одновременно обследовать каюту, изучить кухонную

утварь, обшарить койки и машинное отделение. Маленькая весельная лодка у борта плавучего дома пришлась ему по душе.

До него долетели слова Каролины:

— Я поставлю воду для чая.

Она зажгла спиртовку.

— Гроза, — сказала Хелена.

— Нет, — возразил Лоуренс, — не может быть. Я как раз подумал, а не попросить ли напрокат эту лодочку, переплыть на ту сторону.

— По-моему, я слышала гром, — сказала Каролина.

— Нет.

— Четверть пятого, — заметила Хелена. — Интересно, куда подевалась Джорджина.

— Испарилась, — ответ Лоуренса попал в самую точку.

Хелена прогнала его искать Джорджину.

— Сейчас точно пойдет дождь, — сказала она.

Небо заволокло тучами, и, вопреки возражениям Лоуренса, явственно слышался рык отдаленной грозы.

— Гроза бушует над холмами за много миль отсюда, — сказал Лоуренс. — До нас она не дойдет.

Тем не менее он отправился искать миссис Хогг, остановившись по пути рассмотреть плавучий

дом. Толстая девушка спустилась вниз.

Хелена и Каролина принялись убирать в машины посуду и коврики.

— Даже если нас минует гроза, — заметила Хелена, — в ближайшие десять минут наверняка пойдет дождь.

На другом берегу внезапно появился Барон. Он что-то кричал, но на расстоянии его не было слышно. Описав руками окружность, он дал понять, что возвращается по мосту.

— Он вымокнет, — сказала Каролина. — Бедный Уилли!

И, помахав рукой, она остановила его.

— Попрошу разрешения взять лодку и перевезу его, — объяснила она.

— Вот было бы славно, — сказала Хелена. — Вы уверены, что у вас получится?

Но Каролина, накинув на плечи плащ Лоуренса, уже спешила к плавучему дому. Барон на минуту застыл в нерешительности, но, увидев, что Каролина нагнулась и постучала к крохотное оконце, понял ее план и стал ждать. Через пару минут Каролина жестом дала ему знать, что разрешение на лодку получено.

Пошел легкий дождик, он даже не замутил поверхность реки. Каролина быстро достигла

другого берега, Барон перебрался в лодку и сменил ее на веслах.

— Видел я Хогарта, он же Хогг, — сразу же выложил ей Барон, — но он был переодетым. Совсем не тот человек, который у меня на глазах служил черную мессу. В таких обстоятельствах я остерегся обращаться к нему непосредственно.

— Откуда вы тогда знаете, что это был Мервин Хогарт?

— Спросил у послушника. Тот подтвердил, что Мервин Хогарт остановился у них, и показал мне его. Они-то думают, что он приехал в аббатство рыбачить.

— Как это — рыбачить?

— Судя по всему, аббатство сдает в пользование полоску берега, где хороший клев. А рыболовов пускают жить в аббатстве, даже не подозревая о том, кому дают приют. Хогарт, он же Хогг.

— По-моему, Уилли, вы все перепутали. — Каролина натянула плащ на голову и разгладила под ним волосы. — Мужчина на черной мессе был, наверное, другим Хогартом.

— Нет-нет, его фамилия была Хогг. Хогарт — это для повседневной жизни. Мне точно известно, что Мервин Хогарт был рожден Мервином Хоггом.

— Мужчина на черной мессе был, наверное, другим Хоггом.

— У меня есть полная картина, а у вас только фрагменты, — возразил Барон. — Когда я сегодня уходил из аббатства, я увидел, что пришла ведьма, миссис Хогг. Я вернулся и пошел следом за ней. И увидел — собственными глазами, Каролина, увидел, как миссис Хогг подошла к мистеру Хогарту. Он в это время возился с удочкой. Конечно, он узнал миссис Хогг, и у него был жалкий вид. Они обменялись несколькими словами, и вскоре он ушел, оставив ее одну. Эти двое, ясное дело, прекрасно знают друг друга.

Они пристали к берегу, Каролина поблагодарила женщину, а Барон тем временем привязал лодку.

Они прошли к автомобилю, и Хелена встретила их словами:

— Джорджины нигде не видно. Лоуренс вернулся и снова пошел ее искать. Вот досада.

— Она приходила в аббатство, — сказал Барон. — Полчаса назад я ее там оставил.

— Вот незадача. Что ж, придется ее подождать. Попробуем продолжить чаепитие на заднем сиденье.

Гроза по-прежнему была далеко. Буря бушевала

за несколько миль, и было непохоже, что она до них доберется.

— В каком направлении пошел Лоуренс? — спросил Барон.

— К мосту.

— Я возьму его машину и поеду навстречу. Думаю, подберу и возвращающуюся миссис Хогг. Сейчас она, должно быть, уже у моста.

Он уехал. Хелена каждые пять минут выглядывала в заднее окошко автомобиля.

— Они, надеюсь, не разминутся, — сказала она. — Лоуренс в одной куртке. Ой, а вон и Джорджина.

На другом берегу миссис Хогг спускалась к реке по тропинке между деревьями. Она заметила Хелену и приветственно подняла руку.

Хелена разыграла перед ней какую-то бешеную пантомиму. Миссис Хогг застыла на месте с глупым видом.

— Каролина, — сказала Хелена, — будьте ангелом.

— Вы хотите, чтобы я перевезла ее в лодке, — заявила Каролина.

— Только, пожалуйста, накройтесь плащом, — возбужденно попросила Хелена. — Мы прождем ее до бесконечности, если она потащится в обход

через мост. Это две мили туда и две обратно. А я умираю — хочу домой.

Но Каролина не ответила, и до Хелены, видимо, дошло, что она попросила больше, чем о простом одолжении.

— Я сама перевезу, — мгновенно нашлась Хелена. — Дайте мне плащ. Уверена, что я справлюсь с лодкой.

Каролина была уверена, что не справится. Она выскочила из машины и бросилась к реке, словно решила перебороть собственную натуру.

Несмотря на дождь, Хелена побежала за ней в одном кардигане поверх летнего платья. Она нагнала Каролину у плавучего дома и, в свою очередь, рассыпалась перед хозяйкой в благодарностях. Каролине, пока та отвязывала лодку, она сказала:

— Вы проявляете истинное милосердие, Каролина. Бедняжка Джорджина промокла бы до костей, если б пошла в обход через мост.

Каролина любезно ей улыбнулась, из гордости не желая выказывать охвативший ее ужас. Причиной же ужаса был сущий пустяк. Она знала, что ей придется дать миссис Хогг руку, чтобы помочь перебраться в лодку. Предчувствие этого физического контакта — ее рука всего лишь на

краткий миг в руке миссис Хогг — и страшило Каролину. Сущий пустяк, но именно он и вселял в нее ужас.

— Шагните вот сюда, миссис Хогг. На этот камень. Дайте руку. Осторожней, здесь глубоко.

Берег утопал в иле, однако имелись несколько надежных опор для ног. Каролина широко расставила ноги, подалась вперед и крепко схватила миссис Хогг за руку. Сюда, теперь шагнуть туда. «У меня получается», — подумала Каролина, крепко сжимая ее руку в своей. Вся ее жизнь сосредоточилась в этой руке.

К туфлям миссис Хогг на резиновой подошве налипло много грязи. При всей ее осторожности она поскользнулась на каблуках и качнулась назад, причем Каролина продолжала сжимать ее руку. Лодка резко накренилась. Через миг миссис Хогг шумно плюхнулась в реку, и Каролина, не отпуская ее руки, которую инстинктивно сжимала, чтобы побороть ужас перед телесным контактом с миссис Хогг, упала следом. Миссис Хогг в панике завизжала и заколотила руками по воде. Каролина разжала руку и вцепилась в борт лодки. Но миссис Хогг оторвала Каролину от лодки и схватила за шею:

— Я не умею плавать!

Каролина ударила ее по лицу.

— Я умею, держитесь за мои плечи!

Однако ничего уже не соображавшая женщина крепко сжимала ей шею. Каролина увидела, что лодчонка, подскакивая, уносится прочь по течению. Тут миссис Хогг закрыла ей огромной ладонью глаза, так что она перестала видеть, а другой рукой мертвой хваткой вцепилась ей в горло. Она прижималась к Каролине всем телом и даже обхватила ее ногами, ограничив возможность двигать руками. Тут Каролина поняла, что если не сможет освободиться от миссис Хогг, они обе уйдут под воду.

Они и ушли, и какое-то время их не было видно. Потом Хелена утверждала, что голова Каролины появилась на поверхности через пять-шесть секунд, но за этот промежуток между женщинами произошла схватка — кто дольше удержит дыхание. Каролина занималась подводным плаванием. Миссис Хогг нет. Она до последнего сжимала горло Каролины. И лишь тогда, когда миссис Хогг открыла наконец рот и втянула в себя воду, ее хватка ослабла и Каролина освободилась. Ее легкие мучительно требовали глотка жизни. Миссис Хогг от нее оторвало и унесло Бог знает куда.

Каролина почувствовала, что ее волокут по волнистой поверхности и с глухим стуком бросают на землю словно задыхающуюся рыбину. Затем она потеряла сознание.

— Вам еще здорово повезло, что тут оказался мой дружок, сама-то я не умею плавать.

Каролина лежала на койке в плавучем доме, не зная и не желая знать, где находится. Она узнала Хелену и полную хозяйку плавучего дома, затем увидела незнакомого мужчину, который стаскивал с себя мокрую одежду. Каролина ощутила себя маленькой девочкой и закрыла глаза.

— А другую я не нашел, — продолжал мужчина. — Потопла, значит. Она вам не родня?

— Нет, — раздался голос Хелены.

— Она выдала этой вот по полной программе, — сказал мужчина. — Гляньте на ее лицо. Бьюсь об заклад, ее научили задерживать под водой дыхание. Если б не умела задерживать, тоже утопла бы, эта вот.

Хозяйка домика помогла Каролине выпить маленькими глотками теплой воды из стакана.

— У вас найдется что-нибудь постелить на носилки? — спросила Хелена.

Вскоре Каролина почувствовала, как ее лицо и горло смазали чем-то мягким. У нее саднило шею.

И снова она пила маленькими глотками теплую сладкую жидкость, и Хелена поддерживала ее за плечи.

Мужчина произнес:

— Я как мог поискал ту, другую. Там глубоко. Тело-то, думаю, мы найдем. Пять лет назад тоже была такая трагедия, так тело нашли через два дня.

— Вы были великолепны, — пробормотала Хелена.

Прежде чем погрузиться в сон, Каролина услышала донесшийся снаружи голос Лоуренса, потом Барона и снова Хелены.

— Ну вот и они с доктором.

Сэр Эдвин Мандерс приступил к осеннему затворничеству. 24 октября, в День святого Рафаила; он прибыл в монастырь после полудня и успел к вечерней молитве.

Окно его комнаты выходило в зеленый дворик, усыпанный опавшими листьями. Остановив взгляд на залитом солнцем квадрате травы и листвы, он отдался мыслям об удивительных событиях в своей семье.

Пребывая в затворничестве, он обычно предавался размышлениям — под руководством духовного наставника — о состоянии собствен-

ной души. За последние несколько месяцев у него возникли основания задуматься над тем, не часто ли он удаляется в затворничество. Дома происходили поразительные вещи, необычные события, о которых он всегда узнавал задним числом.

— Почему ты тогда же мне не сказала, Хелена?

— Ты был в затворничестве, Эдвин.

Тогда у него зародились некоторые сомнения относительно затворничества. Он сказал своему духовному наставнику:

— Может, лучше было бы провести это время дома. Моей семье пришлось столкнуться с трудностями… мой сын… мой брат… моя теща… одна наша старая прислуга… было бы лучше, если б я не предавался затворничеству так часто.

— Могло быть и хуже, — сказал проницательный старый священник таким тоном, словно и вправду так считал. Унизительная мысль, однако же благотворная для души.

— Они прекрасно обошлись без меня, — признал Эдвин Мандерс.

И вот он снова оказался в затворничестве. На этот раз он действительно не хотел уезжать. Но Хелена настаивала. Эрнест с присущей ему застенчивостью сказал: «Кто-то же должен за нас помолиться, Эдвин». Лоуренс сказал: «Отказаться

от осеннего затворничества? Нет, ты не можешь так поступить». Но не привел никаких причин. Каролина Роуз отвезла его на вокзал.

Многие годы его тянуло посвятить жизнь религиозной медитации. Чтобы полнее ей предаваться, он ушел из «Фиг Мандерса», оставив за собой лишь номинальный пост главы. Хелена гордилась тем, что он все чаще обращался в монастыри за духовной помощью. В этот момент до него дошло, насколько успешно она поспособствовала легенде о его «несомненной святости», и, честно говоря, почувствовал себя неловко. Его все больше и больше привлекали условности аскетической жизни. И лишь этой осенью, раздумывая, покидать ему дом или нет, он осознал, что его насильно в эту жизнь толкают.

С прибытием в монастырь все сомнения кончились. Чары начали действовать. Строгая келья была как наркотик. Доносящееся из часовни повышение и понижение голоса в кантус фирмус[18] приглашало его в свой неизменный чистый мир. Бесшумные, неподвластные времени послушники занимались, как положено, своими делами, заставляя Эдвина Мандерса ощущать

---

[18] Примечания: 18
Ведущая мелодия в полифоническом многоголосии.

собственное приятное ничтожество перед лицом этих исполненных глубины избранных. В эту минуту от Эдвина было, к счастью, сокрыто, что в монашеских покоях прорвало трубу и затопило половину спален, из-за чего там царил полный кавардак; что одного из послушников нещадно выворачивало наизнанку; что настоятелю не давала покоя банковская задолженность. Таким образом, он был достаточно свободен от материальных забот, чтобы ясно узреть свое духовное искушение, каковое, решил он, в конечном счете вполне можно преодолеть — эту роскошную ностальгию, этот дурман религиозной службы, ибо он более или менее понимал, что монаха из него при всем желании не получится. Он сосредоточился на семейных делах.

Два из них относились к категории неприятных, поскольку сведения о них попали в газеты. Он не мог решить, какое из них хуже — касающееся Луизы Джепп или связанное с Джорджиной Хогг. Наконец все-таки решил, что дело Джорджины в целом серьезнее. И добрых полчаса думал исключительно о Джорджине, чье тело, как все считали, покоится в иле на дне реки Медуэй, поскольку его так и не нашли. Вечерние лондонские газеты опубликовали материал с указанием

имен Хелены, Лоуренса, Каролины, Барона Стока и пары с плавучего дома. Имело место дознание. Бедняжка Хелена. Ему вспомнилось, что в далекие времена домашние наградили Джорджину прозвищем Мандерсова Мучительница.

Как он узнал задним числом, потому что в то время находился в затворничестве, Хелена попросила Лоуренса навести справки о сыне бедняжки миссис Хогг. Парень оказался неудачником: выяснилось, что отец у него — двоеженец. Хелена прекратила расследование, как только узнала, что Элеонора Хогарт причастна к двоеженству; несомненно, по неведению, но еще одна неприятность — она была партнершей его брата Эрнеста… Хелена замяла дело. Хелена была великолепна.

— Нам было дано предостережение о смерти миссис Хогг. Мы с Уилли Стоком ехали на пикник, а Джорджина сидела сзади…

Женщины, разумеется, любят пофантазировать. Эдвин часто задавался вопросом, есть ли в рассказах о чудесном исцелении сына миссис Хогг хоть зерно правды. Хелена не сомневалась, что да. Официальные отклики на эту тему отсутствовали. Молодого человека взяла под свое крыло какая-то богачка, не то теистка, не то теософка. Во всяком случае, по последним данным

он покинул дом этой женщины и отбыл в Канаду выступать с лекциями о своем исцелении. «При всем том, — подумал Эдвин, — юный Хогарт может быть достойнее меня». Аналогичным образом, когда он обратился мыслями к Барону Стоку, он пробормотал «Miserere mei, Deus»[19]. Барон, человек, вероятно, достойнее его, проходил лечение в частной психиатрической клинике и был, по общему мнению, в восторге. Эдвин подумал о своем брате Эрнесте, который так любит жизненные блага и имеет так мало денег — и, возможно, не так уж влюблен в эту танцовщицу. Он заставил себя обратиться мыслями к Элеоноре… «Все они страдали, а я тем временем тучнел от поста». Он и вправду этому верил, на самом деле он был не таким ограниченным, как казался.

А подумать про тещу! И он со всей решимостью приступил к размышлениям о Луизе Джепп. Он и тут не мог ухватить суть дела… контрабанда бриллиантов, шайка, прямо какая-то приключенческая повесть. Не говоря уже о реальном безрассудстве Луизы, которое приводило в полнейшее замешательство. Собрав все свое мужество, он заставил себя восстановить в памяти то сентябрь-

---

[19] Примечания: 19
Помилуй меня, Господи (*лат.*).

ское утро, когда Хелена за завтраком неуверенно протянула ему письмо. Как выяснилось, от Луизы. К письму была приложена вырезка из местной газеты. Заголовок гласил: «Свадьба на закате». Длинная колонка начиналась со слов: «На закате жизни двое долгожителей Ледилиса связали себя узами Священного Брака. В церкви Всех Святых в прошлое воскресенье миссис Луиза Джепп, 78 лет, проживающая в коттедже “Логово контрабандистов” в Ледилисе, пошла под венец с мистером Дж. Дж. Л. Уэбстером, 77 лет, проживающим в коттедже “Старая мельница” в Ледилисе… Невеста поклялась “повиноваться”…» Затем следовала подробная информация о Уэбстере и его карьере в торговом флоте. Колонка заканчивалась словами: «У миссис Джепп (ныне Уэбстер) одна дочь, леди Мандерс, жена сэра Эдвина Мандерса, главы знаменитой фирмы “Фиги Мандерса в сиропе”. Преподобный Р. Сокет, проводивший церемонию венчания, заявил: “Это счастливое и исключительное событие. Миссис Джепп очень любят и почитают в нашем приходе, хотя она не из тех, кто ходит в храм регулярно”».

Сопроводительное письмо было коротким. В нем Луиза, в частности, отметила: «Строго говоря, утверждение, что я не посещаю храм регулярно,

не вполне соответствует истине, потому что я регулярно хожу туда в Поминальное воскресенье»[20].

— Не нам судить о ее мудрости, — мрачно сказала Хелена.

Эдвин смотрел в окно на зеленый квадратный дворик, опавшие листья. Miserere nobis… Помилуй нас.

Лоуренс и Каролина были в восторге от замужества Луизы. От Лоуренса этого следовало ожидать. Он всегда обожал бабушку. Она и в самом деле очаровательна, в самом деле.

Эдвин задался вопросом, а заинтересована ли сама Каролина в замужестве?

— Она ждет, чтобы Лоуренс вернулся к вере, — сказала Хелена.

Сомнительно. Каролина относилась к странному виду католиков — все от головы, очень мало от сердца.

— То чудовищное несчастье на реке с бедняжкой Джорджиной не имело для Каролины плохих последствий, — сказала Хелена. — Должно быть, у нее крепкий организм. Напротив, после того

---

[20] Примечания: 20

В Великобритании — ближайшее к 11 ноября, дню окончания Первой мировой войны в 1918 г.; в этот день поминаются жертвы обеих мировых войн.

случая она стала много беззаботнее. Такое впечатление, будто она чем-то довольна, я не знаю, чем именно.

Каролина закончила книгу о романе и объявила, что надолго уезжает отдохнуть. Будет писать роман.

— Какой же это отдых, — возразила Хелена, — раз вы собираетесь потратить все время на писание романа.

— Это обязательный отдых, — ответила Каролина.

— О чем же роман?

— О действующих лицах романа, — ответила Каролина.

Сам Эдвин заметил:

— Пусть это будет старомодная история с бесхитростным сюжетом и без всяких новомодных мистификаций. Завершите его смертью злодея и замужеством героини.

Каролина рассмеялась и сказала:

— Да, этим он и завершится.

Несколько недель спустя действующее лицо по имени Лоуренс Мандерс обшаривало квартиру Каролины Роуз. Она уехала в Вустершир писать роман, он же пришел в ее квартиру собрать книги, которые она попросила ей выслать.

Лоуренс не спешил. На самом деле книги интересовали его в последнюю очередь.

«А что я ищу?» — подумал он, перебирая платья в ее гардеробе.

Он нашел нужные книги, но перед уходом сел за письменный стол Каролины и написал ей письмо.

Я провел в твоей квартире 2 часа 28 минут, – написал он. – Разыскал нужные тебе книги и осмотрел квартиру. Зачем ты заперла правое отделение стенного шкафа? Я с трудом открыл его и нашел всего лишь бигуди в одной коробке, шарфы в другой и еще белые перчатки. Запереть дверцу я не смог. И вот только что спросил себя – что я ищу?

Я обнаружил в шкафу огромную пачку твоих заметок для романа в картонной коробке с надписью «Хранить в прохладном месте». Почему ты их оставила? Какой смысл делать заметки, если ты ими не пользуешься, когда пишешь книгу?

Хочешь, я их тебе отправлю?

А может, ты их для того и оставила, чтобы я прочитал?

Но как-то ты, помнится, сказала, что всегда делаешь массу заметок для книги, чтобы потом к ним не обращаться. Я чувствую себя одураченным.

Скажу, что я думаю о твоих заметках:

1. Ты представляешь нас всех в ложном свете.

2. Ты, ясное дело, из породы мучениц. Мученица непонимания. Но в действительности ты сама никого не понимаешь, например, Барона, моего отца, меня; нас мучает твое непонимание.

3. Я тебя люблю. По-моему, ты безнадежно себялюбива.

4. Мне не нравится выступать действующим лицом твоего романа. Чем все это кончится?

Лоуренс написал длинное письмо, перечитал написанное, сложил и заклеил конверт. Конверт он сунул в карман, заметки Каролины уложил назад в коробку, а коробку поставил в шкаф.

Когда он свернул в Хемпстед-Хит, осенний день уже клонился к вечеру. Религия сильно изменила Каролину. Одно время он думал, что вера облегчит жизнь ей, а косвенным образом и ему. «Это должно стать твоим личным делом», — за-

метила Каролина по какому-то случаю, приведя его в бешенство самоуверенностью всезнайки. «Я хотя бы честен, — подумал он. — Я не понимаю Каролину». У него не получилось высказать в письме свои возражения. Он вытащил письмо из кармана, разорвал на клочки и бросил на ветер, который понес их по парку. Он следил за тем, как маленькие бумажки прерывают полет — одни на жесткой земле, другие на глубоком болоте, запутавшись в траве и водорослях, а какой-то клочок — зацепившись за колючку терновника. Но тогда он еще не предвидел охватившего его позже удивления пополам с непонятным восторгом, оттого что его письмо попало в книгу.

Над книгой работали

Редактор *В. Генкин*
Оформление серии *Т. Семенова*
Художественный редактор *К. Баласанова*

Издательство «Текст»
E-mail: text@textpubl.ru
www.textpubl.ru
Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2016